

ВЕСИ

№ 4, 2021

ВОЛЬФ БУЛЬБА

Живописец, скульптор, керамист. Член Союза художников СССР.

В 1991 году репатриировался в Израиль. Автор иллюстраций более 140 книг для детей.

Его труд отмечен премией Якова Фихмана, а также дипломами за лучшие иллюстрации к произведениям израильской литературы.

В 2011 году ему присуждена премия «Человек года» в области изобразительного искусства.

(См. – 40 стр.)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артемов
д.и.н. С.В.Голоикова
(Екатеринбург)
к.и.н. А.С.Еремин (Ирбит)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепапова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвиг
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Екатеринбург)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
доктор культурологии
С.Г.Фатыхов (Челябинск)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке: (4) живопись Вольфа Бульбы.
Выпущено в свет 30.05.2021 г.

Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

12+

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы все разные.

Почему одни люди улыбаются, а у других уже
давно на лице отпечатались складки уныния и зло-
бы... Почему одни словно парят над землей, и всё у
них получается, а другие – не рады ни работе, ни от-
дыху, ни самим себе...

На мой взгляд, наше отношение к жизни опреде-
ляет наш личный уровень благодарности. О чем это?

Или мы вечно всем недовольны, либо мы радуем-
ся каждому шагу, каждому успеху, каждому дости-
жению. И наше отношение к жизни притягивает к
нам подобных: брюзжащих даже без повода, равно-
душных и черствых, или созидателей, оптимистов
и творческих людей. Вы можете спросить, а как же
быть благодарным за болезни и горе, за удары судь-
бы и тяжелые ситуации.

Во-первых, ситуации эти уже произошли и их
надо пережить. Если мы не можем принять и пере-
жить, то этим мы говорим своей жизни «нет». При-
нять и пережить – в этом мудрость жизни, в этом
урок жизни, который мы завершили.

Во-вторых, никто не призывает вас быть благо-
дарным кому-то за что-то. Мы благодарны самой
жизни за всё, что в ней происходит. И она дарит нам
опыт, который помогает нам преодолевать сложные
ситуации и делать правильный выбор.

С благодарностью,
главный редактор Татьяна Богина.

Б

ВЕСИ

№ 4 (172) 2021
май

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь Николаева	Лики времени	
Под Ржевом мой отец без вести пропал.....		4
Диана Мальцева	Лики времени	
Эхо войны.....		9
Виктор Попов	Литературная коллекция	
«Сумасшедшинка из пузырька поэзии...»		12
Рашид Хакимов	Лики времени	
Нида Маслова и два ее ровесника.....		23
Сергей Симонов	Литературная коллекция	
Вера. Надежда. Любовь		38
Вольф Бульба	Мастерская	
Мысли.....		40
Моисей Лемстер	Литературная коллекция	
Моя Суламифь		41
Валериан Маркаров	Литературная коллекция	
Неношеное платье.....		45
Алексей Жуков	Литературная коллекция	
Сплошная линия		49
Юрий Гончаров	Литературная коллекция	
Они уходят		52

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничей

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РОССИЙСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО
ПО ДЕЛАМ
НЕЗАВИСИМЫХ
ГОСУДАРСТВ

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АЦК ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте <http://www.ural-press.ru/>
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

ПОД РЖЕВОМ МОЙ ОТЕЦ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАЛ

Любовь НИКОЛАЕВА

До сих пор я не могу найти могилу своего папы, пропавшего без вести под Ржевом в 1942-м году. Ему тогда было 28 лет, а мне три с половиной года. Знаю о нем по фото в семейном альбоме да по рассказам мамы, умершей семь лет тому назад в возрасте 97 лет, так не узнавшей правды о последнем часе своего мужа.

Знаю о нем и из его писем с фронта, которые мама бережно хранила, затем отдала мне. Осталось семь почтовых карточек из девяти (две я отдала в музей) и три письма из пяти. Два стерлись, потому что все они были написаны простым карандашом, плохо читаемы, и время, увы, не пощадило их. Но два письма и одну почтовую карточку мой сын Сергей, названный в честь деда, сумел все-таки восстановить.

...Мой папа – Сергей Александрович Наумов, 1914 года рождения, уроженец станции Аргаяш Челябинской области, с 30-х годов XX века жил в Свердловске. В 1937 году женился на моей маме Александре Афанасьевне Поповой, 1916 года рождения. Бедность была такая, что на папе не было ни одной целой вещи, так и женился в ветхой одежде. Уже после свадьбы родителям удалось по знакомству купить в Торгсине отрез ткани, из которого папе сшили костюм-тройку. Он успел в этом костюме съездить в санаторий в Старую Руссу, поносил его несколько недель.

В 1938 году родилась я, Люба, через год – моя сестра Нина. В 1939-м мама «отбила» папу у Финской войны. Когда пришла повестка, мне был один годик, а мама была беременна на последнем сроке, перед родами. Он собрался в военкомат, мама отдала меня ему

на руки, а сама шла, держась за его локоть. Комиссар посмотрел на нас, вызвал солдата, при нем порвал повестку и сказал, чтобы Сергея Наумова больше не вызывали.

22 июня 1941 года, когда Молотов по радио объявил о начале войны, мама с папой гуляли в парке культуры и отдыха им. Маяковского, как и многие другие в воскресный день. Родители вернулись домой, и сосед по подвалу их дома отдал повестку о призыве на фронт, где было предписано явиться в военкомат на Урицкого, 3, через три дня утром. В повестке была памятка: «При явке на сбор солдат должен при себе иметь:

Две пары нательного белья
Два полотенца
Два носовых платка
Две пары портянок или носков
Продукты питания на 1–2 суток».

Папа, прочитав, сказал маме: «Теперь ты, Шура, меня не спасешь. Эта война будет серьезная. Гитлер к ней долго готовился. И я как кандидат в партию не могу не пойти защищать свою Родину».

В горвоенкомат они пошли вместе, взяв вещмешок: шли от Куйбышева, 61, где жили, по Сплавной набережной – Добролюбова – 8 Марта, от улицы Радищева через Мальшева к улице Ленина, а потом на Урицкого. Шли мимо завода, где вместе работали. Горвоенкомат находился в подвале старинного двухэтажного здания, на углу Ленина и Урицкого. Мама осталась ждать. Через некоторое время папа вернулся, обритый наголо, в военном обмундировании, принес ей две справки – о сдаче своего паспорта и о том, что она является женой военнообязанного и имеет право на льготы. Папа

Мои родители – молодожены. Сергей Александрович Наумов и Александра Афанасьевна Попова.

Этот снимок сделан 7 марта 1940 года в Свердловске. Мне (справа) – два года 20 дней, моей сестренке Нине – восемь месяцев.

сообщил, что всех призывников из шоферов отправляют на учебу в школу № 2 на углу Вайнера – Допризывников, будут обучать строю и санитарному делу, готовить водителей-санитаров. Сам он еще до войны окончил курсы шоферов, но на машине не работал, а трудился вместе с мамой на заводе «Промсвязь» в Свердловске.

...Они простились, он вернулся в горвоенкомат, мама пошла домой. По дороге зашла на завод и сообщила, что проводила мужа. Директор пожалел ее и папу: «Зря вы не зашли. Ведь завод наш получил бронь, и муж ваш мог бы остаться». Через много лет, уже перед уходом из жизни, мама мне говорила, упрекая отца, что из-за его упрямства и идейности он погиб, а мы так бедствовали в годы войны, а могли бы жить полегче, если бы он остался работать на заводе.

После призыва 10 дней отец проходил обучение на водителя-санитара, вместе с другими профессиональными шоферами, их было 173 человека. Азам санитарного дела обучали в казарме, в помещении бывшей школы на улице Вайнера, 2. За эти дни мама продала почти новый (тот самый!) папин костюм-тройку, сшитый на заказ из материала, купленного

в Торгсине, купила ему сапоги и шерстяные носки, принесла в казарму, чтобы не носил ботинки с длинными обмотками. А командир увидел и сказал маме: «Зачем вы деньги тратили, ведь мы в первом же бою сняли бы сапоги с убитого немца! Лучше бы оставили деньги на одежду детям».

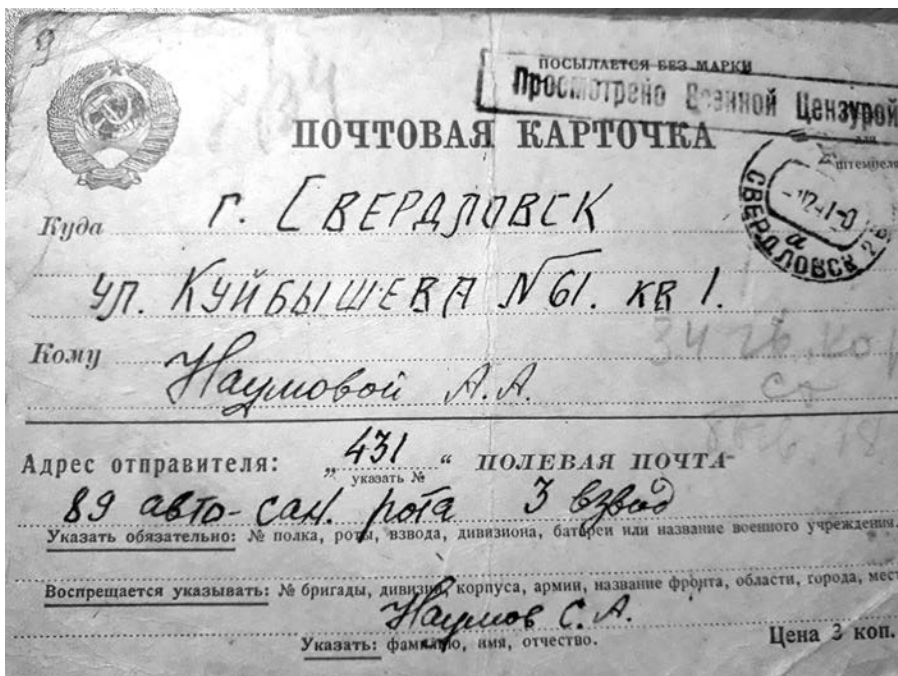
Во время учебы папе дали увольнительную на побывку с се-

мьей. Мама вспоминала, как, уходя из дома, он долго наматывал на свои стройные красивые ноги (так она говорила) длинные белые обмотки, а потом надевал ботинки. Она смотрела и говорила: «Будешь так долго одеваться, а немцы за это время могут тебя убить».

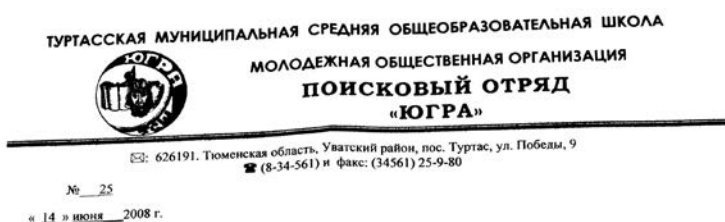
Проводы папы 16 июля были на площади военного городка на улице Куйбышева. После войны

Папа перед уходом на фронт, 10 июля 1941 года, с женой – моей мамой, и своей мачехой Аполлиной Михайловной.

Почтовая карточка с фронта отправлена отцом в октябре 1941-го.

№ 25
« 14 » июня 2008 г.

Здравствуйтесь, уважаемая Любовь Сергеевна!

Прошу извинить меня за такое долгое молчание. Но ничего не могу поделать, времени на письма совсем не хватает. Последнее время общаюсь по телефону и по электронной почте. Такое время, время скоростей. Спасибо за ваши письма, очень надеюсь, что у Вас все хорошо, что прошли все ваши запланированные дела. Даже не сомневаюсь.

У меня эти полгода просто промчались. Сначала была на курсах по истории, я проходила аттестацию как учитель истории. Затем давала открытые уроки по истории проводила открытые мероприятия. Одно мероприятие проводила 3 марта в честь 65-летия освобождения Ржева. Рассказывала о судьбах пропавших без вести, погибших на Ржевской земле. Проводила областной поисковый семинар. Все на одном дыхании. На мартовских каникулах выезжали в Архив и на встречу с дочерью солдата, останки которого подняли в августе 2007 года. Лисовская Лидия Петровна живет в Москве. Судьба ее семьи схожа с судьбами всех, кто не дождался своего отца в годы войны. Встреча была очень трогательна.

С 20 апреля по 12 мая продолжили работы на Ржевском плацдарме. За экспедицию подняли останки 173 бойцов, 5 солдатских медальонов. Два медальона прочитали сразу: оба уроженца Пермской области, оба пропавшие без вести. Узнали из Объединенной базы данных. Написали письма, ждем ответ. Захоронение будет в августе. Еще нашли ложку с фамилией «Дрокин». По спискам потерь установили: Дрокин Александр Павлович уроженец Кировской области. Ищем родных. Два медальона отдали в Москве на экспертизу. Ждем результаты.

Сейчас идут экзамены, ни дня свободного. Готовимся одновременно к районному туристическому лагерю, я там начальник. Еще в планах работа на кладбище, чистить могилки ветеранов, у которых нет родных. А 20 июля уезжаем в Ржев, до 20 августа. Вот и все лето, весь мой отпуск. Но я не жалею, это самое долгожданное событие в году, ведь в конце экспедиции будем проводить захоронение.

Как у Вас прошла выставка? Чем занимаетесь? Еще раз извините, я ВАС помню и очень горжусь Вами.

До свидания. Пишите как будет время. С уважением:

Письмо Татьяны Кухаренко, учителя истории, руководителя отряда поисковиков, которая со своими ребятами каждый год уже больше 30 лет ездит под Ржев, где ищет останки погибших солдат.

на этом месте построили стадион пионеров и школьников, который позже стал называться «Юность». Родители заранее сообщили о дате проводов. Кроме мамы и нас, двоих дочек, было еще девять человек. Папа отвел нас с сестрой к колонке с водой, мы играли и брызгались. А мама сходила в угловой магазин на углу улиц Куйбышева и 8-го Марта, купила немного сливочного масла в пергаментной бумаге и насильно вручила папе, хотя он очень отказывался. Потом раздался приказ: «Стройся!», и я спросила его: «Ты больше к нам не подойдешь?» А он ответил: «Нельзя. Приказ». И больше мы его никогда не видели, только получили несколько открыток и писем.

16 июля группу новобранцев из 283 человек отправили на Калининский фронт, в сторону Ржева, в составе команды 90/89 автосанроты штаба 22-й армии.

Строем они шли на железнодорожный вокзал, где их ждал поезд с погруженными грузовиками (100 полуторок и 15 ЗИС-5). Ехали шесть суток через Кунгур – Торжок. В Ржев приехали 22 июля, в девять часов местного времени.

Мама в час прощания с отцом упала в обморок на площади военного городка, она была полубольна. Не видела, не помнит, как оказалась дома с детьми. А папа спрашивал в одной из первых открыток, почему мама не провожала его на вокзале, ведь несколько женщин, кто на трамвае, кто бегом, добрались до вокзала.

Папа с каждой станции отправлял маме почтовые карточки. А в первой из Ржева написал: «Из поезда выгрузились. Отсюда поедет своим ходом. Машины пока не имею. Поеду с Николаем». На карточке уже был обратный адрес. А машины он так и не получил.

Когда его сослуживец Николай Панов был переведен в другую часть, папа стал ездить с Наркисом Русиним, с которым крепко подружился. Отец был санитаром, оказывал раненым первую помощь прямо на поле боя, затем вместе с шофером отвозил их в санбаты – полевые госпитали. О своей работе и боях писать не разрешала военная цензура, но все-таки в пись-

мах было про сильные морозы, от которых раненые примерзали к кузовам машин, о нехватке валенок и ушанок. Отец писал о питании, одежде, о празднике 7 ноября и концертах к Новому году, просил прислать кое-что из личных вещей, одежды, спрашивал о дочках, мамином здоровье. Как-то ему удалось передать с одним из раненых маме записку, в которой были строки о том, что немцы часто расстреливают наших в упор, а нам нечем обороняться: на 10–20 человек одна винтовка.

Перед последним боем написал 20 декабря последнее свое письмо, которое начиналось словами: «Жена, не плачь, детишки, не грустите...» Просил прислать фото дочерей, а то за шесть месяцев на фронте соскучился по ним. 22 января 1942 года послал маме почтовый перевод. На обороте написал: «Здравствуйте, жена Шура, мамаша, Люба и Нина! Прошу купить костюм. Если нельзя, то ребятам что-нибудь... Целую. С.Наумов». «Прошу купить костюм» – это потому, что единственный костюм в его жизни (тот самый, злополучный, – тройка) был продан, чтобы на эти деньги приобрести необходимое для фронта. Письмо мама получила 10 января, перевод – 20 февраля, через месяц.

Мне было около четырех лет, когда папы не стало. За месяц до этого мне приснился сон, что Гитлер ударил папу по голове, папа упал и не встает. Я маме рассказала, а она заплакала. Писем не было. Мама написала два письма. Одно командиру 89-й автосанроты (п/п 431, 3-й взвод). От него получила через месяц записку с печатью, в которой сообщалось: «Ваш муж Наумов С.А. в боях за социалистическую Родину был послан 22 января 1942 года на боевое задание и не вернулся в часть. С этим документом идите в военкомат, где выпишут похоронку для собеса».

Второе письмо – его другу Наркису. Русин ответил лишь в мае 1942-го, так как лежал в госпитале. В письме друг папы писал: «Наша часть стояла у деревни Радюкино в 15–20 километрах от Ржева, когда его (то есть нашего папу) отправили с тремя солдатами на передо-

вую. Никто из них не вернулся».

После войны Наркис Степанович приходил к маме, вернулся фотографией (на фронте отдавал старшине, потом от него и получил). На ней папа снят 10 июля, перед уходом на фронт, с двумя женщинами – женой, то есть моей мамой, и своей мачехой Аполлинарией Михайловной. Одно фото положил себе в карман гимнастерки, а остальные раздал – жене, мачехе, сестрам.

Наркис рассказал, что утром, после ночного боя, их часть проходила мимо места боя: ни раненых, ни убитых там не было – только воронки от бомб. Может, папа предрек свою судьбу – погибель, читая на концерте самодеятельности в части, перед Новым годом, «Фронтovou песню» (считается, что она написана известным поэтом Семеном Кирсановым), где есть такие слова:

«Бомба разорвется, почва затрясется,
Но трястись от бомбы смелым не к лицу!
Сердце разорвется – около забьется,
Перейдет винтовка к новому бойцу...»

Я до сих пор храню вырезку из фронтовой газеты, где напечатано это стихотворение.

Всего шесть месяцев папа был на фронте – с июля 41-го по январь 42-го года, санитаром, водителем-санитаром, возил раненых

с поля боя под Ржевом. Нам назначили пенсию 200 рублей на двоих как за погибшего рядового (без вести пропавшего).

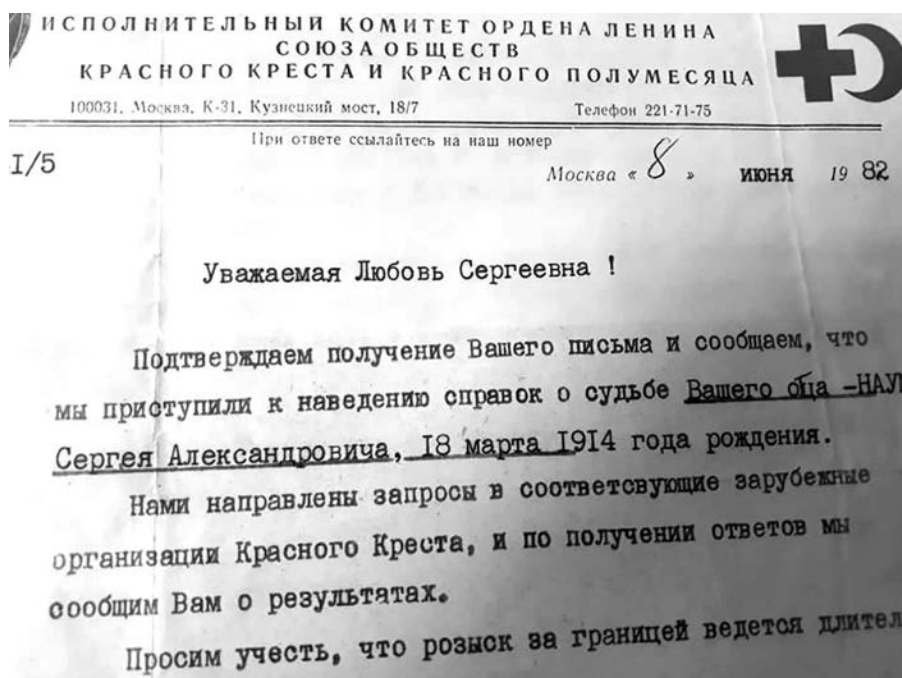
В 1955 году из Свердловска и области, и других городов пленных немцев отпустили в Германию. Мама еще надеялась увидеть отца живым. Думала – может быть, он безоружным попал в плен и теперь вернется. Написала запрос о его судьбе в Подольский архив, где собраны сведения о рядовых солдатах. Пришел ответ: «В списке боевых потерь Наумов С.А. не значится».

Я купила второй том справочника «Битва за Москву», в котором написано про бои за Ржев. Там на 274-й странице, указано, что 23 января 1942 года был бой у села Кокошилово, где, возможно, и погиб мой отец...

А в книге «Гриф «секретно» снят» (1993) прочитала, что как раз в это время (8 января 1942 – апрель 1942) проходила Ржевско-Вяземская наступательная стратегическая операция Калининского и Западного фронтов (армии 22-я, 29-я, 30-я, 31-я, 39-я) и приведены наши потери на Калининском фронте: участвовало 146 тысяч, потери – 141 тысяча человек. Погибла почти вся 39-я армия, часть ее попала в окружение. Папа и его товарищи пропали без вести на 14-й день сражения, которое длилось 103 дня и ночи.

Переписка с писательницей Еленой Ржевской вдохновила на поездку во Ржев.

Общество Красного Креста и Красного Полумесяца – одна из многих организаций, куда я обращалась в поисках отца.

Я отправила анкету-запрос в зарубежные архивы через общество Красного Креста и Красного Полумесяца. Там нашелся только папин однофамилец из североосетинского города Моздока. В военкомате Ржева посоветовали искать однополчан в своем родном городе. Искала, но не нашла... Зато познакомилась с поисковым отрядом «Югра» из поселка Туртас Уватского района Тюменской области.

Дело было вот как. Однажды в Екатеринбурге я услышала по радио сообщение о слете поисковиков в нашем окружном Доме офицеров. Там была и Татьяна Ивановна Кухаренко, школьный учитель истории из Тюменской области, председатель отряда поисковиков, которая со своим отрядом каждый год (трижды в сезон) ездит на левый берег Волги под Ржев, где ищет останки погибших солдат. И так в течение 33 лет! Про этот отряд рассказывали по Центральному телевидению в год 70-летия Победы. Конечно, я срочно поехала в Дом офицеров. Познакомилась с Татьяной Ивановной и переписывалась с ней несколько лет. Отряд обнаружил останки не одной сотни павших бойцов, но мало с похоронными медальонами. В одном из последних писем мне она сообщала: «В прошлом году только один раз вырвалась в экс-

педицию. Нашли останки 95 солдат. Приезжали их родственники. Обнаружили бойцов, пропавших без вести, которые стали таковыми, потому что их ранеными везли в госпиталь прямо с поля боя, но не довели... И не погибли, и не в госпитале умерли. А по дороге... Никто никуда не сообщал, просто их прихоронили рядом с другими и все. Вот такая история...»

Я узнала адрес и написала писательнице и переводчице Елене Ржевской. Она в феврале 1942 года служила во Ржеве, была военной переводчицей. Переводила допросы пленных, немецкие документы и письма. Перемещалась по деревням и городкам в тех местах, где воевал мой папа. Ржевская ответила на мое письмо, хотя, увы, ничего не знала об отце, но рассказала мне, как добраться до Ржева. Это было в 1986 году. Я смогла съездить в Ржев только четыре года спустя. Моей попутчицей в поезде оказалась женщина – бывшая малолетняя узница немецкого концлагеря во Ржеве, которая ехала в гости к племянницам и на место захоронения матери. Остановились вместе в гостинице «Ржев». Я сходила в военкомат, съездила в Радюкино и Кокошилово, где в 1960 году в братской могиле были перезахоронены останки 300 неизвестных бойцов и погибших жите-

лей сожженной деревни Радюкино. Увидела места, где был папа, но там уже ничего не сохранилось, все заросло травой...

Ничего не узнала о папе. Взяла горсть земли в носовой платок, привезла на могилу бабушки – папиного отца на Михайловском кладбище в Свердловске. К этой могиле папа приезжал попрощаться со своим уже умершим отцом перед отправкой на фронт. В спичечном коробке он оставил свою прощальную записку, написанную простым карандашом: «Привет, сегодня я уезжаю на фронт. Со мной едет Доронин Миша. Целую всех 10 000 раз! Ваш муж, зять, сын, брат, отец. Помните меня. Сергей. 26.VI.41». Эта записка, полуистертая от времени, сохранилась.

А в самом Ржеве, кроме братской могилы в Кокошилово, около города еще 41 братская могила с неизвестными красноармейцами, где упокоены тысячи солдат. Есть в городе и могила умерших в концлагере 20 тысяч местных жителей и пленных наших солдат.

Говорят, что Волга в дни Ржевской битвы была красной от крови раненых красноармейцев, попавших в плен и сброшенных фашистами в воду. Зимой трупы замерзли и по ним ходили на другой берег как по мосту. Местные мальчишки после войны соревновались, кто больше найдет посмертных медальонов, которыми играли за неимением игрушек, выбрасывая из них сведения о бойцах. А как трудно теперь находить достоверные сведения о неизвестных солдатах!

Какое-то время о трагедии Ржева и страшной цифре человеческих потерь вообще запрещали писать в открытой печати. Может, поэтому маршал И.С.Конеv, бывший командующий Калининским фронтом, в своих воспоминаниях ни строчки не написал о Ржевской битве, как и его дочь в своем документальном фильме об отце не упомянула о ней ни в одном кадре. И я даже не стала дочитывать его книгу...

И все-таки меня не покидает надежда, что я еще успею найти то место на нашей многострадальной земле, где нашел свой последний приют мой папа – солдат Великой Отечественной.

Диана МАЛЬЦЕВА

ЭХО ВОЙНЫ

ЭВАКУАЦИЯ

За пару недель до начала войны мне исполнилось два года. Я жила у бабушки с дедушкой в небольшом украинском городке, а мама с папой – в шахтерской Горловке, в Донбассе. Конец июня и до середины июля они продолжали работать на своих предприятиях, веря, что вот-вот наша армия отбросит немцев назад. Но все яснее становилось, что эта война – надолго. И мама за мной поехала к родителям.

Ей было непросто объяснить дедушке, что надо срочно уезжать как можно дальше от войны, что немцы убьют и их, и их младших детей. Дедушка не верил, ведь он видел немцев времен Гражданской войны. Культурные люди, вежливые.

– Это другие немцы, – доказывала мама. – Эти – звери. Срочно бросайте все и уезжайте в Ташкент. Там мы и встретимся.

Мама очень торопилась вернуться со мной в Горловку. Боялась, что папа мог уже получить повестку в армию, и мы не успеем с ним попрощаться.

Дома она застала коротенькое письмо от папы. Он – на призывном пункте.

Папе разрешили выйти к ней на несколько минут. Кто мог знать, что мы видим его последний раз. И как обидно, что от этой встречи у меня в памяти не осталось ничего: ни ощущения его рук, которые прижимали меня к плечу, ни голоса – ничего.

А на следующий день мама узнала, что папу уже отправили в действующую армию.

Она написала на работе заявление с просьбой об увольнении по причине отъезда (так и записано в ее трудовой книжке).

Уложила в узелок все фотографии и документы, немного одежды и еды и пошла со мной на вокзал. Началась наша мучительная эвакуация в Ташкент, занявшая больше месяца. Были бесконечные пересадки на разные поезда, долгие ожидания на незнакомых станциях, забитых женщинами с детьми, стариками, узлами и чемоданами, был голод, грязь, теснота, была просьба хоть немного подвезти нас в воинском эшелоне. Командир отказался, потому что в первую очередь бомбили такие эшелоны. Сам того не зная, он спас нам жизнь, потому что немного позже мама услышала, что тот состав был почти полностью сожжен.

Я считала, что ничего не помню о той страшной дороге. Но откуда же тогда все долгие годы при звуке паровозного свистка меня вдруг охватывала беспросветная тоска, ужас, причину которых я никак не могла себе объяснить. Как же мне стало легче, когда ушли в прошлое паровозы вместе со своими пронзительными гудками! А еще я до сих пор не могу спокойно слышать далекий лай собаки, унылый, беспричинный. Это отголосок того страха, который мучил меня в первые годы жизни в Ташкенте, когда мы скитались с мамой по каким-то подвалам, прачечным, сараям, которые на время становились нашим домом. Я целыми днями лежала одна в кровати. Ходить я тогда не могла – результат болезни, которую я получила за время нашей эвакуации, хотя мама упорно носила меня на лечение в больницу,

Я не видела, когда мама ушла на работу и когда она возвращалась. Это всегда было очень поздно. Утром я находила рядом с кроватью кружку с водой, иногда

ЎЗБЕКИСТОН КОММУНИСТ (большевик) лар ПАРТИЯСИНИНГ МАРКАЗИЙ КОМИТЕТИ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков) УЗБЕКИСТАНА

• • • • ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ • • • •

№ 4544
29.10 1942
г. Ташкент.

Тов. ДВОРКИНОЙ М.Я.

Здесь

Завод № 702 им. Ворошилова
ОТКВ

Уважаемый товарищ!

Ваше заявление на имя секретаря ЦК КП(б)Уз получено, по его указанию я сообщил н-ку ОРСа а-ла т. Кирилову о необходимости срочного обеспечения Вас парой женской обуви, жирами и крупами, с которыми прошу Вас увязаться.

Инструктор отдела торговли
ЦК КП(б)Уз (Стримовский)

нп.

Записка из ЦК компартии Узбекистана.

на тряпочке лежал кусочек хлеба – мой обед и ужин. Было очень одиноко, скучно, тоскливо. Особенно, когда где-то слышался собачий лай. Не тот заливистый, злой или нахальный, когда понимаешь его причину, а одинокий и безнадежный лай одинокого и беспомощного животного, такого же, как я.

Еще больше я стала бояться, когда однажды, глянув в низенькое подвальное окошко нашего очередного жилья, я увидела чей-то расплющенный нос и глаз, быстро скользнувший по голым стенам. Ужас сковал меня так, что я не могла крикнуть. А вечерами иногда я слышала сильный голос молодой женщины, которой подпевали еще несколько голосов. Чаще всего они грустно тянули песню про Галю и казаков: «Ох ты, Галя, Галя молодая. Обманули Галю, увезли с собою». Мне было очень жаль эту Галю, которой тоже было плохо, ведь ее увезли с собою.

В наши первые ташкентские годы мама работала на заводе имени Ворошилова, где-то на краю города. Единственные ее туфли развалились, и она подвязывала их веревкой. Единственное платье готово было повторить их судьбу. Еще хуже было с продуктами.

Мама, как и прежде, работала много, умело, хорошо знала свое дело.

Моя худенькая мама стала еще тоньше, ведь значительную часть

своего пайка она отдавала мне. В июне 1942 года пришло сообщение о том, что мой папа пропал без вести. А таким семьям пенсию на погибшего кормильца не назначали. А если он не убит, а в плену? За что поддерживать его семью?

К концу года, видимо, голод уже слишком давал о себе знать. И мама написала об этом письмо в ЦК коммунистической партии Узбекистана. А перед самым новым 1943 годом получила ответ об указании начальнику ОРСа завода срочно обеспечить маму «парой женской обуви, жирами и крупами».

ЛЮДКА «БУЙНЫЙ ВЕТЕР»

В конце 1943 года мама поступила на работу в одно серьезное учреждение. Она и там готова была трудиться сутками, лишь бы только взяли меня в круглосуточные ясли. Говорили, что там хорошо кормили малышкой, там была медицинская сестра, лечение, игрушки, няни. Вот так я и оказалась в этих яслях, где вообще-то воспитывались дети-сироты до 3 лет. А мне уже было около четырех. Но при этом я была такая маленькая, слабенькая, тихая, что ничем внешне не отличалась от остальных малышек.

В яслях я понемногу, медленно снова начала ходить и даже иногда улыбаться.

Наши войска один за другим освобождали от фашистов советские

города и села. И столько горя они видели там, столько находили маленьких сирот! Их отправляли по разным детским домам в тыл. Вот и в наши круглосуточные ясли начали привозить по одному или по несколько малышек. Так в самом начале 1944 года появилась Люда.

Очень быстрая, шумная, непоседливая, она постоянно на что-то натыкалась, падала, кого-то сбивала с ног, получала сдачу, громко плакала. А мне она сразу чем-то очень понравилась.

Дети в яслях признавали меня старшей. И когда, заслышав громкие Людские крики, я торопилась ей на помощь, дети сразу переставали ее толкать и пинать.

Не знаю, как это получилось, но девочка, которую няни прозвали Людка-Буйный ветер, вдруг стала называть меня мамой. Что она вкладывала в это такое дорогое слово, никто не мог понять. Но я на него откликалась, хотя была старше Людки всего года на полтора.

С Людкой мы и сидели за одним столом, играли вместе, и вообще были всегда вдвоем. Обычно она неслась впереди, а я тихонько плелась за нею. Людка, пробежав коридор, возвращалась мне навстречу, а потом опять уносилась вперед.

Однажды мы увидели в наших яслях трех грязных, оборванных, очень испуганных малышек. Их куда-то увели. А в обед, уже отмытых, постриженных наголо, как мы все, чисто одетых, их привели в столовую. Одного мальчика посадили за наш стол. Увидев на тарелке хлеб, ребенок торопливо протянул к нему руку.

– Подожди, сейчас суп принесут. С ним и будешь есть хлеб, – строго, как наши няни, сказала Людка.

Малыш пугливо отдернул руку, не сводя жадных глаз с хлеба.

Когда принесли тарелки с супом и все взялись за ложки, новенький с испугом уставился на свою тарелку.

Подошла няня, взяла в его руку ложку и показала, как нужно есть. Ребенок не мог сделать ни глотка, давился, заплакал. Дети за столом удивились:

– Он не умеет есть сам?

– Умеет, но забыл. У него нет дома, ему никто ничего не варил.

– Вова, – обратилась она к мальчику. – Бери хлеб, сейчас принесу второе.

Мы давно уже ушли из столовой, оставив новенького за тарелкой. Надо было собираться спать. И вдруг меня отыскала Людка.

– Мама, скорее, там Вовку бьют!

– За что? – спросила я уносящуюся вперед девочку.

– А он крошки стал с полу засовывать себе в рот, – ответила уже вернувшаяся ко мне и снова убегавшая вперед Буйный ветер.

Вдвоем мы быстро отбили Вовку от лупивших его двух мальчишек. А после «мертвого часа» в игровой комнате я громко объявила детям:

– Вовку бить нельзя!

И это было воспринято как закон, о котором, правда, нередко забывали.

Вовка и приехавшие с ним еще два маленьких тощих заморыша скоро стали такими же, как мы все. Ждали завтрака, не очень хотели днем спать, ссорились, мирились, отнимали друг у друга любимые игрушки, слушали сказки, которые нам иногда читали воспитатели.

Однажды ранним утром я услышала в коридоре непривычный шум, громкие голоса, беготню. Осторожно выглянула из спальни. У окна собрались воспитатели и няни. Все возбужденные, счастливые, целуются, плачут и смеются сразу.

– Война закончилась! – подхватила меня на руки тетя Юля, моя самая любимая няня, – теперь и к нашей Дианочке папа вернется!

Вот это радость! И я стала терпеливо ждать возвращения папы с войны, только время от времени спрашивала у тети Юли, не приехал ли еще мой папа.

Некоторых из наших малышек стали забирать кого мама, сумевшая отыскать своего ребенка, кого родственники.

Когда в ясли вошел слегка прихрамывающий рослый военный с орденами и медалями на груди, его окружили и дети, и взрослые. Он что-то спросил у няни, и его отвели в кабинет заведующей. А мы все, стораю от нетерпения, гадали, за кем же это приехал папа.

– Люда, это твой отец, – сказала взволнованная няня. – Иди, он тебя забирает домой!

Людка неслась, не помня себя. За нею плелась я, торопясь из всех сил.

Когда я добралась до кабинета заведующей, Людка уж сидела на руках военного, не сводя с него глаз, трогала его награды, гладила обтянутое гимнастеркой плечо и вся сияла от счастья. Я тихонько остановилась возле двери.

– Помогите Люде собраться, – сказала заведующая няне.

– А мама? – заметив меня, спросила у отца Людка. – Она поедет с нами?

– Мама? – растерянно взглянул военный сначала на дочь, потом на заведующую. Он знал, что Людина мама умерла в оккупации еще два года назад.

Диана Мальцева. 1945 год.

– Тут она одну нашу девочку почему-то всегда называла мамой. Да вот эта девочка, – кивнула заведующая на меня.

Военный замолчал, а потом, спустив Людку с колен, велел ей скорее одеваться. Им надо успеть к поезду.

И вот собранная Людка берет отца за руку, готовится навсегда покинуть ясли.

Увидев меня, опять настойчиво спрашивает отца:

– Мама тоже поедет с нами?

– Пока нет, – отвечает военный. – Мама приедет потом.

– Ты приедешь, мама? – с полными слез глазами спрашивает Людка и берет меня за руку.

– Конечно приедет, – говорит военный, торопливо уводя ребенка. – Мы напишем ей, и она приедет.

Но ни одно письмо так и не пришло для меня в ясли, а к осени моей маме все же пришлось забрать меня домой. И я больше ничего не слышала о своей милой «дочке».

«СУМАСШЕДШИНКА ИЗ ПУЗЫРЬКА ПОЭЗИИ...»

Беседа о творчестве Окуджавы, Галича, Высоцкого и других поэтов с В.С.Рутминским¹, свердловским литературоведом, поэтом, переводчиком, автором многих исследований по русской поэзии XIX–XX столетий

Виктор ПОПОВ

*«В стране, куда я вас зову, –
Быть может, снег и град,
И сна там нет, всё наяву,
И нет пути назад.
Не испугались? Ну, тогда
Мне с вами по пути!»*
В.Высоцкий

*«И мыслей полна голова.
Слова, слова, слова...»*
В.Высоцкий

В.П.: Виктор Сергеевич, я думаю, что эта запись сохранится (воспользуемся выражением классика марксизма-ленинизма) всерьез и надолго, а потому, прежде чем мы начнем нашу беседу, я хочу, чтоб вы немного рассказали о себе, чтобы те, которые будут читать или слушать этот материал, представляли, с кем ведется разговор.

В.Р.: Обо мне была большая радиопередача лет 10 назад, сделанная Сергеем Гамовым, ее повторяли пять раз. Пожалуй, это единственный случай, когда на свердловском радио пять раз повторяли какую-то передачу. Это был сюжет почти на целый час. Думаю, что у него эта запись сохранилась. Там как раз всё и говорилось. А день рождения у меня 18 февраля 1926 года, значит, в ближайшее время мне исполнится... Я чуть было не окончил Уральский университет в 1947-м, филологический факультет, но тогда мне это сделать не дали, потому что 29 апреля 1947-го (мне был 21 год!) меня взяли, и я долгое время находился в самых страшных местах: прииск Верхний Дебин, на Колыме. Когда любимый вождь и учитель наш почил, тогда нас стали помаленьку оттуда выпускать.

Мне повезло: осенью 1953 года я был дома. Правда, в Свердловске меня не прописали, не положено было: статья 39-я Положения о паспортизации запрещала. Пришлось мне года два жить в Нижнем Тагиле. К счастью, там жил один мой приятель, тоже отбывший семь лет, вот я и приехал к нему, как-то устроился там. Моим хозяйюшкам, у которых жил на квартире, говорил, что я уголовник. Иначе они бы, как «политического», меня близко не подпустили к своему дому.

В Тагиле закончил бухгалтерские курсы, что меня, в общем-то, спасло. И вот однажды я поехал в Свердловск слушать очередной концерт Александра Николаевича Вертинского. Вернувшись в Тагил, неожиданно узнал: на мое имя пришло письмо. Получив это письмо (я не верил, что это когда-нибудь произойдет!), я просто плакал. Мне написали, что согласно пункту второму соответствующей статьи Уголовно-процессуального кодекса, прокуратура РСФСР опротестовала мое дело и за отсутствием состава преступления полностью меня реабилитировали.

В.П.: А сколько лет вычеркнули из жизни, пока это произошло?

В.Р.: Восемь.

¹ В.С.Рутминский (1926–2001). Беседа эта состоялась за несколько месяцев до смерти Виктора Сергеевича.

В.П.: И чем вы, без пяти минут филолог с высшим образованием, занимались там все эти годы?

В.Р.: На Колыме шесть лет катал тачки в шахтах. Что там может делать филолог? Больно он там нужен с его мозгами. Полярной ночью, зимой – добыча песков золотых в шахтах; летом – промывочный прибор, и тоже вагонетки катал на промприборе. В 1955 году началось политическое потепление и вышел какой-то Указ, по которому вернувшихся оттуда, реабилитированных, восстанавливали в университете на том же курсе.

Я за полгода его закончил, в 1956-м. Ну, а чем мог заниматься филолог тогда в этой стране? Я всю жизнь занимался переводами. У меня кое-что напечатано: переводил стихи с польского, немецкого, финского... Работал и по подстрочникам. Школьным учителем я не хотел быть ни при какой погоде, ни в коем разе. У меня мать была школьная учительница и жена – школьная учительница. Я на них посмотрелся. К счастью, я направился в учебный комбинат (УПК ЦСУ), который готовил бухгалтеров, они меня взяли преподавателем. Сначала я преподавал курс «Хозяйственные вычисления» – была такая дисциплина, вроде коммерческой арифметики. А потом освоил бухгалтерский учет и 30 лет его преподавал. Так что имел полную возможность не врать, не кривить душой – там всё совершенно точно: приняли основные средства, значит, ставь в графу «дебет основных средств», и так далее. Там всё конкретно, никакой лжи. Ну, правда, тоже приходилось вставлять фразочки разные, без этого не обходилось. Но я им говорил всегда: я учу вас как надо, а как не надо, вы сами научитесь. Контора наша в Свердловске находилась раньше на ул. Пушкина, № 16. Потом я какое-то время сидел в бывшем кабинете Леонида Ильича Брежнева, в особняке на ул. 8-е Марта, № 34, напротив дендрария. Там помещалась дирекция учебного комбината, и я года два был заместителем директора по учебной части. Слава Богу, там никакого значения не имели ника-

кие степени, звания: будь ты хоть академик – в зависимости от стажа получай, и всё. А стаж-то под конец у меня был большой. Но это всё было – для хлеба.

Сперва я стал выступать в домашнем кругу и в разных компаниях с лекциями о поэтах, с авторскими программами. Теперь у меня этих программ уже набралось ровно 60. К сожалению, из-за того, что я почти ослеп сейчас, я могу только 20 из них показать, в которых безоговорочно знаю на память всё, никуда глядеть мне не надо. Печатного текста, увы, уже не разбираю совсем.

В.П.: И кто эти поэты?

В.Р.: По XIX веку – 9 их у меня, и по XX веку – 51 лекция. Все сколько-нибудь заметные поэты. У меня вышли три книжки, сейчас четвертая в печати. Их издает 13-я гимназия (английская) в нашем городе. Первая книга – это русские поэты-символисты: Зинаида Гиппиус, Валерий Брюсов, Александр Блок, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Фёдор Сологуб, Вячеслав Иванов. Вторая книга называется «Вне группировок», т.е. те, кто не относились ни к символистам, ни к акмеистам. Это Иннокентий Анненский, Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин, Саша Черный, Николай Агнивцев, Иван Бунин, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Владислав Ходасевич. Третья называется «Акмеизм» и «Цех поэтов». Там вступительная глава и шесть поэтов. Акмеистов было шесть. Некоторые ученые путают, приплетая сюда Георгия Иванова и Михаила Кузмина, которые к акмеистам не принадлежали. У меня тут Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Михаил Зенкевич, Владимир Нарбут и Сергей Городецкий. О каждом из них у меня есть концертная программа. Ну, а в «Цехе поэтов» я взял наиболее крупных – Георгия Иванова и Георгия Адамовича. Сейчас в наборе уже четвертая книга, она пока условно называется так: «На излете «Серебряного века» и после него» = «Поэзия русского авангарда». Раньше слово «авангард» действовало на критиков как красная тряпка на быка... Ругательное сло-

В.С.Рутминский. 1962 г.

во было. А там Игорь Северянин, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Илья Сельвинский, Николай Заболоцкий, Даниил Хармс, Николай Олейников. Пятую книгу я уже, наверное, не напишу: со слепыми глазами не напишешь.¹

В.П.: Может, наговорить на магнитофон? Никита Сергеевич же «написал» свои мемуары таким образом.

В.Р.: У Хрущева были помощники. Дивное количество. У меня, к сожалению, их нет, кроме жены Натальи Брониславовны. Каждая моя лекция о поэтах строится так: я пытаюсь показать его со всех сторон, во всех измерениях, чтобы слушатели увидели и портрет поэта, каков он был в жизни, в быту, всё это перемежается его стихами.

В.П.: Вы в своих лекциях об этих поэтах полемизировали с кем-то, с какими-то печатными трудами или просто высказывали свое собственное мнение, не обращая внимания на критиков?

В.Р.: Обычно литературоведы писали у нас так, что, кроме других литературоведов, их никто не читал, потому что прочесть это было невозможно.

¹ Пятая книга была написана и даже издана за месяц до смерти Виктора Сергеевича: Рутминский В.С. Три последние четверти века (очерки поэзии). Часть 5. – Екатеринбург, 2001. – 155 с. Ее содержание: Арсений Тарковский, Мария Петровых, Владимир Набоков, Борис Чичибабин, Александр Галич, Наум Коржавин, Иосиф Бродский, Александр Кочетков, Бенедикт Лифшиц, Георгий Шенгели, Аркадий Штейнберг, Булат Окуджава.

В.П.: А кроме того, писали так, как надо было *сегодня* писать о том или ином человеке, как *сегодняшним* «рулевым» надо было.

В.Р.: Ну, слава Богу, сейчас этого не надо: я пишу то, что думаю. Политикой я и раньше не интересовался, и сейчас не интересуюсь...

В.П.: Зато вами политика основательно заинтересовалась. В свое время. Виктор Сергеевич, вот всю жизнь занимаетесь поэзией, а сами-то стихами грешили?

В.Р.: Грешил. До 18 лет.

В.П.: Только до 18? Дальше – пороку не хватило?

В.Р.: А дальше просто не захотел. И время почувствовал такое, какое ничьим стихам не способствует. Когда-то в 16–17 лет я написал:

Говорят, когда-то в людях жили страстные порывы:
Каждый мыслил, каждый спорил, каждый сердцем был поэт,
Каждый верил всей душою в мир свободный и счастливый
И готов был в пыль разбиться, чтобы сбылся этот бред.
В наши дни – другое дело. Но зачем грустить о старом,
О наивности былого бесполезно вспоминать.
Мы на вещи смотрим трезво, и не нам гореть пожаром.
В этом мире, чтобы делать, надо многого не знать.

В.П.: Поздравляю! Почти 60 лет назад написано – а злободневно и сегодня.

В.Р.: А потом жизнь уже совсем другая пошла. Я себя тратил на переводы, в основном.

В.П.: А кого переводили?

В.Р.: Переводил австрийского поэта Рильке, поляков – Норвида, Юлиана Тувима. Хотите послушать? (Читает по-польски.) Это Тувим в подлиннике.

А вот перевод:

«Камни лучше дробить ради ломтя черствого хлеба,
И жевать, добывая снова сил для того же,
Чем вот так по Земле ходить и так жаждать неба,
И так от счастья страдать, как я, милосердный Боже.
Глянь, как слова я рождаю. В каких мученьях кровавых –
Жжется огнем и кровью сочится слово любое.
Я, Моисей, несчастный, бездарный и шепелявый,
И нет у меня Аарона, чтоб он говорил с Тобою.
Так, звонкое счастье жизни проклятьем моим стало.
Пошли мне апостола, Боже, чтоб речи мои перевел он.
Слово сделалось телом, а тело, как пепел распалось,
И в прахе моих молений простерт я, отчаянья полон».

В.П.: Вы какие языки знаете?

В.Р.: Польский, чешский; немецкий – хуже. Более-менее свободно болтал по-немецки в детстве. Сейчас – за ненадобностью – забыл. И переводил литературу с этих языков. Немецкий язык в этом смысле ужасен: читаешь, читаешь, читаешь...

В.П.: А в конце – «нихт».

В.Р.: А в конце – «нихт»!

В.П.: «Я тебя люблю, я тебя хочу...» А в самом конце предложения вдруг возникает: «нихт»! То есть все – наоборот.

В.Р.: «Ихь либе дихь... нихт».

В.П.: Буквально на днях, так получилось, я послушал несколько пластинок с песнями Эрнста Буша и французских шансонье. Ну, все-таки до чего же не-

певучий этот немецкий язык, ну просто катастрофически непевучий! Топорный.

В.Р.: Зато военные марши у немцев поразительны, захватывают.

В.П.: И где публиковались ваши переводы?

В.Р.: В Москве, в Ленинграде. Переводил я и прозу – книжка по истории религии вышла в Москве, в Политиздате: Генрик Хмелевский – «Христианство и религии мира». Мои переводы есть в разных сборниках. Недавно мне предлагали собрать всё, да издать. А зачем? Переводы имеют более короткую жизнь, чем оригинальные стихи.

В.П.: Не скажите. Скорей, наоборот. Взять, например, всех национальных поэтов Советского Союза: Расула Гамзатова, Мусу Джалиля, Алима Кешокова и других...

В.Р.: Того же Гамзатова мы знаем благодаря переводам Наума Гребнева, потому что это он перевел знаменитую песню «Журавли».

В.П.: Вот-вот, заменил там очень уж нетрадиционное для русского человека «джигиты» на «солдаты»...

В.Р.: И стало общечеловечно.

В.П.: Ну, действительно, как мы можем знать в подлиннике Мусу Джалиля, коль татарского языка не знаем?

В.Р.: А Гамзатова – тем более. Он писал на аварском языке, а на нем вообще разговаривает несколько сотен людей, Дагестан ведь многоязычен.

В.П.: Вот поэтому вы неправы, что подлинники живут дольше, чем их переводы. Вот потому-то и надо вам все их собрать и издать книжкой.

В.Р.: Расскажу один случай. Был такой детский писатель, ныне покойный, Валентин Глуценко. Мы с ним вместе учились в университете. Он как-то приезжал в Свердловск, и я пришел к нему в номер гостиницы. У него сидел какой-то дядя с усами и важно рассуждал: зачем, дескать, этих переводчиков вообще принимают в Союз писателей? Какие же это писатели, вроде – переложить стихами чужое? Ну, как говорил Маяковский: «Я терпел-терпел и лопнул, да как брякнул лапой об стол...» Говорю ему: «А вы кто?» Он: «Я поэт». Я говорю: «Вы оскорбили мою профессию, я вызываю вас на дуэль, но драться будем не на шпагах, не на пистолетах и даже не на рюмках. Пусть Валентин Федорович нам любую тему даст – надо написать правильный сонет за 25 минут». Он говорит: «Этого я не умею». «Хорошо, – говорю, – каким размером написаны вот эти стихи:

«Безводные золотистые пересыпчатые барханы
Стремятся в полусожженную неизведанную страну,
Где правят уединение златолицы богдыханы,
Вдыхая тяжелодымную золотоопийную волну».

Он подумал-подумал... Кстати, кого бы я ни спрашивал, – никто на этот вопрос ответить не может. А это второй эпитрит, то есть пятисложная стопа с ударением на втором слоге. Стихотворение Георгия Шенгели. Он говорит: «Я этого не знаю». Тогда говорю: «А я обязан знать. Я – переводчик. Потому что вы выражаете только самого себя, а я обязан сегодня вы-

разить Норвида, завтра – Данте, послезавтра – Рильке. Я должен хотя бы на уровне техники быть наравне с ними».

В.П.: Виктор Сергеевич, вот вы сейчас заговорили о технологии, о кухне стиха. Стих такой-то и такой. Но если говорить о Владимире Высоцком, я думаю, что он не читал никаких теоретических книжек по стихосложению – не до того было, а как птица пел, наверное, все то, что ему приходило в голову.

В.Р.: Так ведь и Маяковский сказал: «Я никаких этих ваших размеров не знаю, и знать не хочу. Ко мне приходит такое мычание...» Но поэты же все-таки себя выражали. А если б они были переводчиками, то должны были б эту «кухню» знать. Переводчик обязан быть более образованным, чем поэт.

К слову. Иосиф Бродский тоже переводил польского поэта Норвида. Переводил, на мой взгляд, плохо.² Вот три кита польской поэзии: Адам Мицкевич (1798–1855), Юлиуш Словацкий (1809–1849), Камилль Циприан Норвид (1828–1883). Последнего даже фамилию мало кто у нас слышал. Это и не удивительно. А вообще-то книжка его была в СССР издана. Мои переводы Норвида печатались с моим предисловием в журнале, который называется «Памир».

В.П.: О! Почему уральский, свердловский русский исследователь угодил в город Душанбе – в таджикский журнал «Памир»?

В.Р.: Потому что там была интеллигентный редактор отдела поэзии Марианна Фофанова. Она прочла мой перевод Рильке и стала спрашивать, что у меня еще есть. Вот я ей и послал Норвида, Адама Асныка – польский поэт

² Интересно, что в «Примечаниях» к большому однотомнику Камила Циприана Норвида «Пилигрим, или Последняя сказка» (М.: Вахазар, 2002), вышедшем в свет уже после смерти В.С.Рутминского, составитель и издатель этой книги Андрей Базилевский пишет: «Имеется также перевод И.Бродского (с. 72, опубликован под фамилией В.Корнилов). В хорошем переводе В.Рутминского (Рутминский В. Поэты «постсеребряного века». Переводы. – Екатеринбург, 2000) опущена шестая строфа...» Имеется в виду стихотворение Норвида «Посвящение». Так удивительным образом пересеклись имена двух поэтов-переводчиков. (Примеч. Н.Б.Толочко-Рутминской).

XIX века, Малгожату Хилляр – я ее целый сборник переводил. Меня довольно часто печатали в журналах. Потом я как-то отошел от этого дела.

В.П.: Вот мы с вами говорим, что любой поэт поёт, как птица: ему пришла в голову мысль, пришла идея, он берет бумагу и... Его не интересуют, наверное, все эти ударные или безударные слоги, дактили, ямбы, хорей и все такое прочее.

В.Р.: Можно, конечно, без этого прожить поэту...

В.П.: Это уже вы, литературоведы, потом берете готовые произведения поэта, напечатанные стихи и начинаете их препарировать, по косточкам раскладывать...

В.Р.: В XX веке, особенно если занимаешься историей поэзии XX века, без этого трудно обойтись, потому что все какое-нибудь новаторство вносили в стих: и Северянин, и Брюсов, и Андрей Белый... Всех надо разбирать с той точки зрения, что они нового внесли в поэзию. Вот я нашел у Зинаиды Гиппиус четверостишие:

«Сквозь цепкое и лепкое
Скользнуть бы с чашей.
По самой тонкой лестнице
Дойти до счастья».

Тут рифмы, которые Евгению Евтушенко впору. А она это еще в 1903 году написала, между прочим. Для того, чтобы оценить новаторство того или иного поэта, эту кухню надо понимать.

В.П.: У Зинаиды Гиппиус я прочел однажды оригинальное по форме четверостишие и даже выучил его на память. Оно меня поразило тем, что, когда прочтешь его, – одно содержание, а если обратить внимание на внутренние рифмы и поделить стихотворную строку пополам, получишь два четверостишия совершенно противоположного содержания.

Хранить любовно – «да» / я обещала
вечно.
Могу ли я теперь / на свете жить одна?
Не буду никогда / кокеткой бессердечной
Любить тебя, поверь, / веселье пить до дна.

Виктор Сергеевич, вы проанализировали огромный блок рус-

ских поэтов, русской поэзии! И в этом блоке, если вы уже «прошлись по эпохам», то ближе к нашему времени возникла так называемая авторская песня, яркими представителями которой, скажем основными, были Булат Окуджава и появившиеся со своими песнями практически одновременно Александр Галич и Владимир Высоцкий. Потом рядом с ними появилось видимо-невидимо других...

В.Р.: Остальные – это труба пониже и дым пожиже. Именно эти трое – основные представители авторской песни. Они все, как сказал один умный человек, «сбросили со своего плеча тяжелую руку государства». Это сказал Сергей Гандлевский о Галиче. Сначала они все выступали в очень узком кругу: и Галич, и Высоцкий, и Окуджава. Сейчас даже трудно понять: к Окуджаве-то какие могли претензии предъявляться? За что его-то могли травить? Как опять же хорошо сказал, помоему, Петр Вайль, американский литератор и журналист, по поводу Иосифа Бродского, что у него с советской властью политических разногласий не было, у него с ней были стилистические разногласия. Именно это можно сказать – по поводу разногласий – и про этих трех бардов. Есть такой умный критик Олег Ковалов, который пишет о кино; он сказал, что у каждого из этих трех бардов есть свои особенности: у Высоцкого – грубоватая мужественность; у Окуджавы – философичность, лиризм; а у Галича – тот реализм, которого нам не хватает, как кальция в костях. У каждого – свои особенности. Насчет Владимира Семеновича, мне даже казалось, что он был едва ли не самым первым, что его песни появились едва ли не раньше, чем песни Булата Окуджавы.

В.П.: Нет, конечно же, хронологически песни Окуджавы появились первыми – по его словам, осенью 1956 года. Но феноменальную известность из этих троих получил, конечно, Высоцкий. А песни Галича мы практически не слышали: ему очень быстро заткнули рот.

В.Р.: О Галиче у меня целых четыре разных программы. Одну я недавно в бывшем музее Свердловла читал. Остатками своего голоса что-то еще пытался петь!

В.П.: Вы еще и гитару в руки берете?

В.Р.: Нет, гитару не беру. Иногда попадают люди, которые мне могут аккомпанировать, а сам я ни на чем не играю, к сожалению. Так вот, насчет Владимира Высоцкого. Когда-то Марина Цветаева сказала, что актер и поэт не совместимы, потому что актер – весь во вне, а поэт – весь внутри. Попробуйте посадить поэта на необитаемый остров, он всё равно будет писать стихи. Посадите на необитаемый остров актера – зрелище будет жалкое. Актеру нужны аплодисменты, восторженные глаза, слушатели, огни рампы. Образно сказано, но как показал ХХ век, неправильно, потому что как раз в ХХ веке все эти три человека, которых мы сейчас упомянули, все в той или иной мере блестяще доказали, что актер и поэт совместимы. Высказывание Марины Цветаевой я бы объяснил тем, что она в это время в сложных отношениях с Вахтанговским театром была: она пыталась писать для них пьесы, а эти пьесы не ставили. Их только сейчас поставили «Три возраста Казановы», скомпилированные из трех ее разных пьес: «Феникс», «Приключение», «Конец Казановы». Так что у нее несколько субъективная точка зрения на это была, хотя доля истины в этом ее высказывании есть.

В.П.: Очень ярко и образно сказано.

В.Р.: И сказано по-цветаевски, хоть на граните вырубай. Но как раз такие поэты, как Владимир Семенович Высоцкий, показали, что актер и поэт совместимы, даже более того: их всех надо воспринимать синкретично, т.е. нельзя разорвать музыку, исполнение, текст – всё это вместе дает удивительный эффект.

В.П.: А вот про того же Высоцкого говорили, что стихи у него никудышные, голоса – никакого, музыка – отвратительная, гитара – не настроенная, а в комплексе получается здорово. Ну, как же

так? Из некачественных «ингредиентов» создается нечто выдающееся?!

В.Р.: Всё это и по частям – не очень правильно. Даже у Булата Шалвовича Окуджавы, который все-таки как поэт может восприниматься отдельно. Но и он говорил, что большинство его стихов глазами не воспринимаются. Попробуйте, лишите их вот этого прекрасного тембра его голоса... голос-то маленький у Окуджавы, но зато какой пленительный тембр...

В.П.: Я радиопередачу свою о нем так и назвал: «Тихим голосом Окуджавы». (СГТРК, 17 авг. 1997). А о Высоцком: «Венок Высоцкому» (СГТРК, 13 июля 1997).

В.Р.: В свое время Виргилиус Нореика, замечательный литовский певец, сказал: сильных голосов у нас хоть отбавляй, а вот пленительных тембров – по пальцам можно пересчитать. Так что именно для таких вот авторских песен и не нужен особенно сильный-то голос. Нужна именно проникновенность, нужен тембр. Помнится, где-нибудь в Железноводске, когда голос Высоцкого случайно вдруг зазвучит из динамиков, на него как мухи на мед люди слетались: останавливались и слушали, потому что всё вместе это производило удивительный эффект. Ну, как тут разрывать?.. Некоторые его стихи, с точки зрения стихосложения, не так уж хороши, может...

В.П.: Но, тем не менее, крылатых строк он нам с вами подарил видимо-невидимо.

В.Р.: У него можно назвать несколько настоящих шедевров: ту же «Охоту на волков», «Кони привередливые» и другие. То есть в целом, это, не обинуясь, можно назвать шедеврами. Но, на мой взгляд, из всех троих, как поэт, наиболее силен Александр Галич: его можно читать глазами. Окуджаву не всегда можно читать, а у Галича удивительно свободное дыхание в стихе. Можно убрать голос, можно убрать мелодию, стихи всё равно будут. У всех троих, у каждого из них, есть своя аудитория, свои любители...

В.П.: А вот если бы как-то попытаться охарактеризовать: чем отличается каждый из них «лица необщим выраженьем»?

В.Р.: У всех у них несколько разный менталитет. Высоцкий спел и сыграл всю Россию, начиная Ваней и Зиной у телевизора...

В.П.: И кончая Никитой Хрущевым. Помните: «И очнулся добрый малый простофиля у себя на сеновале в чем родили!»

В.Р.: Или про Брежнева:

«Какие ордена еще бывают?» – Послал письмо в программу «Время» я. Еще полно? – Так что ж их не вручают! Мои детишки просто обожают, – Когда вручают – плачет вся семья».

Так что Высоцкий более близок самой широкой аудитории. А Галич и Окуджава творили на более узкую аудиторию. Высоцкий иногда производил впечатление на совершенно неожиданных людей. Есть в Коктебеле, в Крыму, Дом Волошина, где я много раз бывал. Вдова поэта Мария Степановна в 70-е годы еще была жива. Я переписал там все пять томов Максимилиана Волошина, подготовленные профессором Виктором Андрониковичем Мануйловым для печати. И было тогда только шесть экземпляров сочинений Волошина на всю Россию. Так вот, в том доме, в Коктебеле, у Марии Степановны гостила одна молодая балерина, она старушку, так сказать, обихаживала, кормила ее. А Мария Степановна любознательная старуха была, и говорит однажды: «Вот все говорят: какой-то Высоцкий, Высоцкий. Я что-то никогда его не слыхала». Тогда магнитофона в Доме поэта в Коктебеле не было. Ну, ее помощница и говорит, что тут вот есть, дескать, ребята из горьковского драмтеатра, они хорошо поют песни Высоцкого, давайте я их приглашу, они вам споют. Пришли эти ребята, стали петь: «На братских могилах не ставят крестов», «Мы вращаем Землю» и всё такое прочее. А тут один из них говорит: «Мария Степановна, давайте я вам другого Высоцкого спою». И пошел – про Нинку с Ордынки:

«— Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета как уборщица...
— А мне плевать, мне очень хочется!»

Мария Степановна сидела, слушала, кивала головой. Раз вы эти песни поете, значит, они вам нравятся, ну и хорошо. А потом на другое утро я был свидетелем такого разговора. Эта самая Леночка-балерина спрашивает: «Мария Степановна, что бы вам сегодня на обед приготовить?» «Леночка, мне бы жареного мяса». — «Так ведь вам же нельзя, Мария Степановна». А она: «А мне плевать, мне очень хочется!»

В.П.: Замечательно! Ну, вот вам и крылатая фраза, подаренная поэтом человеку. Подаренная человечеству!

В.Р.: Конечно, из песен бардов многое вошло в поговорки и поговорки. И с этим, как говорится, уже ничего не поделаешь. Это сейчас Высоцкий очень широко издан. А в свое время я разбирал его с хрипящих пленок, делал на пишущей машинке сборнички его песен...

В.П.: Я тоже с этого начинал, у меня до сих пор есть несколько его таких самодельных сборничков-конволютов.

В.Р.: И Галича в свое время я так же разбирал.

В.П.: Один к одному: и у меня всё так же было.

В.Р.: Сейчас-то его тоже достаточно напечатали.

В.П.: Ну, не скажите. Все равно на прилавках их книги не лежат. И все-таки, если бы, скажем так, внедриться в технологию стихотворчества, определить качество стиха каждого из этих трех поэтов... Вот вы сказали, что у Александра Галича поэзия по качеству стиха выше, чем у двух других. Хотелось бы услышать от вас, от литературоведа: чем же эти три барда характерны?

В.Р.: Галича я бы назвал королем ассонанса. Это сейчас все очень широко пользуются всякого рода неточными рифмами, вроде «молочница» и «молоденький», где начало слов рифмуется, а концы нет. Кто-то очень хорошо ска-

зал, что это даже не ассонанс, это — «евтушанс»! Потому что такого рода рифмами широко пользуется Евгений Евтушенко. Поэзия Галича изобилует ассонансами. Но они у него совершенно удивительные. Я как-то тогда же по Коктебелю шел и вдруг слышу песню:

«И не тревожит ни враг, ни побудка
Полеглих ребят...»

Думаю: с чем же он эту проклятую «побудку» зарифмует? Вроде нет такой рифмы в русском языке. И вдруг:

«Но только однажды мы слышим:
как будто
Вновь трубы трубят».

На глаз — это совсем не рифма, а на слух — рифма великолепная. Или еще у Галича:

«Отличалась упрямством отчаянным:
Что посмеем, мол, то и возьмем.
Ее маму за связь с англичанином
Залопатили в сорок восьмом».

Видите, какие рифмы: «отчаянным» и «англичанином». Кому бы пришлось в голову так рифмовать? Но на слух — то ведь великолепная рифма! В песнях вообще рифмы могут быть более неточными, чем в стихах. В фольклоре они неточные. Галич как раз сумел найти такую золотую середину, что этот ассонанс и поэты могут оценить, как нечто такое крепко сделанное. У него легкое дыхание в стихах. Мало у кого в стихах легкое дыхание. Валерий Брюсов — хороший поэт, но у него нет легкого дыхания, его стихи астматические несколько. Читая их, спотыкаешься иногда, потому что они изобилуют всякого рода словами, терминами, именами. А в поэзии Галича повторяю, легкое дыхание. И это очень важно.

Почему песни Высоцкого особенно никто не поет? Или если поет, то получается не то? Любую манеру имитировать можно, темперамент имитировать нельзя. А у него настоящий, подлинный темперамент. Он же сгорал всегда, когда выступал.

В.П.: Вот! Это слово — «сгорал» — все употребляют, кто его видел, слышал.

В.Р.: Так что у него и не столь важно — точные ассонансы или неточные. Но сколь этот стих крепок, как стих! И именно в соединении «ингредиентов», о которых вы говорили, он дает удивительный эффект. Еще хочу сказать, что все эти барды как-то очень хорошо друг к другу относились. Обычно ведь по-другому всё. У Дмитрия Кедрина есть строчки:

«У поэтов есть такой обычай:
Сев в кружок, оплевывая друг друга...»

А они, все эти барды, очень трогательно относились друг к другу. У Окуджавы есть прекрасная песня о Юлии Киме, ему посвященная. О Высоцком даже не одна песня: «Пусть кружит над Москвою охрипший его баритон...» и...

В.П.: «О Володе Высоцком я песню придумать решил...» Мне не очень нравится эта его песня: Я ее не воспринимаю, с ее анапестом, ни с поэтической, ни с музыкальной стороны.

В.Р.: Это, действительно, не самая лучшая из тех, что сделал Булат Шалвович, у него есть гораздо более удачные вещи. Увы, сейчас уже никого из троих нет в живых. Недавно мы потеряли последнего — Окуджаву.³

В.П.: Виктор Сергеевич, а вы не могли бы познакомить меня с вашими материалами о Галиче?

В.Р.: У меня всё — в голове. Раньше у меня были такие тетрадки, куда я вкладывал то, что мне нужно было для лекции. Сейчас я материалы эти уже читать не могу. Да и то, там были только заметки, иероглифы, для себя.

В.П.: Когда я учился в 70-е годы в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), нас там профессора приучили работать с каталожными карточками: выписываешь на них для себя коротко — «др», «пр», «тр», и этого вполне достаточно, если темой владеешь. Не надо писать-переписывать никакие конспекты.

³ Б.Ш.Окуджава (1924–1997).

Виктор Сергеевич, все-таки я еще и еще раз хотел бы с вашей помощью разобраться в поэзии представителей авторской песни: что же они такое «натворили» в нашем русском и мировом искусстве XX века, точнее – второй половины XX века? Чем они останутся в нашем искусстве?

В.Р.: Недавно Сергей Гандлевский в радиопередаче «Свободы» сказал то, что меня несколько огорчило: сейчас он не снимет с полки томик Галича и не только потому, что он знает его песни наизусть, но и потому, что они целиком остались в 60-х годах. Я не согласен с ним. Думаю, что все эти песни (не только Галича) помогали нам жить тогда, помогают и сегодня. Если б всех троих не было – Окуджавы, Галича, Высоцкого – нам было бы много хуже жить. Ведь поэзия – это тот кислород, которым мы дышим, когда нечем дышать вокруг, к которому мы припадаем. А кислород окончательно выдохнуться не может. Допустим, к творчеству того или иного поэта может ослабнуть интерес, потому что бывают такие периоды, когда люди вообще поэзией не интересуются. В XIX веке литературоведы зарегистрировали, что примерно с 1845-го по 1855-й год журналы не печатали стихов, читатели ими не интересовались. А потом это всё прошло. Вот и по себе сужу. В 1990–1991 годы я в больших клубах аншлаги собирал. А примерно в 1992–1993-м, когда началась у нас в стране такая история: по темным улицам люди ходить боялись, народу стало приходить гораздо меньше. Сейчас ситуация опять качнулась в другую сторону...

В.П.: Снова возник интерес к поэзии?

В.Р.: Недавно в Музее города я о Цветаевой рассказывал – желающие вместиться все не смогли.

В.П.: А в 1960-е годы даже стадионы заполняли на поэтических вечерах.

В.Р.: Видимо, очень долгое было кислородное голодание у нас, а в 60-е годы немножко краник открылся, и все кинулись, задышали кислородом...

В.П.: И поэты, и слушатели. И все-таки. Мне лично из этих

трех фамилий – Окуджава, Галич, Высоцкий – все ж ближе всего Владимир Высоцкий. Честно говоря, меня иногда коробят грубости в песнях Галича, чего абсолютно нет у Окуджавы, Высоцкого...

В.Р.: Вы имеете в виду то, что сейчас называют абсцентной лексикой?..

В.П.: Я не чистоплюй и не ханжа, но не люблю грубости, хамства на театральной сцене, в кино, в книгах. Мало ли как мы выражаемся в жизни (я тоже в жизни выражаюсь, вынуждают!), но еще видеть и слышать это в театре, в кино? Читать это? Извините. Вокруг нас столько гадости, унижения в жизни. И еще это же видеть на театральной сцене или в фильме? Я не желаю.

В.Р.: В песнях Галича никакого хамства нет. Разве что он иногда использует ненормативную лексику, как сейчас говорят:

«Подскажите, мол не с мясом ли банка? А она в ответ кивает, засранка...»

Или еще у Галича:

«Ну, начались тут трения с Лондоном,
Взяли наших посольских в клещи.
Мол, раз вы оскорбляете лорда нам,
Мы вам тоже напишем в щипы.»

Такие вещи у Галича попадают. Но сказать, что это – хамство? Это нет.

В.П.: Ну, может, не эти, но есть другие примеры, когда коробит от услышанного:

«Плевать, что стала курвою,
Что стать под стать блядам,
Зато номенклатурная,
Зато нужна людям.»

Галич сам даже перед исполнением некоторых своих песен говорил, что тут есть у него выражения, так сказать, на грани фола, но из песни, дескать, слово не выкинешь.

В.Р.: Если говорить о Высоцком, что начинал он с блатных песен, то это не случайно, потому что... У поэта три задачи, говорил Александр Блок: «Слышать шум времени, превращать этот шум в гармонию и доносить эту гармонию до

слушателей». По этим трем признакам можно узнать: поэт перед нами или не поэт. Касательно Владимира Высоцкого можно ответить утвердительно по всем трем пунктам. И если он слышал шум времени и шум этот был иногда со всякими хрипами, то ничего удивительного. Миллионы русских людей пересидели в тюрьмах и лагерях. На Галича как-то драматург Алексей Арбузов обрушился: «Саша, ты присваиваешь себе чужую биографию». К счастью, ни Галич, ни Высоцкий на самом деле не сидели. Но если б я присутствовал при этом разговоре, я бы сказал: «Да, Галич там действительно не был, но я, старый колымский каторжанин, признаю его право говорить от моего имени, потому что он умеет это делать». (Выд. мною – В.П.)

То же самое и с Высоцким. Видимо, ему попадались такие друзья-приятели, жизни которых он принимал близко к сердцу. Того же Вадима Ивановича Туманова, который ему, даже наверное, много рассказывал. Интересно, что в сборнике песен «В нашу гавань заходили корабли» (М., 1995 г.) помещены две песни, которые я считал авторскими песнями Высоцкого, а они там помещены как фольклор: «У тебя глаза как нож...» и «Это был воскресный день, и я не шарил по карманам...» Я считал и считаю, что это песни Высоцкого. Конечно, он пел песни, которые не сам сочинил. Например: «Губернский розыск рассылает телеграммы, и вся Одесса-мама переполнута зворами...» Это пели в спектакле Льва Славина «Интервенция» еще задолго до того, как Высоцкий появился на горизонте. Или такая популярная песня, как «Лети, паровоз, по долинам и по взгорьям, кондуктор, нажми на тормоза...» Это неизвестно, чье сочинение, это фольклор. Ее тоже поет Высоцкий и многие другие одесские песни. Говорят, что их Яков Ядов написал – одесский поэт и бард, но это не подтверждено. А те две песни меня удивили, что их поместили как фольклорные.

В.П.: А песня, которую поет Высоцкий: «Алешка жарил на баяне...»?

В.Р.: Я знаю ее, но не знаю, чья она.

В.П.: Вот-вот, он поет ее, но в его сборниках сочинений ее нет. Кстати, Высоцкий где-то говорит, и это есть на магнитофонной ленте (он же всегда со своей публичной разговаривал), что я, дескать, матерных песен не пою, если услышите в песне, спетой будто бы моим голосом, нецензурные слова, – это не я пою.

В.Р.: Я у него нецензурных-то и не знаю. Говорят, что какие-то подделки под Высоцкого были...

В.П.: Тем более, если учитывать качество наших тогдашних советских катушечных магнитофонов и пленок к ним. Нахрипеть на них можно было что угодно. Так оно и было фактически. Помнится, Андрей Вознесенский однажды рассказывал: «Мне попал в руки сборник «моих» стихотворений, большинство из которых я видел впервые».

В.Р.: Это бывает. Пушкину тоже приписывают то, что он отродясь не писал. Вроде:

«День настанет настоящий,
Настоящий, наконец.
Дева сядет на стоящий,
На стоящий на конец».

Четверостишие это считалось пушкинским. Брюсов так считал тоже. А потом вроде определили, что это почерк его брата – Льва Пушкина, очень похожий на почерк Александра Сергеевича. Возможно, Лев Сергеевич баловался такими стишками.

В.П.: Про того же Пушкина говорят, что есть у него стихи с ненормативной лексикой. И будто бы они опубликованы в академическом издании его произведений. Мне такое не попадало. А вы-то, наверное, держали его в руках?

В.Р.: Восемнадцатитомник, издания 1937 года – попадал.

В.П.: И там есть стихи за графью фола? Без отточий?

В.Р.: Есть. Есть.

В.П.: Я не удивляюсь. Мне кажется, назови любого поэта, прошлого века или сегодняшнего, он этот этап – блатных, скабрезных стихов – проходит непременно. Вряд ли кто обходится без этого.

Не может быть, если человек виртуозно умеет работать с рифмой, с ритмом, чтобы он, сидя где-то в тесной дружеской компании, за рюмкой чаю, не блеснул бы своими сочинениями определенного содержания. Наверняка такие строчки есть в творчестве любого поэта. Кстати, феномен Ивана Баркова (1732–1768) говорит об этом.

В.Р.: К слову, сочинение «Лука Мудищев» ему вряд ли принадлежит.

В.П.: Даже так теперь?

В.Р.: Был такой литературовед Макогоненко, который очень капитально занимался творчеством Баркова. Он утверждал, что «Лука...» написан на языке XIX века, а не XVIII-го. Все найденные стихи Баркова – это чистый XVIII-й век! Это даже не Гавриил Державин (1743–1816), это гораздо раньше. Барков умер в 1768 году. Так что он никак не мог поминать в своих стихах Екатерину, которая еще не воцарилась. И тем более, Павла I.

В.П.: Так что же это такое: сочинения Ивана Баркова?

В.Р.: В фольклоре это называется интерполяцией, то есть позднейшими вставками.

В.П.: Несколько лет назад мне попадала в руки книжечка сочинений Баркова, изданная уже в наше время, перестроечное. Честно говоря, на меня не произвело всё это положительного впечатления.

В.Р.: Но «Лука»-то – гениальная поэма! А кому она принадлежит – дело темное. Также высказывалась версия: не Лев ли Сергеич Пушкин ее автор? Поэт Иван Барков (современник и собутыльник Ломоносова) переводил с латыни, неплохо Вергилия и Горация переводил, правда, языком XVIII века. Даже до сих пор как-то не установили: Семенович или Степанович он. В разных источниках по-разному его называют. Есть сейчас научный журнал «Комментарий», там было очень много стихов Баркова опубликовано. Так, действительно, они совершенно не похожи на то, что ему приписывается. Хорошим, культурным поэтом для своего времени он был.

В.П.: В этом плане мне больше нравятся «Гарики на каждый день» Губермана.

В.Р.: Игорь Миронович Губерман – великолепная фигура в современной литературе.

В.П.: Какое изящество стиха, виртуозное владение техникой стиха! Обо всем умеет сказать с блеском. Лапидарно. В четырех строчках.

В.Р.: Вот, к примеру:

«Наступает последняя фаза
В завершение жизненной драмы:
Я у дамы боюсь не отказа,
А боюсь я согласия дамы».

В.П.: Вот и всё. И больше ничего не надо говорить! Коротко и ясно!

В.Р.: Вполне изящно. Я был на концерте Игоря Губермана в ДК железнодорожников, когда он приезжал в Екатеринбург два года назад (1995). Он мне подарил свою книжку «Прогулки вокруг барака». Есть у меня и его «Гарики на каждый день», и «Иерусалимские гарики». Он еще научные биографии чьи-то писал. Широкого профиля человек. Так что талантливый человек всегда хватало в России.

В.П.: Только почему-то талантливые люди вынуждены были или сами уходить за рубеж, или «их уходили» из страны. Как Галичу сказали в свое время: или ты сам уедешь на Запад, или мы тебя повезем на Восток.

В.Р.: А это ему никак нельзя было: у него уже было четыре инфаркта.

В.П.: Зато потом была поганая статья Леонида Колосова «Странная смерть барда».

В.Р.: А еще некие Григорьев и Шубин опубликовали в газете «Неделя» (1978, № 16) статью «Это случилось на «Свободе».⁴ Там на-

⁴ Несколько не так. С этой публикацией вообще какая-то темная история. Сначала в какой-то центральной газете мне попала на глаза статья Л.Колосова «Странная смерть барда». Потом я встретил ее в книге Л.Колосова «Голоса с чужого берега» (М: Советская Россия, 1979). Затем в книге Александра Галича «Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи» (Екатеринбург: «У-Фактория», 1998) я увидел ту же самую статью за подписью С.Григорьева и Ф.Шубина «Это случилось на «Свободе» (С. 620–626). Так кому же все-таки принадлежит сомнительное авторство этого пасквиля? (Примеч. – В.П.)

мекают на то, что ЦРУ отделилось от своего агента, который стал им не нужен. Но это чушь собачья. Французская полиция точно установила, что это был несчастный случай: он включал купленную новую антенну для своего звукового комбайна. И видимо, вроде меня, слеповатый был: ткнул не туда, ударило током, и при его четырех инфарктах этого было достаточно.

В.П.: А потом очень скоро и жена его отправилась туда же.

В.Р.: Жена сигарету уронила, загорелась занавеска, и она задыхнулась в дыму.

В.П.: Трагический, ужасный финал для обоих. Безумно жалко, когда необходимые российскому, русскому искусству, русским людям художники оказываются за рубежом.

В.Р.: Еще Кюхельбекер сказал когда-то:

«Тяжка судьба поэтов всех времен.
Тяжеле всех судьба казнит Россию».

Сказано это было в начале XIX века, за 200 лет до нас. Видимо, это было, есть и будет у нас в стране.

В.П.: Но сегодняшние, например, Евтушенко, Вознесенский – живут ведь, ничего.

В.Р.: Совсем как у Высоцкого:

«/.../На той черте легли и Байрон,
и Рембо,
А нынешние как-то проскочили».

Так что у Владимира Семеновича можно найти ответы почти на все вопросы нашей жизни.

В.П.: Я был удивлен крайне, что хороший поэт Роберт Рождественский, покойный ныне, не заработал, оказывается, себе у наших правителей, у многократно воспетой им советской власти место на престижном Новодевичьем кладбище, а похоронен на Переделкинском, дачном.

В.Р.: Мало ли кто «не заработал». Вот народному артисту СССР Дмитрию Николаевичу Журавлеву даже на Ваганькове места не нашлось, куда-то на Троекуровское увезли.

В.П.: И Святослава Рихтера похоронили, говорят, на каком-то неизвестном московском кладби-

ще, кажется, на Востряковском. Я аж обалдел, когда узнал об этом! А Ваганьковское сейчас становится, я бы сказал, филиалом Новодевичьего. Там Есенин похоронен, Борис Андреев, Леонид Енгибаров, Владимир Высоцкий, Олег Даль, Андрей Миронов, Булат Окуджава...

В.Р.: Андрею Вознесенскому тоже довольно много было дано от Бога. Голос ему был дан. Только ему с самого начала нечего было сказать людям.

В.П.: Вы так плохо к нему относитесь?

В.Р.: Я так плохо к нему отношусь. В этом я совпадаю с Иосифом Бродским, который к Вознесенскому и Евтушенко относился резко отрицательно. Как-то он лежал больной, к нему кто-то пришел и сказал: «Иосиф Александрович, Евтушенко выступает против колхозов». Бродский в ответ произнес: «Если он против колхозов, тогда я – за». Повернулся на другой бок и не стал продолжать разговор.

В.П.: К слову, я очень плохо знаю Бродского. Расскажите, пожалуйста, о нем. Единственно, что знаю: его при Брежневеве судили как тунеядца и выставили вон из СССР.

В.Р.: Было в свое время прелестное издание типа «Блокнота агитатора», а на задней обложке его был помещен коллаж: начало статьи «Тунеядцу воздается должное» из «Ленинградской правды», а внизу фотография – шведский король пожимает руку Бродскому и вручает Нобелевскую премию!

В.П.: Замечательно: «тунеядцу» воздается должное!»

В.Р.: Бродский – очень тонкий поэт, очень сложный. В свое время, когда мне попала впервые его поэма «Исаак и Авраам», году в 1960-м, мне он по густоте стиля показался похожим на Райнера Марию Рильке (1875–1926). Другого такого, наверное, в русской поэзии не было.

В.П.: Он, вероятно, сложнее Анны Ахматовой?

В.Р.: Сложнее, сложнее, конечно. В ее «Поэме без героя», в «Ленинградских элегиях» («Северные элегии») так быстро не разберешь-

ся: надо в этот художественный мир входить, вживаться. У Бродского в большинстве случаев в стихи тоже надо вчитываться. Но есть у него стихи вполне доступные широкой аудитории.

В.П.: Но каков же его взнос в мировые поэты копилки?

В.Р.: Думаю, что Иосиф Бродский – самая крупная фигура в русской поэзии после Ахматовой. После ее смерти крупнее Бродского у нас никого нет. Его можно любить или не любить, это дело такое... Кто-то хорошо сказал: поэзия живет пристрастиями и вряд ли ей нужна табель о рангах. Можно любить лейтенанта и не любить генерала. Но то, что он – генерал, от этого никуда не денешься.

В.П.: Помните, как у Маяковского:

«Есть много разных вкусов и вкусилов:
Кому нужен я, а кому – Кусиков».

В.Р.: Ну да, по сравнению с Владимиром Владимировичем, Кусиков – мелкий поэт.

От него, пожалуй, только и осталось:

«Слышен звон бубенцов издалека –
Это тройки знакомый разбег...»

Вот это – Кусиков. Вкусов, действительно, много разных. Марина Ивановна Цветаева любила человека, который ее стихов не любил, а предпочитал стихи Гумилева, который проще для понимания...

В.П.: Позволю себе сказать, что стихи Гумилева в сравнении со стихами Мандельштама менее интересны. Я понимаю, что говорить о поэзии терминами «нравится» – «не нравится», по меньшей мере, непрофессионально.

В.Р.: Гумилева с Мандельштамом сопоставлять, конечно, трудно. Мандельштам – на порядок, по крайней мере, выше. Если бы у Гумилева жизнь не оборвалась так рано... Его книга «Огненный столп» – это совершенно другое, чем, допустим, его же «Жемчуга» или «Романтические цветы». В «Огненном столпе» он достиг очень больших высот. Но как раз именно эти стихи мало кто знает. Все на-

зывают Гумилева романтическим поэтом, трескучим, холодноватым даже. А это смотря какой период творчества взять. Если брать его книги «Колчан» или «Костер», там уже попадаются очень зрелые стихи. «Жемчуга» Николая Гумилева я тоже не люблю: они «пробрюсованные» несколько. Ну, он же и посвятил эту книгу: «Моему учителю Валерию Брюсову». Во втором издании, правда, снял это посвящение, потому что считал, сам с усам, что он сам – глава акмеизма.

В.П.: Мы с вами, Виктор Сергеевич, много уже говорили об авторской песне. А что можете сказать о других поэтах этого круга, этого жанра – о представителях авторской песни?

В.Р.: Я люблю Александра Горюхицкого, например.

В.П.: Одного из основоположников авторской.

В.Р.: Считаю, что он на достаточно высоком уровне всё делает. Но конечно, «три кита» – это «три кита». Из остальных? В последнее время мне понравились некоторые вещи Олега Митяева. Он довольно успешно выступает сейчас, но мне не всё у него нравится, хотя есть тоже песни, которые на высоком уровне, например: «Авиатор», «Шарлевиль»...

В.П.: И его широко известная песня «Изгиб гитары желтой...» со знаменитым припевом: «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

В.Р.: К Юрию Визбору я хорошо, в общем-то, отношусь. Но, в основном, у него, как словами Галича можно охарактеризовать:

«Романтика, романтика небесных колеров!
Нехитрая грамматика небитых школяров.
Все говорок про странствия, про ночи
у костра,
Была бы только санкция – романтики
сестра...»

В.П.: Да, мне тоже кажется, с точки зрения поэтической Визбор довольно слаб.

В.Р.: Конечно. Он обаятельнейший был человек, тоже задушевным таким голосом исполнял, но, конечно, в первый ряд его не поставишь.

В.П.: Согласен, вы правильно сказали: три кита авторской песни – это Окуджава, Галич, Высоцкий. Или вы в другом порядке выстроите этих «слоников на комод»?

В.Р.: Этих «слоников» в любом порядке можно выстроить, не имеет значения, потому что, как сказал Мандельштам: «Не сравнивай: живущий не сравним».

В.П.: А есть ведь еще немало других представителей авторской песни: Кукин, Клячкин, Ким...

В.Р.: У Кима некоторые обаятельные вещи есть.

В.П.: Но Юлий Ким – это, я бы сказал, театральный поэт. У него такая театрализованная поэзия.

В.Р.: Но все-таки Окуджава ему написал:

«Поэту настоящему спасибо,
Руке его, безумию его.
И голосу, когда, взлетев до хрипа,
Он достигает неба своего».

Этим открывается диск Булата Шалвовича «Новые песни»: «Ну, чем тебе потрафить, мой кузнецик?..» В «Литературной газете» этот текст был опубликован с посвящением автора Юлию Киму.

В.Р.: А Аркадия Северного вы слышали? Что можете сказать об этом авторе-исполнителе? Кстати, почти одновременно с Высоцким он умер, в 1980-м.

В.П.: Я слышал его, конечно. Но это не так интересно. Это ведь у него всякие одесские штучки? «К чему, скажите, нам чужая Аргентина?..» Надо сказать, это тоже песни 1920-х годов.

В.П.: Но ведь Александр Розенбаум тоже баловался этой тематикой – одесской, блатной.

В.Р.: Розенбаум не дотягивает до уровня первой категории. У него и артистичности той нет, какая у Высоцкого, и тексты послабее. Есть, конечно, несколько песен на слуху. Например, «Ленинградский вальс»...

В.П.: Вы не занимались сравнительным анализом творчества Окуджава, Галича, Высоцкого? Что каждый из них все-таки внес в жанр авторской песни? Что такое поэзия в творчестве одного, другого, третьего? Во что она – их поэзия – одета?

В.Р.: Ну, она, конечно, одета в разные одежды. У Галича еще можно разбирать его стихи как стихи. У Окуджава, впрочем, тоже есть такие стихи, которые можно читать просто так. А Высоцкого, наверное, даже и вы как стихи читать не будете, хотя вы его и любите очень...

Про Окуджаву говорили, что на гитаре он берет всего пять аккордов, что мелодии его примитивны. Но не кто-нибудь, а Дмитрий Шостакович сказал: «Эти стихи рождаются прямо сразу с мелодией». У всех этих бардов очень важен тот синкретизм, когда всё вместе сливается. Иногда очень хорошие композиторы пишут музыку на стихи очень хороших поэтов, а получается, как у того мальчика в разговоре про ромовую бабу, который хотел ром – отдельно, а бабу – отдельно. Так что и у очень хороших композиторов бывает, что музыка – сама по себе, а стихи – сами по себе. Один глаз в Эльзас, а другой в Арзамас.

Но иногда в сопоставлении совершенно неожиданные вещи сближаются и могут дать удивительный эффект. Вдруг дают какое-то сцепление. Как Пушкин сказал: «Бывают странные сближенья...» Недавно Сергей Юрьенен на радио «Свобода» сделал несколько передач, названных «Экслибрис». Там была передача про Пьера Эрбара, друга и спутника Андрея Жиды. Текст в ней все время перебивается советскими песнями 30-х годов, создавая атмосферу того времени.

В.П.: Я тоже слышал эти передачи. Это было здорово сделано.

В.Р.: Получился удивительный звуковой портрет эпохи. Еще передача была про Стейнбека, там тоже звучало наше: «Товарищ, товарищ, в труде и в бою...»

В.П.: Да-да, песни Дунаевского 30-х годов... А что, Дунаевский – это тоже эпоха. Может, он не совсем адекватно отразил свою эпоху, свое время, но, тем не менее отразил. Ведь люди же захлеб пели все эти его маршевые, светлые песни. Красные косыночки повязали и

«Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели.
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли».

В.Р.: Я всегда завидую верующим людям. Пастернак умирал очень тяжело, но ему помогало то, что он верил в Бога. Вот и эти люди — тоже верили...

В.П.: И верили песням Дунаевского.

В.Р.: И эта вера помогала им жить. А сейчас многим старикам очень трудно, потому что у них отняли тот пафос, отняли веру в светлое будущее.

В.П.: Меня, к слову, сильно удивляет наш сегодняшний электорат. Модное словечко. Удивляет: ну, что же еще надо сделать более ужасное, чтоб отвлечь их, в конце концов, от нашего жуткого прошлого? И сегодняшнего настоящего? Вы-то, Виктор Сергеевич, на своей шкуре, как говорится, испытали: что такое советская власть. Те же, кто не прочувствовали на себе всех этих ваших ужасов, к счастью для них, до сих пор фанатично верят во что-то прогрессивное, положительное в деяниях советской власти.

В.Р.: Если человек привык во что-то верить, так его колом не сдвинешь с места. И таким — легче...

В.П.: Виктор Сергеевич, относительно недавно была какая-то публикация в газетах, что где-то некая женщина услышала во сне, будто ей Владимир Высоцкий продиктовал стихи, она записала эти стихи, и они были даже опубликованы. Что вы на это скажете?

В.Р.: Кто-то говорил, что у нас в воздухе носится нечто странное, какое-то информационное поле, назовем его ноосферой или как-нибудь иначе.

В.П.: Ноосфера — это ведь учение академика Вернадского...

В.Р.: Ну да. Так что те, у кого их нервные окончания настроены на восприятие каких-то влияний оттуда, те его воспринимают, сами не понимая, откуда и что они взяли. Так же, как Ахматова в стихотворении «Когда я ночью жду ее прихода...» спрашивает ее (Музу): «Ты Данту диктовала страницы «Ада»? Отвечает: «Я». А женщина, о которой вы говорите, это — Таана. Она рассказывала об этом у нас в Екатеринбурге, где-то на Уралмаше. Там как раз меня должны были прийти слушать люди, и тогда говорили, что часть из них ушла слушать эту самую Таану. Ну, я сказал: «Где мне тягаться с этой Тааной, если она действительно ловит космические звуки».

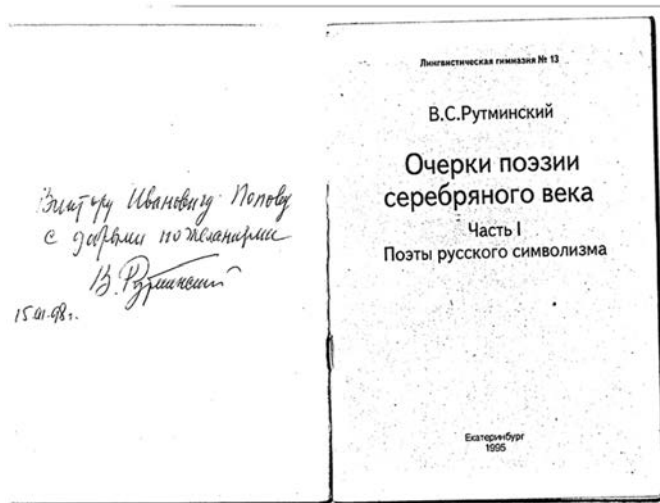
В.П.: У меня, к сожалению, нет этого материала. А как вы относитесь к этому феномену? Это сказка?

В.Р.: Может, она сумасшедшая, а может быть, гений, не знаю.

В.П.: Вот вы сказали: «гений». Но гений — это патология, это нечто из ряда вон выходящее.

В.Р.: Чезаре Ломброзо говорил, что гений и безумие — это явления одного порядка, отклонение от нормы.

В.П.: Именно: отклонение от нормы. Вот все мы — нормальные, а если кто-то гениален — то он явно вне природы.

В.Р.: Ну да. Помните, у Галича: «И пусть я псих. А кто не псих? А вы не псих?»

В.П.: Вот, пожалуйста, вам продолжение чеховской «Палаты № 6»! «А вы не псих?» Вот вам продолжение традиций русской литературы о сумасшедшем доме и про записки сумасшедших, живущих в России.

В.Р.: Есть четверостишие неизвестного автора на эту же тему, посвященное Мариэтте Шагинян:

«Мариэтта всем богата:
Есть и слава, есть и честь.
И ума у ней палата,
Но палата № 6».

В.П.: Хорошо написано! Дело в том, что все мы в России действительно всю жизнь нашу живем в «палате № 6». Вспомните сочинения Гоголя, Достоевского, Чехова. И кончая «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына. Посмотрите, какая давняя-давняя традиция. Столетия! Отчего же мы живем в такой именно стране?

Кстати, Мариэтта Шагинян похоронена недалеко от Владимира Высоцкого. Высоцкий — на Ваганьковском, а Шагинян — тут же, буквально, напротив ворот, надо только через трамвайные пути перейти, и будет Армянское кладбище. Я был на ее могиле — она похоронена рядом со своей сестрой, в одной оградке. К слову, мне нравятся сочинения Шагинян о музыке, об искусстве, у меня есть несколько ее книг. Она очень тонко чувствует музыку, хорошо понимает ее. Интересное исследование у нее есть о чешском композиторе Мысливечке — «Воскрешение из мертвых».

В.Р.: У Ильи Сельвинского в «Записках поэта» есть такая фраза о ком-то: «В нем есть та сумасшедшинка, которая, увы, уже испарилась из пузырька поэзии».

В.П.: Замечательно сказано: ведь если «сумасшедшинка из пузырька поэзии» испарилась, значит, пуст пузырек, значит, в «сумасшедшинке-то» вся соль настоящей поэзии... Спасибо вам за столь продолжительную и познавательную беседу.

НИДА МАСЛОВА И ДВА ЕЕ РОВЕСНИКА

Рашид ХАКИМОВ

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры экономики
отраслей и рынков
Челябинского
государственного университета.
Заслуженный работник
культуры
Республики Башкортостан.

ВСТУПЛЕНИЕ

История потому и называется Всеобщей, что она состоит из отдельных историй цивилизаций и племен, народов и государств, больших городов и маленьких деревень, и она наполнена конкретными жизненными судьбами отдельных людей. Нельзя написать обезличенную историю, историю без деятельности конкретных людей. Необозримое полотно Истории человечества, Всемирной истории людей было соткано в прошлом и сейчас ежедневно, ежеминутно, ежесекундно ткется в настоящем из миллиардных отдельных нитей человеческих судеб, порой ярких, как звезда на ночном небе, а большей частью безвестных, как темный небосвод. Можно описать геологическую историю планеты Земля, или историю другой планеты или даже Галактики. Но это уже не будет Всемирная история. Это будет история материального мира, история Природы. И еще. Все люди, кто родился в определенный исторический период, жили и живут в одном Пространстве, в одном Времени. Пусть даже они жили, не зная, или так и не узнали о существовании друг друга. Например, если кому-то довелось родиться в тридцатые годы XX века в СССР, то он жил вместе, в одном времени со Сталиным, каждый день видел портреты вождя в газетах или в колхозном правлении, на городских улицах и знал его. И косвенно, а может быть и напрямую: будь он малый ребенок или взрослый, чувствовал на себе решения этого человека, который фактически был вершителем судеб миллионов в стране, да и во всем мире.

Проживая на Урале или на Кубани, разные люди одинаково переживали тяготы колхозной жизни, трудных военных и послевоенных лет. Студент философского факультета МГУ в мартовские дни 1953 года в столице участвовал в траурном митинге по поводу кончины человека, которого многие до 5 марта даже в мыслях не могли представить смертным. А молодая колхозница вместе со всеми в деревне оплакивала «вождя всех народов и всех времен». Став молодыми, ровесники с надеждой и верой в лучшую жизнь восприняли хрущевскую «оттепель», тот социальный оптимизм, который появился в обществе после XX съезда КПСС. В какой-то мере все они были дети двадцатого съезда, съезда надежд на обновление....

А после ровесники, уже возмужав, перешли в семидесятые-восемидесятые годы, когда стабильность плавно перешла в застой и в словословие. Бригадир штукатуров-маляров принимала повышенные сообразительности в честь очередного юбилея революции. Секретарь обкома на партийном съезде в 1981 году рассказывал о реальных делах в области и одновременно произносил обязательно-дежурные слова о верности линии партии и о выдающейся роли Генерального секретаря ЦК. А секретарь ЦК партии по сельскому хозяйству в это время работал над разрабатываемой Продовольственной программой СССР на период до 1990 года, которая была принята на Пленуме ЦК в мае 1982 года. И все это в одном времени и в одном пространстве....

История человечества, история людей всегда развивается в

многомерном сложном, но едином пространстве и в едином времени. Люди рождаются, живут, трудятся в одном времени, в одном мире, в большинстве случаев не зная друг друга. Это, можно сказать параллельная жизнь. Бывает, что со временем, они могут каким-то образом пересечься на жизненных путях, ощутить на себе влияние и воздействие других личностей. Большинство людей, находясь в малом круге (семья, предприятие, город, деревня, друзья, знакомые, сослуживцы), там и заканчивают свой жизненный путь, и образ их медленно стирается из памяти знавших. Но бывает и так, что из общей массы безвестных в силу своих способностей, и одновременно в силу каких-то обстоятельств, отдельные личности оказываются востребованными и выносятся в поле всеобщего внимания, а некоторые, становясь лидерами, оказывают значительное влияние на ход исторических событий. Но все эти люди – известные, малоизвестные и просто безвестные – жили в одном времени. Жили проблемами, страстями, интересами, радостями и печалью своего времени. И большинство людей жили своей повседневной жизнью: росли, учились, влюблялись, создавали семьи, рожали детей, бывало, что и разводились, работали, занимались своим хозяйством, отдыхали, решали свои насущные проблемы (накосить сено, собрать детей в школу и т.д.). И хотя официальная пропаганда утверждала обратное, видя в них только сознательных строителей коммунизма, но собрания и митинги, соцсоревнование и очередной политический юбилей – все это было лишь малой частью жизни большинства. До последнего времени история в основе своей была историей королей, царей, полководцев и иных выдающихся людей, так и сейчас она продолжает, по сути, оставаться историей лидеров, историей политиков, руководителей в сфере экономики, историей выдающихся людей в куль-

туре, науке. Правда, они сейчас называются по-другому: президенты, губернаторы, мэры, депутаты, олигархи, звезды шоу-бизнеса и спорта. Но общество, в абсолютно преобладающем соотношении, состоит из простых тружеников и рядовых граждан, живущих несколько иными заботами и несколько иной жизнью. И поэтому особенно интересно исследовать жизнь этих людей, составляющих основу любого общества. Города и комбинаты, дороги и мосты строили и строят простые труженики и рядовые граждане, они же возделывают хлеб, трудятся на заводах и фабриках.

По капле океанской воды можно сделать химический анализ состава целого океана. Но история жизни одного человека, конечно, не дает возможности узнать мировую историю. Разные люди и очень разные судьбы. Но бывает и так, что даже жизнь трех людей может дать какое-то представление о жизни целой страны, о судьбах даже миллионов других людей. Возьмем три человеческие судьбы, удивительно совпавшие и по крестьянскому происхождению и дате рождения: все они трое родились практически в течение одного месяца: двое – 1 февраля, а один 2 марта одного и того же 1931 года. У двоих есть близость даже и по месту рождения: они родились на Урале.

1 февраля 1931 года родился Борис Ельцин в деревне Бутки Талицкого района Тюменского округа Уральской области, и в этот же день в деревне Селезни Кыштымского района Свердловского округа той же Уральской области родилась Нида Лежнева. А Михаил Горбачев появился на свет 2 марта 1931 года в селе Привольное Северо-Кавказского края. Тогда в стране были крупные административно-территориальные образования: Уральская область – это весь Урал, а Северо-Кавказский край – почти весь Северный Кавказ.

ЖИЗНЬ В КОЛХОЗЕ¹

За горой колхоз, под горой совхоз,
А мне миленький задавал вопрос,
Задавал вопрос, сам глядел в глаза,
Ты колхозница, тебя любить нельзя.
(Народная песня)

В небольшой деревне Селезни к тому времени, когда родилась Нида Лежнева, был уже организован колхоз имени Калинина, куда в 1930 году вступила и семья Лежневых.

Родилась Нида Лежнева в простой крестьянской семье. Ельцин и Горбачев также родились на селе, в крестьянских семьях. Правда, есть у них отличия, но есть и удивительные совпадения: у Ельцина отца раскулачили. В апреле 1934 года Николай Игнатьевич Ельцин был осужден по статье 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда») отправлен в Дмитлаг² – строить канал Москва-Волга. У Горбачева репрессии испытывали оба деда. Дед по отцу, Андрей Моисеевич Горбачев за невыполнение плана посева в 1934 году был отправлен в ссылку в Иркутскую область, через два года был освобожден, вернулся на родину и вступил в колхоз, где работал до конца жизни. А отец Сергей Андреевич сразу вступил в колхоз. Дед Горбачева по матери, Пантелей Ефимович Гопкало (1894–1953), происходил из крестьян Черниговской губернии, был старшим из пяти детей, в 13 лет потерял отца, позднее переселился в Ставрополье. Стал председателем колхоза, в 1937 году тоже был арестован по обвинению «в троцкизме». Находясь под следствием, провел в тюрьме 14 месяцев, вынес пытки и издевательства. От расстрела Пантелея Ефимовича

¹ Колхоз (от коллективное хозяйство) – юридическое лицо, созданное для сельскохозяйственного производства на основе производственной кооперации, при которой средства производства (земля, оборудование, скот, семена и т.д.) находились в совместной собственности и под общественным управлением его участников и результаты труда также распределялись общим решением участников. Большинство колхозов было создано в России фактически насильственными методами в период коллективизации сельского хозяйства. Колхозники не имели паспортов, фактически не могли выходить из колхоза, до 1964 года не имели права и на государственное пенсионное обеспечение.

² Архив Президентского Центра Б.Н.Ельцина. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2.

спасло изменение «линии партии», принятое февральским 1938 года пленумом ЦК ВКП(б), посвященного «борьбе с перегибами». Пантелей Ефимович был оправдан и освобожден. В годы войны отец Михаила, Сергей Андреевич Горбачев воевал, а отец Ельцина, Николай Игнатьевич работал на заводе в Березниках. На фронте погиб отчим Нида Лежневой. Как же похожи биографии у ровесников!

Из воспоминаний Б.Н.Ельцина:

«Детство было очень тяжелое. Еды не было. Страшные неурожаи. Всех позагоняли в колхоз – тогда было поголовное раскулачивание. К тому же кругом орудовали банды, почти каждый день перестрелки, убийства, воровство. Мы жили бедновато. Домик небольшой, корова. Была лошадь, но и она вскоре пала. Так что пахать было не на чем. Как и все – вступили в колхоз... В 1935 году, когда уже и корова сдохла, и стало совсем невозможно, дед, ему было уже около шестидесяти, начал ходить по домам – класть печки... Отец тогда решил все-таки податься куда-нибудь, чтобы спасти семью...»³

Из воспоминаний М.С.Горбачёва (1995 год):

«Когда война началась, мне уже исполнилось десять лет. Помню, за считанные недели опустело село – не стало мужчин.

Отцу, как и другим механизаторам, дали временную отсрочку – шла уборка хлеба, но в августе призвали в армию и его. Вечером повестка, ночью сборы. Утром сложили вещи на повозки и отправились за 20 километров в райцентр. Шли целыми семьями, всю дорогу – нескончаемые слезы и напутствия. В райцентре распрощались. Бились в рыданиях женщины и дети, старики, всё слилось в общий, рвущий сердце стон. Последний раз купил мне отец мороженое и балалайку на память.

К осени кончилась мобилизация, и остались в нашем селе женщины, дети, старики да кое-кто

из мужчин – больные и инвалиды. И уже не повестки, а первые похорожки стали приходить в Привольное».

Семья Горбачевых пять с половиной месяцев провела в немецкой оккупации, советские войска освободили село Привольное в январе 1943 года.

Снова из воспоминаний М.С.Горбачева: «Зимой и весной 1944 года начался голод. Выжили мы с матерью ее стараниями и благодаря случаю». Ранней весной не осталось, Мария Пантелеевна взяла вещи мужа и отправилась за пропитанием на Кубань, оставив Мишу одного. «Лишь на пятнадцатый день она вернулась с мешком кукурузы. Это и было наше спасение», – вспоминал Горбачев. Отелилась корова, появилось молоко. «А потом, как спасение от Бога, на всеобщую радость пошли дожди. И все вокруг – и в поле, и на огородах – стало расти. Земля нас выручила и на сей раз».⁴

Родители Нида, по счастью, под репрессии не попали. Отец Нида – Лежнев Григорий Федорович, 1904 года рождения, как и мать, Елена Ивановна, в девичестве Ершова, 1909 года рождения, родом были из села Кузнецкого Аргаяшского района Башкирской АССР (до 1934 года был такой анклав на территории тогда Уральской, а с 1934 года нынешней Челябинской области). Но в 1934 году отец Нида умирает. Елена Ивановна второй раз выходит замуж, от второго брака рождается еще три дочери: Зоя, Александра и Тамара. Как старшая дочь в семье Нида смотрела за младшими сестрами, нянчилась с ними, рано начала работать по дому и хозяйству. Только недолгим будет счастье в семье, муж Елисеев Федор Иванович в войну погибнет на фронте. Елена Ивановна второй раз овдовела. А Нида, потеряв отчима, второй раз останется без отца. Судьба многих...

⁴ Российские вожди в борьбе, любви и смерти [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/144265/25/Rybas_-_Rossiiskie_vozhdi_v_bor%27be%2C_Iyubvi_i_smerti.html

Борис Ельцин также был старшим ребенком в семье. Он вспоминает: *«С шести лет домашнее хозяйство было на мне. И за младшими ребятишками ухаживать – одну в люльке качать, за другим следить, чтобы не хулиганил, и по хозяйству – картошку сварить, посуду помыть, воды принести...»⁵*

Еще раз отметим, похожесть биографий трех ровесников и ровесниц 1931 года рождения...

Встречались ли в жизни все эти трое, родившиеся в одном году? Они могли бы встретиться на партийных съездах или государственных форумах. Но нет, не пришлось. Делегатом партийного съезда Лежнева, ставшая после замужества Масловой, не избиралась, в депутаты Верховного совета РСФСР (или СССР) ее тоже не избирали. Нида Маслова лишь один созыв была депутатом Озерского городского Совета депутатов. И потому Лежнева (Маслова) по жизни никогда не встретится со своими ровесниками, ставшими известными всей стране и миру людьми. В отличие от Горбачева и Ельцина, которым судьба уготовила совместную работу, частые и близкие встречи, а однажды их судьба свела так, что двоим стало тесно на тернистой тропе борьбы за власть, и один из них сошел с пути, уступив другому. Повторим, Нида Маслова не была ни депутатом, ни делегатом съезда, но, заметим, что и Горбачев, и Ельцин не стали Героями Социалистического Труда. О жизненном пути Ельцина и Горбачева известно всем, но мало кто знает о жизненном пути Нида Лежневой (Масловой). Поэтому расскажем о нем.

Нида окончила четыре класса в Селезневской начальной школе. Дальше учиться не получилось, в шестнадцать лет пошла работать в 1947 году в колхоз имени 8 Марта. Но это только по трудовой книжке, а так неофициально, как и все подростки военных и послевоенных лет, уже с двенадцати лет работала на колхозном поле, в ого-

⁵ Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 23.

³ Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 22.

родной бригаде. По действующему Примерному Уставу сельскохозяйственной артели 1935 года членство в колхозе оформлялось подачей заявления с последующим решением о приеме на общем собрании артели. На практике это правило не соблюдалось по отношению к детям колхозников, которых по достижению 16-летнего возраста правление механически заносило в списки членов артели без их заявления о приеме.

Когда Нида стала постарше, поставили прицепщицей⁶ на трактор.

А тогда в день 8 марта не было никакого женского праздника, а был тяжелый большей частью ручной труд, и все на женских плечах. Страна, опустошенная войной, отдавала последнее, чтобы создать атомный щит для защиты от реальной ядерной угрозы из-за океана. Рядом, в закрытом городе создавали атомную бомбу, а в окрестных колхозах женщины, бывало, на себе таскали бороны и плуги. Вот уж, действительно, в полном соответствии со словами И.Сталина: «Женщина в колхозах – большая сила... Что касается самих колхозниц, то они должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхозов – неравенство, в колхозах – равенство полов. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы и пусть они берегут колхозный строй, как зеницу ока»⁷.

Люди были разуты и раздеты. Из воспоминаний Вазифы Хисамовны Камаловой, 1926 года рождения, из деревни Илимбетово, соседнего, Аргаяшского района Челябинской области: «В 1946 году приехал в первый раз в деревню фотограф. Насрулла Хайруллин-агай тогда работал продавцом. У него была племянница, которая

⁶ Прицепщик – работник, обслуживающий прицепное устройство, орудие. Прицепщик тракторов стоит на саялке, регулирует работу саялки, а при пахоте сидит на плуге над лемехами, поднимает лемеха плуга в конце загонки, при развороте трактора. Пыль, гарь от двигателя трактора – все это идет на прицепщика. Если ослабьешься – можешь и под лемех плуга угодить.

⁷ Сталин И.В. Речь на 1-м съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 года. /И.В.Сталин. Полн.собр. соч. М., Гос. изд.полит. лит.-ры. 1946–2006. Т. 13. С. 114.

была хорошо одета. И мы переодевались в ее одежду по очереди, чтобы сфотографироваться».

Особенно тяжело было в деревне в войну: и холодно, и голодно. В 1943 году на один трудовой в колхозах Челябинской области приходилось 0,4 кг зерна и 97 копеек деньгами⁸. Главным продуктом питания являлся картофель. Вместо чайной заварки использовали сушеную морковь и сушеные травы. Собирали кислицу, коренья репья, мерзлую картошку, что оставалась в поле после уборки. Вспоминает Антонида Акимовна Хлопкова (Сатонина), 1935 года рождения, она жила в соседней с Селезнями деревне Горный: «Как-то весной собирали на поле мерзлую картошку. И кто-то крикнул: «Волки». А волков тогда много развелось. Мы бросились бежать. Бежим и плачем: «Мало картошки набрали, что мама будет нам готовить»...

Люди испытывали страшную нужду, не хватало самого необходимого: спичек, соли, мыла, обуви и одежды. Распространенной обувью, например, были подобие калош, которые делали из старых изношенных покрышек, их еще называли «ЧТЗ», или резиновая обувь с брезентовым голенищем.

В школе было холодно, кочнели пальцы рук, замерзали чернила в чернильницах. Не хватало учебников, тетрадей, и поэтому приходилось писать на старых газетах между газетных строк или на оберточной бумаге, которую учительница разлиновывала от руки в косую линейку. Не было в школе и электрического освещения. На партах стояли коптилки, сконструированные из жестяной баночки или из выдавленной сырой картофелины, заполненной каким-либо жиром, а сверху был вмонтирован скрученный из ватки или нитки фитиль. Частыми были пропуски занятий из-за отсутствия одежды и обуви. Нередко в семье Елисеевых Зоя или Александра ждала возвращения Ниды, чтобы, надев обувь и одеж-

⁸ Н.П.Палецких. Социальная политика на Урале в годы Великой Отечественной войны. / Южноуральцы на фронте и в тылу. Челябинск. 1997. С. 149.

ду сестры, пойти в школу. Вместо школьного портфеля была холщовая сумка.

Пришла долгожданная победа в мае 1945 года. Но жизнь в колхозе не стала легче, разве что похорошки перестали приходиться в деревню. В колхозе имени Калинина (был объединен с колхозом имени 8 Марта) средняя выработка колхозниц в 1952 году составляла от 150 трудовых⁹. В 1950 году 48,9 % колхозов страны выдавали на один трудовой меньше одного килограмма зерна¹⁰.

Как отмечают исследователи, индивидуальное хозяйство было для колхозников единственным источником получения картофеля, мяса, молока, яиц и почти единственным – овощей. Только зерновыми общественное хозяйство обеспечивало потребности членов артелей и то примерно наполовину. Аналогичное положение было и с денежными дохода-

⁹ Трудовой – мера оценки и форма учета количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 год. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудовым. В мае 1939 года «для укрепления трудовой дисциплины» был установлен обязательный минимум трудовой для трудоспособных колхозников – 100, 80 и 60 трудовых в год (в зависимости от краев и областей). Не выработавшие (без существенных обстоятельств) в течение года минимума трудовой должны были исключаться из колхоза, лишиться приусадебных участков и преимуществ, установленных для колхозников. С началом Великой Отечественной войны сельское хозяйство страны было также переведено на военное положение. Необходимость максимального изъятия зерна у колхозов выразилась в минимизации или прекращении продовольственных выплат на трудовые, особенно в 1941–1942 годах. В то же время постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года повысило на время войны обязательный годовой минимум до 100, 120 и 150 трудовых (для различных краев и областей). Постановление предусматривало, что подростки, члены семей колхозников, в возрасте от 12 до 16 лет должны были выработать не менее 50 трудовых в год, но без разбивки по периодам. В этом же постановлении была предусмотрена уголовная ответственность для лиц, виновных в невыработке обязательного минимума трудовой по периодам, в форме наказания исправительно-трудовыми работами в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием из оплаты до 25 процентов трудовой в пользу колхоза.

¹⁰ Материальное положение колхозников в 1945–1950гг. [Электронный ресурс]. URL :<http://stalinism.ru/kollektivizatsiya/materialnoe-polozhenie-kolhoznikov-v-1945-1950gg.html>.

ми колхозников. В послевоенные годы налоги на крестьян заметно возросли, однако оплата трудодня в колхозах практически не увеличилась и по-прежнему оставалась крайне низкой. В результате в 1930–1950-е гг. стимулами трудовой деятельности колхозного крестьянства в СССР выступал не трудодень, а система административно-принудительных мер (увеличение обязательного минимума трудодней; периодические кампании по сокращению посевов и поголовья скота в индивидуальных приусадебных хозяйствах; постоянное увеличение количества и объемов натуральных и денежных налогов, были даже введены налоги на плодовые деревья). У нерадивого колхозника могли отрезать часть или даже полностью изъять приусадебный участок. Как отмечает В.П.Мотревич, фактически закрепощенный введенной в СССР паспортной системой советский крестьянин был вынужден бесплатно трудиться в колхозах лишь за право пользоваться своим приусадебным участком, продуктов с которого едва хватало, чтобы не умереть с голода.¹¹

Колхозники не имели паспорта и потому не могли никуда уехать или уйти из колхоза, и слова из народной песни: «Ты, колхозница, тебя любить нельзя», были взяты из жизни. Паспорт можно было получить, лишь призвавшись в армию, либо если только открывали рядом необходимую государству стройку или завод, куда нужны были рабочие руки.

Худой трудодень не мог обеспечить, и колхозники кормились своим малым хозяйством. Солдатская вдова Елисеева Елена Ивановна, глава семьи, как было записано в похозяйственной книге № 5 колхоза имени 8 Марта за 1949 год, не покладая рук работала в колхозе и еще тянула свое хозяйство. Из похозяйственной книги (она велась в сельской местности для учета личного подсобного хозяйства жителей деревни): «Елисеева

¹¹ Мотревич В.П. Советский трудодень – зарплата «крепостных колхозников» в условиях тоталитарного государства // Аграрный вестник Урала. 2013. № 3(109). С. 38–43.

Елена Ивановна, 1909 года рождения, колхозница, грамотность м/грам. (малограмотная – авт.) пишет, читает; Лежнева Нина Григорьевна, дочь, 1931 года рождения, колхозница, грамотность – 3 кл. пишет, читает, Елисеева Зоя Федоровна, 1935 года рождения, учится в 3 классе, Елисеева Александра Федоровна, 1937 года рождения, учится в 2 классе, Елисеева Тамара Федоровна, 1940 года, инвалид детства, иждивенка». Было у Елисеевых-Лежневой 25 соток огорода под картошку, корова, теленок, овцематка и ярочка до 6 месяцев, изба постройки 1939 года и хлев для скота плетенный.¹² Но семья, впрочем, как и все колхозники того времени, государству платила еще налоги. За 1950 год у семьи Елисеевых-Лежневой облагаемый доход составил: от коровы 2800 рублей, от овец – 1746 рублей, от посева картофеля 1584 рубля. И от этого облагаемого дохода семье солдатской вдовы был начислен сельскохозяйственный налог за 1950 год 684 рубля 24 копейки.¹³ Средняя заработная плата по сельскому хозяйству в 1950 году составляла 386 рублей. Сведения взяты из таблицы в изданном в 1956 году под грифом «совершенно секретно» статистическом справочнике ЦСУ СССР о развитии народного хозяйства СССР в 1920-х – 1955 гг.¹⁴ Это касалось работников совхозов. А в колхозе денежных выплат практически не было, и чтобы уплатить налог, колхозники должны были продавать на рынке продукцию своего личного подсобного хозяйства.

Пенсию солдатская вдова не получала, ведь муж, как и сотни тысяч безвестных солдат той большой войны, «пропал без вести». Для колхозников выход на пенсию в 1969 году был установлен в 65 лет, для колхозниц в 60 лет.¹⁵ И заработала Елена Ивановна, как и другие

¹² Архивный отдел Аргаяшского муниципального района. Ф. 36. Оп. 1. Д. 21. Л.Л. 18, 19.

¹³ Архивный отдел Аргаяшского муниципального района. Ф. 36. Оп. 1. Д. 22. Л.Л. 6, 7.

¹⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 1–291.

¹⁵ «Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов». «Ведомости Верховного Совета СССР», 1964, № 29, ст. 340.

колхозницы, когда уходила на пенсию в 60 лет, 12 рублей пенсии.

1950 год – Борис Ельцин поступает в Уральский политехнический институт имени С.М.Кирова, на строительный факультет.

Михаил Горбачев поступает в Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, на юридический факультет без экзаменов как окончивший школу с серебряной медалью и имеющий государственную награду. (Орденном Трудового Красного Знамени 18-летний десятиклассник Михаил Горбачев был награжден за ударную работу на уборке урожая. Социальные лифты в советском обществе тогда реально действовали, и способный юноша из сельской глубинки мог поступить в ведущий вуз страны – авт.)

Есть такой город: «Сороковка»

Нида подрастала, а ведь послевоенная страна была страной Вдовьей. Страной, где были миллионы вдов, оставшихся без мужей, страной миллионов молодых невест, чьи женихи-ровесники не вернулись с полей сражений. Как напишет челябинский поэт Салим Фатыхов:

«Вдовы, вдовы... Их вдоволь
У России моей».¹⁶

Очень трудно было жить. В послевоенные годы была нехватка всего: одежды, обуви, продуктов питания. Дочери солдатской вдовы Елисеевой уже невестились, а одевать-то особо нечего было. Тряпичные туфли да ситцевое платье, а плюшевый жакет, это было уже у модниц. Бывало, что лучшее платье одалживали или одевали по очереди. Сарафан сшили из скатерти. На деревенские вечерки, где собиралась молодежь, бывало, босиком бегали. Но Нида повезло дважды: в 1953 году она выходит замуж за Николая Павловича Маслова, 1926 года рождения, инвалида войны. Маслов был родом из Курганской области. Он был телом и душой покалечен войной. В 1954 году у супругов Масловых рождается дочь Татьяна. К тому времени рядом во всю идет большая стройка: строится хим-

¹⁶ Фатыхов С.Г. Дихотомия сердца. Челябинск. 2017. С. 97.

комбинат «Маяк» – сердце атомной промышленности СССР, а около него и город¹⁷.

Производственное объединение «Маяк» – федеральное государственное унитарное предприятие по производству компонентов ядерного оружия, изотопов, хранению и регенерации отработанного ядерного топлива, расположено в городе Озёрск Челябинской области.

Южно-Уральское управление строительства было основано в 1945 году для возведения первого в СССР и Европе радиохимического комбината и уникальных объектов атомной промышленности. Первый промышленный реактор, технологические комплексы радиохимического производства и переработки, хранилища – практически все основные производства и комплексы «Маяка» были построены строителями ЮУС. Кроме производственных объектов, ЮУС вело большой объем строительства жилья, социально-культурных объектов в Озерске, а также за его пределами.

Российская деревня во все времена молодыми, энергичными людьми отдавала свою извечную дань городу. Нида оставляет колхоз и переезжает из деревни в соседний поселок Новогорный, что находился рядом с закрытым городом.

1955 год – после окончания института Борис Ельцин направляется на работу мастером в трест «Уралтяжтрубстрой».

Михаил Горбачев после окончания с отличием юридического факультета МГУ направляется в Ставрополь в краевую прокуратуру, но по распределению работал только десять дней – с 5 по 15 августа 1955 года. По собственной инициативе был приглашен на освобожденную комсомольскую работу, стал заместителем заве-

дующего отделом агитации и пропаганды Ставропольского крайкома ВЛКСМ.

Нида Маслова после рождения дочери два года не работает, как пишет в своей автобиографии сама Нида, «находилась на иждивенье мужа», а затем, в марте 1956 года устраивается подсобной рабочей, а затем мастером-пекарем Управления рабочего снабжения предприятия «Почтовый ящик 176».

Все более расстраивался закрытый город Челябинск-40, в простонародье именуемый «соколовкой» или еще ввиду особого снабжения прозванный окрестным населением «городом шоколадников». Действительно, в закрытом городе был особый режим снабжения, а у работников химкомбината «Маяк», к тому же, был усиленный рацион питания. Кроме прочего, им давали в неограниченном количестве шоколад – невиданное лакомство, когда у колхозников и кусочек сахара-то был великой радостью. Считалось, что шоколад быстрее выводит радионуклиды. Вот поэтому жителей закрытого города так и называли. Колхозники с окрестных деревень, мечтавшие хотя досыта поесть хлеб и иметь твердую зарплату, валом пошли на стройку. И лишь работая в пекарне, можно сказать, Нида впервые досыта поела хлеба. Но печь хлеб было делом слишком привычным для деревенских, а Нида хотелось иметь более городскую, более интересную и новую работу. И она в мае 1959 года переходит работать на стройку, сначала учеником, а затем и штукатуром-маляром. Сельские девчата, с малых лет привычные к физическому труду, быстро овладевали строительной специальностью.

Заметим, что и младшая сестра Александра, также вслед за старшей, пришла на стройку и тоже стала бригадиром отделочников в тресте СМУ-8. И так же, как сестра, бригадир Александра Федоровна Дидух (Елисеева) будет на хорошем счету. В эти же годы, наверстывая упущенное, Нида заканчивает семь классов вечерней школы в поселке Новогорный. Как говорит дочь Татьяна: «С матема-

тикой у нее хорошо было». Ну, это потом пригодилось в работе бригадира: площадь рассчитать, выполнение норм проверить, подсчитать КТУ (коэффициент трудового участия). Хотя Нида всю жизнь испытывала сожаление, что не смогла получить образование.

1952 год – М.С.Горбачев вступил в члены КПСС, еще будучи студентом МГУ.

1961 год – Б.Н.Ельцин, работая главным инженером строительного управления № 13 треста «Уралтяжтрубстрой», вступает в члены КПСС.

С октября 1962 года Нида Маслова начинает работать бригадиром штукатуров-маляров Южно-Уральского управления строительства (ЮУС). И работает в ЮУС до ухода на пенсию – 13 февраля 1989 года.

Высокого звания Героя Социалистического Труда Нида Григорьевна Маслова была удостоена Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 апреля 1971 года. Звание Героя Нида Маслова получила вместе с начальником ЮУС Александром Васильевичем Пичугиным. Тот год вообще был очень памятным для строителей ЮУС. 19 ноября 1971 года Управление было награждено орденом Трудового Красного Знамени.

Вот такие короткие строки трудовой биографии простой женщины, ставшей Героем Труда, то есть получившей высшее признание в труде в бывшем Советском государстве. «Звание Героя Социалистического Труда (ГСТ) является высшей степенью отличия за заслуги в области хозяйственного и социально-культурного строительства» (Из Положения о звании Герой Социалистического Труда).

Из характеристики от 7 декабря 1970 года на представление к званию Героя: «Имея специальность штукатур, тов. Маслова Н.Г. и члены ее бригады за пятилетие в совершенстве овладели смежными профессиями маляра и плиточника, хорошо применяют в работе новинки строительной техники, затирочные и шлифовальные машины, электро-краскопульты, пистолеты-распылители, что в значительной степени

¹⁷ Озёрск – город (закрытое административно-территориальное образование) в Челябинской области. Административный центр Озёрского городского округа. Население составляет 79 265 чел. (2017 год). Город со всех сторон окружен озерами – Иртыш, Кызылташ, Малая и Большая Наного – благодаря чему Озёрск 4 января 1994 года и получил свое название. Город был основан 9 ноября 1945 года с началом строительства атомного объекта. Градообразующим предприятием является производственное объединение «Маяк».

позволило бригаде поднять производительность труда.

Бригада тов. Масловой Н.Г. выполнила принятые социалистические обязательства досрочно и пятилетний план завершила в августе 1970 года. Встав на трудовую вахту по достойной встрече XXIV съезда КПСС, бригада успешно выполняет повышенные социалистические обязательства, работает в счет 1971 года. Для бригады, которой руководит тов. Маслова Н.Г., характерна высокая требовательность к качеству работ. Все объекты бригадой сдаются в эксплуатацию только на «хорошо» и «отлично». Самое активное участие бригада принимала в выполнении пятилетнего плана по вводу в эксплуатацию объектов жилья, соцкультбыта и промышленного строительства.

Лично тов. Масловой Н.Г. и ее бригадой принималось участие в сдаче за пятилетку в эксплуатацию 90 тысяч кв. метров жилья, в том числе досрочно двух жилых домов в 1970 году. С активным участием бригады сданы в эксплуатацию за пятилетие три школы, дом культуры, магазин, универмаг, плавательный бассейн, комбинат бытового обслуживания и ряд других объектов.

Руководимая тов. Масловой Н.Г. бригада много труда и старания вложила в строительство и сдачу в эксплуатацию городской библиотеки.

За высокое качество строительных и отделочных работ городской библиотеке на Всероссийском конкурсе присужден диплом II степени Госстроя РСФСР.

Имея большой практический опыт работы и высокую квалификацию отделочника, тов. Маслова Н.Г. заботливо передает свой опыт молодежи. Опыт работы бригады Масловой Н.Г. обобщен и распространен на строительстве. Лично за пятилетку обучила профессии маляра-штукатура более 30 человек молодых рабочих. В настоящее время в бригаде обучается 5 человек учеников.

В коллективе общительна, требовательна к себе и подчиненным, пользуется большим авторитетом и уважением. Тов. Масловой Н.Г.

одной из первых присвоено звание ударника коммунистического труда. Принимает активное участие в общественной жизни коллектива: избиралась депутатом местного Совета депутатов трудящихся, является членом постоянно действующего производственного совещания, внештатным инспектором по технике безопасности.

Оставшись без мужа – инвалида Великой Отечественной войны – умело воспитывает дочь – ученицу 10 класса, имеет на иждивении мать-пенсионерку.

За добросовестный и ударный труд на производстве и активное участие в общественной жизни коллектива тов. Маслова Н.Г. за пятилетие имеет 11 поощрений, ее фотография помещалась на стенд передовиков производства, она сфотографирована у развернутого Памятного Знамени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. В быту проявляет скромность, морально устойчива, политически грамотна.

Достойна присвоения звания «Героя Социалистического Труда» с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».¹⁸ Вот такая характеристика. Все описано правильно, но уж больно она скупая на раскрытие человека. Ударник коммунистического труда (звание Масловой было присвоено одной из первых в 1961 году, когда движение в стране только что зарождалось), внештатный инспектор по охране труда, «морально устойчива, политически грамотна»...

Все-таки кто же она – Нида Григорьевна? Многое в ее биографии выглядит необычным. Во-первых, имя – Нида, но здесь все очень просто: не шибко грамотная секретарь сельсовета перепутала и в место Нина записала Нида. Заметим, что все, кто работал вместе с Масловой, всегда ее называли Нина, Нина Григорьевна, многие просто не знали, что у Масловой другое имя. И образование было

уж больно малое, всего семь классов. Следующее отличие. В апреле 1970 года получила Маслова юбилейную медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Нисколько не умаляя эту награду, все равно необходимо заметить, что это было массовое награждение, в стране тогда было награждено этой медалью свыше 11 млн человек. А здесь, буквально через год, сразу же – Золотая Медаль «Серп и Молот» – высшая награда за труд в Советском Союзе. Обычно вначале давали орден или даже два и только после этого высшую награду страны. Сейчас уже известно, что все награждения в стране проводились с тщательным учетом всех сторон кандидата, представленного для награждения. И Нида Григорьевна проходила по всем статьям: беспартийная, женщина, наставник молодежи.

Еще одно отличие, Нида Григорьевна Маслова никогда не была в рядах комсомола, но с 1969 года и до увольнения со стройки возглавляла комсомольско-молодежную бригаду штукатуров-маляров СМУ-8 Южно-Уральского управления строительства. Численность бригады доходила до 45 человек, ежегодно в бригаду поступало несколько выпускников из группы отделочников СГПТУ, над которыми бригада шефствовала. Впоследствии девять человек из членов бригады сами возглавляли коллективы бригад. С 1976 года бригада Масловой стала работать по методу бригадного подряда, что, конечно, дало определенную свободу хозяйственной инициативе и повысило материальную заинтересованность рабочих в конечном результате. Средняя месячная зарплата в бригаде Масловой в 1984 году, например, составляла 220 рублей. А по стране средняя месячная зарплата тогда составляла 193,2 рубля.¹⁹ Вспоминает Вера Петровна Крапивенко, старший инженер производственно-технического отдела

¹⁸ Источник: Неопубликованные материалы по истории коллектива ЮУС за 1945–1995 г. / Материал подготовил А.И.Клепиков. – Озерск: Б. и., 2002. – С. 239–244. – Из фонда неопубликованных документов.

¹⁹ Все о расчете пенсии, среднемесячной заработной платы за 1960–2001 гг. [Электронный ресурс] <http://www.45-90.ru/articles/vsyo-o-raschyote-pensi/srednemesjachnye-zarabotnye-platy-s-1960-po-2001-g.html>.

СМУ-8: «Бригады были большие и сильные, но среди них всегда выделялась бригада Масловой. Нида Григорьевна обладала сильным характером, хорошими организаторскими способностями. Бригада Масловой всегда работала на самых сложных и больших объектах соцкультбыта. Это библиотека, молокозавод, театр. Нида Григорьевна была авторитетом среди других бригадиров, не страдала звездной болезнью. В бригаде всегда была на самом трудном и тяжелом месте, поэтому у нее был большой авторитет в самой бригаде». Действительно, Нида Маслова всегда самую ответственную работу брала на себя. Так, например, на стройке появились первые подъемники и шланги для подачи раствора на верхние этажи. И всегда с пультом, или, как говорили, на кнопке стояла сама бригадир. Даже фотография сохранилась, где Нида Маслова с пультом в руках следит за подачей раствора на верхние этажи.

А вот мнение Зои Федоровны Зориной (Мищенко): «В 1975 году я и еще десять девушек после окончания училища по профессии – отделочники приехали из Магнитогорска в Озёрск. Нас направили работать в бригаду Ниды Григорьевны Масловой. Она говорила нам, молодым и неопытным: если будет желание, вы всему научитесь. Нида Григорьевна была трудолюбивым человеком, и все у нее получалось. Но она еще была очень требовательна ко всем членам бригады, следила за качеством работ и за дисциплиной... Нида Григорьевна научила нас любить работу, хотя она была тяжелой, и получать удовлетворение от результатов. Чтобы повысить производительность, наш бригадир предлагала устраивать соревнования по звеньям. Какой был азарт, все старались не отставать друг от друга, считали объемы, но и конечно следили за качеством. Все члены бригады, особенно молодые, обращались к Ниде Григорьевне за советом, и она подсказывала, как нужно правильно поступить в той или иной ситуации, давала советы по устройству быта. Наш бригадир не поощряла сплетни и

сама никого не осуждала, за такую черту характера ее уважали. Нида Григорьевна была требовательна не только к членам бригады, но и добивалась от руководства бесперебойной поставки материалов для своей бригады, поощрения женщин из своей бригады в виде премий, грамот и наград. Руководство Управления строительства уважало Ниду Григорьевну за ее труд, за настрой, для нее не было невыполнимых задач...» Зоя Федоровна на минуту задумывается, вспоминая прошедшее, и со светлой улыбкой продолжает: «Мы ведь живем для того, чтобы оставлять память о себе, – проходишь сейчас по городу и видишь много зданий и сооружений, отделанных нами или бригадой Ниды Григорьевны Масловой, шестнадцатое училище, кинотеатр «Октябрь», медгородок, красивые девятиэтажки. Приятно...»

Очень близко знал Маслову Дмитрий Артаваздович Овакимян, заслуженный строитель РСФСР, почетный гражданин Озёрска, прошедший все ступени на стройке: от инженера до начальника СМУ. Он рассказывает: «С Нидой Масловой я познакомился летом 1967 года на строительстве пионерского лагеря имени Юрия Гагарина, она работала штукатуром в бригаде Марии Горбуновой. В 1969 году сверху пошло указание – поддержать инициативу и создавать комсомольско-молодежные коллективы. И было решено создать такой молодежный коллектив и у нас в СМУ. Предложили кандидатуру Масловой на должность бригадира. Была шустрой, порой даже крикливой, но умела руководить людьми. И вот ее и поставили бригадиром. Маслову всегда ставили на самые ответственные объекты. Вот, например, надо было к семидесятилетию нашего министра Ефима Павловича Славского сдать городскую библиотеку – ставим туда бригаду Масловой, надо сдавать школу в Снечкусе – посылаем бригаду Масловой».

О Масловой рассказывает заслуженный строитель РСФСР Михаил Александрович Мишаков, приехавший в Озёрск в 1970

году молодым выпускником техникума и прошедший путь от инструктора штукатуров до начальника СМУ-8, где и работала Нида Григорьевна: «Мы познакомились с ней в 1970 году и с той поры вместе строили город. Нида Григорьевна была работящая, хорошо управляла бригадой, бригада была дружной. Маслову хорошо знал Геннадий Максимович Середа, начальник ЮУС, он с ней советовался, например, когда меня выдвигали на должность начальника СМУ. И Середа, когда работал начальником строительства в Снечкусе, постоянно общался с Масловой. Очень ответственная была Маслова. Даже когда она ушла на пенсию, мы ее вызывали на прорыв, она выходила, работала».

Многие специалисты выросли в бригаде Масловой. Так, например, Зоя Зорина, Тамара Губарева, Тамара Царева, Любовь Сигаева окончили техникум, стали затем техниками, мастерами. Все они отмечают требовательность бригадира. Часто на стройке рядом со строителями ЮУС работали военные строители. И потому случилось, что молодежь отвлекалась от работы: солдаты пытались знакомства завести с девушками. Тогда Нида Григорьевна могла подойти, как дочь говорит, «разогнать и отчехвостить». А крепким словом могла? Не будем приукрашивать нашу героиню. Могла. Дочь Татьяна признает: «Было как у строителей, порой и с матерком».

Другой проблемой была оплата. Не секрет, что на стройке в советское время сложилась своеобразная система, называемая «выводиловкой». Для того, чтобы обеспечить рабочим более или менее нормальную зарплату, мастера и бригадиры ее «выводили», то есть завышали объемы, в нарядях приписывали невыполненное, было выражение – «хорошо закрыть наряд». Часто это объяснялось объективными причинами: не поставили раствор, не было крана, другие смежные бригады не закончили свою работу и нет подготовленного фронта работ, и бригада сидела и не работала и т.д. Бывало и так, что и строительные расценки были несовершенными:

отдельные виды работ были очень трудозатратными, но малооплачиваемыми и наоборот: затрат мало, но оплата большая.

Нида Маслова добивалась для своей бригады бесперебойной поставки материалов. И не будем скрывать, руководство СМУ не могло допустить, чтобы бригада Героя могла отставать.

А вот случай из жизни Бориса Ельцина, о котором он рассказывает сам: *«Мастером мне работалось довольно легко, хотя, конечно, были различные случаи. Например, пришлось повоевать с выводиловкой, она живуча. К сожалению, строители к этому привыкли. Когда я начал строго обмерять кирпичную кладку – сколько использовано бетона, сколько того, другого, – возникли сложности... Например, работали с заключенными. Я сразу решил сломать традицию, когда им выводиловку платили, какую они диктовали, а не ту, что заработана на самом деле. И вот заходит ко мне, в маленькую комнатушку мастера, такой громада с топором в руке, поднимает его, заносит надо мной и говорит: «Закроешь наряды так, как полагается? Как до тебя, щенок, всегда закрывали?» Я говорю: «Нет». – «Ну тогда имей в виду, прибью тебя, и не пикнешь». Я чувствовал по глазам, что он совершенно спокойно грохнет меня по башке, даже не моргнет. Я мог, конечно, увернуться или попытаться физически с ним справиться, хотя тесно, комнатка маленькая, а топор уже над моей головой занес. И тогда я решил действовать неожиданно. Голос у меня очень громкий, да еще в этой комнатке... Я во все горло как рыкну, причем резко, глядя в глаза: «Пошел вон». Вдруг он опустил топор, выронил его из рук, повернулся и, согнув спину, молча вышел. Какой винтик у него сработал, трудно сказать».²⁰*

В ЮУС также работали заключенные. Рассказывает Иван Дмитриевич Бутримович, заслуженный строитель РФ, почетный

гражданин Озёрска. Он начал работать прорабом, затем стал начальником участка, заместителем начальника отдела, заместителем главного инженера ЮУС, прошел все ступени.

«...Были заключенные, которые хотели добиться сокращения срока не хорошей работой, а давлением на ИТР. Помню, две бригады не выполнили нормы. Как и положено, я им поставил невыполнение, и они не получили льготного зачета. То есть день пошел за день. ...Я решил немного пройтись. Иду, вдруг заключенный берет меня под руку и ведет к костру.

– Присаживайся.

Я присел.

– Ты не понимаешь, что делаешь, – начали они. – Ведь люди работали, люди немало сделали, а ты их заставляешь сидеть лишний день. У одних один к трем, у других один к пяти. Когда люди работают, так делать нельзя.

– Нет, ребята, – твердо ответил им, – я все делаю честно. Покажите, где я вам закрыл неправильно, я исправлю. А приписывать не буду, не надейтесь.

Тогда один из них (здоровый такой) встает и берет меня за телогрейку:

– Пойдем, поговорим.

Подвел к краю откоса, глубиной метров двенадцать, поставил спиной к обрыву, а потом спрашивает:

– Ты не знаешь, сколько тут несчастных случаев было? Нет? Ну, так я тебе говорю: достаточно. И с тобой прямо сейчас такой случай может произойти. (Примечание: Один в один как в кинофильме «Операция «Ы» – авт.). Даешь слово, что исправишь.

– Нет, – отвечаю, – а если лететь, то полетим вместе.

И тоже изо всех сил схватил его за телогрейку. После этого он отпустил меня и со словами: «Молодец, не струсил», – ушел к костру...»²¹

Бригада Масловой временами доходила до 45 человек, а это почти уже небольшой строительный участок. Нида Григорьевна, чтобы

хорошо управлять бригадой, организовывала звенья и ставила звеньевых. Маслова имела четвертый разряд, как и многие самые опытные отделочники, и еще получала бригадирские. Зарплата ее не сильно отличалась от зарплаты других членов бригады. Мария Ивановна Цокур, 1939 года рождения, штукатур-маляр из бригады Масловой, и она потом жила в одном доме с Масловой, рассказывает: «Не было того, чтобы она загордилась. Если была сдача объекта, то нас просили, и мы все выходили и в субботу работали, в бригаде были нормальные отношения. ... Маслова всегда была душевной, понимающей. Ее свекровь Ниду Григорьевну, свою невестку, очень любила, а ведь это редко встречается. И еще ведь когда мать заболела, Маслова долго ухаживала за своей матерью».

Все вопросы решали бригадой: коллективно определяли КТУ, распределяли дефицит, а тогда даже в закрытом городе, как Озёрск, была очередь на дефицитные товары (мебель, шубы, холодильники, сапоги, дубленки и т.п.). Чтобы среди женщин не было обид, тянули талоны бригадой по справедливости («ты в прошлый раз тянула, уже получала, сейчас не будешь тянуть»). В выходные всей бригадой ездили на природу, на базу отдыха «Березки», на рыбалку. Когда бригада работала в Снечкусе, изъездили всю Литву (древний Тракай, Вильнюс), были в соседней Белоруссии, в крепости-герое Бресте.

Многих наград за свою жизнь была удостоена Нида Маслова. За то, что Нида Маслова воспитывала и заботливо пестовала молодежь, она была награждена Знаком ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС «Лучший наставник молодежи», Знаком ЦК ВЛКСМ «За трудовую доблесть». Н.Г.Маслова была также награждена Знаком «Ударник IX, X и XI пятилеток», «Победитель соцсоревнования 1973 года». 1 ноября 1974 года Н.Г.Маслова была занесена в Книгу Почета ЮУС, а 28 октября 1986 года Ниде Масловой было присвоено звание «Почетный гражданин города Озёрска».

²⁰ Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 47.

²¹ В.Черников. За завесой секретности или строительство № 859 (страницы истории ЮУС). Озёрск. Изд. «Челябинский дом печати».1995. С. 144.

Коллектив бригады Масловой в 1982 году удостоивался звания «Лучшая бригада Министерства», награждался Переходящим Красным Знаменем ЦК ВЛКСМ «Герои пятилетки – лучшему комсомольско-молодежному коллективу». Именно поэтому Н.Г.Масловой было поручено возглавить коллектив отделочников при строительстве школы на Игналинской АЭС в Литовской ССР.

ПОДАРИЛА ГОРОД

*Спасибо дружнице, спасибо тебе.
За то, что идешь ты по трудной тропе.
Не каждому дано так щедро жить
Друзьям на память города дарить.*
(Песня «Города на память»,
сл. Виктора Гин, муз. Якова Дубравина)

Эту песню можно впрямую адресовать Нице Масловой и ее молодежной бригаде.

Строительство города было начато 10 августа 1975 года как города-спутника Игналинской атомной электростанции. В августе 1975 года первыми пришли строители, задачей которых было расчистить место для закладки города энергетиков и строительства АЭС. До 22 сентября 1992 года город назывался Снечкус (Snie kus).

Висагинас (Снечкус) заложили в тайге, среди густых непролазных лесов и бурелома. Об этом свидетельствует надпись на памятном камне: «Здесь будет построен город энергетиков атомной электростанции». Снечкус с самого начала строили как современный город в окружении озер, вечно зеленых сосен: многоквартирные многоэтажные дома, хорошо продуманная сеть улиц, коммуникационные системы, общественные учреждения – сады, школы, лечебницы, культурно-административные здания – все было органично вписано в природу. Архитектурный проект этого удивительного города и большинства зданий создал талантливый ленинградский архитектор Юрий Васильевич Вуйма (1939–2008). Осуществленный градостроительный проект за современную, удобную и красивую планировку затем был представлен на премию Совета Министров СССР. Ю.В.Вуйма разработал со-

временный генплан города, учитывающий самые последние на тот момент градостроительные тенденции. В городе было построено 248 жилых домов. Преобладали пяти- и девятиэтажные дома вильнюсской, каунасской, клайпедской и обнинской планировок. Для служебных помещений и детских садов строили одноэтажные и двухэтажные здания. Строительство АЭС и города было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, и со всего СССР приехали специалисты высокой квалификации из разных сфер; также были задействованы части строительных войск. В строительстве участвовало и ЮУС. Начальником строительства Игналинской АЭС и города Снечкус был утвержден Геннадий Максимович Середа, безмерно талантливый и инициативный руководитель, в 1990 году ставший народным депутатом РСФСР, а через год, в 1991 году, в 56 лет, безвременно ушедший из жизни: не выдержало сердце перипетий перестройки и нараставшего хозяйственного развала. Середа старался максимально сохранить природу, имея подобный опыт при руководстве стройкой в новосибирском Академгородке, требовал от коллектива работы на самом высоком уровне. Когда закладывали среднюю школу на 1260 мест, Г.М.Середа сказал: «Это будет лучшая школа в Литве». И действительно, так и получилось. На новую стройку посылали лучших строителей, и сюда поехала бригада Масловой. Вместе с ней поехали Екатерина Анучина, Александра Дидух, Сима Маркова и другие.

Бригада Ницы Масловой работала на отделке средней школы, жилых домов. Строители придали зданиям снаружи литовский колорит, а внутри отделали по-уральски, с применением мрамора, гипсовых плит, полированных панелей, изготовили мозаичные полы.

Работа для бригады была в радость, и были дни, особенно перед пуском школы, когда женщины-отделочники вместе со всеми строителями работали допоздна при свете прожекторов, под зву-

ки духового оркестра, который по указанию начальника строительства Г.М.Середы выходил на строительную площадку, чтобы своей музыкой поддержать строителей. Проект школы был уникальный, например, был спроектирован амфитеатр на полторы тысячи мест. Работали с душой и настолько хорошо, что Нице Масловой выпало почетное право открытия школы, и на здании установили табличку – своего рода личный знак отличного качества «Отделку здания вела бригада Героя Социалистического Труда Н.Г.Масловой». Много после этого изменилось: закрыта Игналинская АЭС, Литва уже другая страна. Интересно, сохранилась ли эта табличка на здании в Висагинасе, которая уже в независимой Литве. Думается, что школа, дома, построенные бригадой Ницы Масловой, на улицах с радостными названиями: Олимпиадос, Ларкос, Космос, Надежды, до сих пор радуют людей, хотя и находятся в другом государстве, но разве хорошая работа для людей от того меньше стала цениться?

В Снечкусе Маслова работала почти два года. Первое время жила вместе со всеми в вагончике, затем выделили Масловой отдельную квартиру. На строительство АЭС часто приезжал легендарный министр среднего машиностроения СССР Ефим Павлович Славский (1898–1991). Он работал министром почти 30 лет, с 1957 по 1986 год, и хорошо знал и помнил почти всех работников атомной отрасли: от директора химкомбината и до слесаря. Есть даже фотография, снятая в Снечкусе, где Ница Маслова в рабочем ватнике стоит рядом с министром Славским.

Что еще отличает Маслову? Звание Героя Труда Ница Маслова получила, будучи беспартийной. Только в 1975 году Н.Г.Маслова вступила в члены КПСС. Партийные органы стремились, чтобы Маслова соответствовала своему статусу, незаметно, но верно лепили образ героя-передовика. Не прошло и года со дня вступления Масловой в партию, а Ница Григорьевна 9 января 1976 года уже едет на XX областную партийную конференцию, будучи избранной

туда делегатом. Н.Г.Маслова являлась единственной женщиной – рядовой рабочей Героем Социалистического Труда в системе строительных управлений Министерства среднего машиностроения (атомной промышленности) СССР.²² Ее избирают депутатом городского Совета депутатов, членом горкома профсоюза, делегатом на отраслевой съезд профсоюзов, она выступает на торжественных собраниях, ее усаживают в президиум. Партийная система неукоснительно требовала соблюдения установленного порядка. Хотя живой человек Нида Маслова часто не желала укладываться в установленные для нее рамки героя-передовика. Как рассказывает Михаил Мишаков: «Надо заметить, что отсутствие образования все-таки сказывалось у Масловой, по уровню развития она все-таки оставалась бригадиром. Внедряли, например, подачу раствора шлангом, а они тяжелые, трудно было их женщинам таскать. И Нида Григорьевна могла вспылить и в сердцах сгоряча могла сказать: «Да заберите у меня вашу звезду...»

И личная жизнь ее не выглядит усыпанной розами и почестями, даже наоборот, сильно другой. Муж, будучи израненным и контуженным на войне, после того, как выпивал, ни о чем не помнил и мог так поскандалить, что Нида, схватив малышку, убегала от своего буйного мужа к соседям. И Нида рассталась с мужем без сожаления, прожив в браке лишь шесть лет. Развод: обычная история для многих российских женщин. Осталась с маленькой дочкой. Замуж после не выходила, и женского счастья ей выпало лишь самую малость. И потому, по словам ее дочери Татьяны, не любила она праздники, особенно 8 Марта.

Могла ли Нида Маслова устроить свою судьбу? Наверно, могла, но как-то не получилось. Один раз в санатории познакомилась с серьезным мужчиной. Он был тоже из закрытого города – Красно-

ярск-26. Он даже приезжал к Ниде на Урал. Но, но, но... У Ниды на руках была старая мать, и оказалось, что у мужчины точно такая же ситуация. Вот у них поэтому ничего не получилось: каждый, прежде всего, думал о своей матери.

После рождения дочери и развода с мужем к Ниде переехала ее родная мать, и она жила у нее до самой смерти, до 85 лет. Вместе с Нидой жила еще и сводная сестра Тамара, инвалид с детства. А жили в бараке, в одной комнате. Было тесно, вчетвером в одной комнате, а зимой, бывало, на время в комнате держали и только что народившегося теленка. Туалет и водоразборная колонка находились на улице. Но, благо, что было в бараке центральное отопление, ведь в поселке уже работала ТЭЦ, которая давала тепло соседнему закрытому городу атомщиков. Барак²³ был по примечательному адресу – улица Трудящихся.

В детстве Борис Ельцин тоже испытал жизнь в бараке. *«Поселили нас в барак – типичный по тем временам, да и сохранившийся кое-где еще и сегодня, – деревянный, дощатый, продуваемый насквозь. Общий коридор и 20 комнатушек, никаких, конечно, удобств, туалет на улице, на улице же и вода из колодца. Дали нам кое-что из вещей, мы купили козу. Уже родился у меня брат, родилась младшая сестренка. Вот мы шестером, вместе с козой, – все на полу, прижавшись друг к другу, и спали... Просуществовали мы таким образом в бараке десять лет. Как это ни странно, но народ в таких трудных условиях был как-то дружен. Учитывая, что звукоизоляции ... – впрочем, тогда такого слова не знали, а соответственно, ее и не было, в общем если в любой из комнат было веселье – то*

*ли именины, то ли свадьбы, то ли еще что-нибудь, заводили патефон, пластинок было 2–3 на весь барак, как сейчас помню, особенно «Щорс идет под знаменем, командир полка»... – пел весь барак. Ссоры, разговоры, скандалы, секреты, смех – весь барак слышит, все всё знают».*²⁴

На место крестьянской культуры по определению академика В.А.Кульчицкого насаждалась культура барачная. Неслучайно, потом всю свою нелюбовь к баракам Борис Ельцин, став первым секретарем Свердловского обкома партии, проявит в своем волевом решении – невзирая на все жалобы, все новое жилье отдавать жителям барачных. Б.Н.Ельцин: *«...Когда я пришел руководить областью, в Свердловске несколько тысяч семей ютились в бараках. В стране приняли постановление о ликвидации барачных в течение десяти лет... решили на бюро – заморозили очереди на жилье, не один человек не получит жилье – только те, кто живут в бараках... Директора жаловались, протестовали, писали на меня письма... но через год все бывшие обитатели барачных переехали в новые благоустроенные квартиры».*²⁵

Работа штукатура-маляра сама по себе очень трудоемкая: тяжелые физические нагрузки, длительное пребывание на ногах, порой в неудобной позе, например отделка потолка, необходимость переносить тяжести, работа с щелочными составами (известь, цемент) и красками – это только основные вредные факторы. На стройке все еще было много ручного тяжелого физического труда, хотя в ЮУС, пожалуй, раньше чем в других стройуправлениях страны, ввиду его особого закрытого характера, внедряли новые механизмы и новые технологии. В широко известной советской кинокомедии «Операция «Б» и другие приключения Шурика», снятой в 1965 году, хотя показан подъемник, но там одновременно

²² Строители атомной отрасли Герои Социалистического Труда [Электронный ресурс]. URL: <http://25525.ru/stroiteli-atomnoy-otrasli/>.

²³ Барак (от итал. baracca – хижина) – временное, быстро возводимое, дешевое строение. Как правило, одноэтажное и деревянное. Благоустройство, как правило, отсутствовало, отопление обычно было печное. Барак обычно имел коридорную планировку. Все комнаты имели площадь от 12 квадратных метров. В СССР коммунальные квартиры, общежития и временные бараки были одним из основных типов жилья рабочих до начала массового жилищного строительства отдельных квартир в 1960-х годов.

²⁴ Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 23, 24.

²⁵ Ельцин Б.Н. Исповедь на заданную тему. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. С. 76, 77, 78.

присутствуют и носилки, без которых не обходилась тогда ни одна советская стройка. А в жизни все было по-другому, не как в смешной кинокомедии. Еще в 1970-х годов раствор на пятый этаж строители поднимали на носилках. Наталья Васильевна Левченко, 1946 года рождения, пришла работать в ЮУС с городской почты в 1973 году (затем она долгое время работала бригадиром, затем председателем построкома). Она вспоминает: «Когда пришла на стройку, мы работали, извините за выражение, как лошади. Накладываем раствор в носилки, еще сверху плитку наложим и несем на пятый этаж...» Потом поставили подъемники, он, сколько мог, поднимал, а по этажу, все равно приходилось на носилках растаскивать.

И не случайно по профессии штукатур разрешается работать только по достижении 18 лет и есть ограничения по здоровью. А еще ведь есть погодные условия (холод или наоборот жара, пыль). И нередко у маляров-штукатуров профессиональные заболевания. Из справочника по профзаболеваниям: «...Большинство профессиональных заболеваний маляров связано с профессиональными вредностями, обусловленными химическим составом красок, клея, шпаклевки и т.д., а также повышенной нагрузкой на рабочую, обычно правую, руку. Следствием последнего чаще всего бывает эпикондилит – надрыв и последующее воспаление сухожилий в области локтя. Боли, вызванные эпикондилитом, могут распространяться чуть выше или ниже локтевого сустава. В целом болевые ощущения вполне терпимые, но при нагрузке на руку и ношении тяжестей становятся весьма серьезными. Токсичные вещества, входящие в состав красок, строительно-ремонтных смесей и растворителей (марганец, ацетон гипс, смолы, ароматические амины и т.д.), способны отравлять организм и с годами накапливаться в органах и тканях, приводя человека к инвалидности. Например, учеными было доказано, что раковые заболевания у профессиональных маляров возникают на тридцать

процентов чаще, чем у представителей других профессий».²⁶ К тому же, порой бывает просто ненормированный день, когда речь идет о сдаче объекта. В советское время этим на стройках часто грешили. В больницу Нида Маслова очень редко обращалась, разве что, когда уж совсем не вмоготу становилось, только тогда брала больничный.

А Нида Маслова, работая на стройке, держала еще и свое личное домашнее хозяйство. Впрочем, как и многие в поселке, вчерашние еще деревенские, не способные враз бросить свои крестьянские привычки. И к тому же поселок Новогорный находился вне границ закрытого города Озёрск, и снабжение продуктами здесь было хоть лучше, чем в соседних деревнях, но хуже, чем в закрытом городе. А 1970–1980-е годы, всем это хорошо помнится, были временем всеобщего дефицита. Поэтому новогорновцы больше полагались на свое хозяйство. Все сарайки располагались за железнодорожными путями, перед въездом в поселок. И ранним утром глазу постороннего открывалась необычная картина: жители поселка, который носил высокое звание «поселок социалистической культуры и быта», из пятиэтажек с ведрами, с тачками шли через железную дорогу к своим сарайкам, чтобы до работы успеть накормить свою живность. В семь часов пятнадцать минут автобус уже увозил строителей в город, чтобы в восемь часов они могли приступить к работе. Вечером женщины торопились уехать домой: к детям, к семьям, к своему хозяйству. А надо было еще в городе успеть забежать в магазины, купить продукты, потому что в поселке к их приезду магазины закрывались, да и в городе с продуктами в магазинах было намного лучше. На прилавках городских магазинов свободно лежала колбаса, мясо, рыба, шоколадные конфеты, кофе, сливочное масло. Об этом жители Челябинской области, да и всей страны в те годы

²⁶ Как доказать профессиональный характер заболевания маляров [Электронный ресурс]. URL: <http://profprotect.ru/kak-dokazat-professionalnyiy-harakter-zabolevaniy-malyarov/>.

могли тогда только мечтать. Рассказывает Мария Цокур: «Чтобы успеть купить до отъезда автобуса бежали в магазин в рабочей спецодежде. Так, наш начальник СМУ Александр Федорович Фесенко, понимая нас, все же просил: «Девчата, переоденьтесь, потом уж в магазин бегите». Маслова тоже имела для живности сарай: там была корова, телка или бычок, и теленок, держала еще и поросенка, козу, овец. Свое хозяйство она не оставила, даже получив звание Героя Социалистического Труда. И к тому же надо было за матерью ухаживать, когда она заболела, приготовить еду, постирать, в квартире уборку сделать, ведь эти домашние заботы никто не отменял для Ниды Григорьевны, будь она даже Героем. В 1969 году Нида Маслова получила на троих: на себя, престарелую мать и дочь двухкомнатную квартиру в обычной пятиэтажке в поселке Новогорный, где и жила до последнего своего дня

Как и раньше, Нида Григорьевна и из пятиэтажки ведрами на коромысле продолжала носить пойло в сарайку, правда, потом зять сделал ей тележку. Теща все хвалила потом зятя: «Ой, Сережа, ты мне облегчил». А вечером, приехав с работы, переодевшись, снова шла в стайку, чтобы убраться, накормить, напоить свою живность. Если Нида была на работе или уезжала в длительную командировку, то все заботы по домашнему хозяйству ложились на плечи матери Елены и дочери Татьяны. Нида Маслова ездила вместе с зятем и дочерью на покос. Пока машины не было, то на попутной машине, то на лошади добирались до покоса. Косили тогда косой, техники не было, также руками гребли, стоговали. А участок под покос выделял лесхоз для матери Ниды, летом баба Лена, несмотря на возраст, устраивалась в лесничество: весной работала на посадке сосенок, летом на прополке этих же сосенок. К работе с детства была приучена и дочь Татьяна, и внуки. Все, будучи крестьянами от рождения, работали не покладая рук...

Никогда не любила сидеть без дела. Дочь Татьяна вспоминает:

«Как подошла картошка – идет сама копать. Я ей звоню, подожди, приедем с Сергеем, выкопаем, что тебе на тачке таскать. А она – мне тебя жалко, у тебя же дом, двое детей, стирка. Мало шутила, сюсюканья никакого со мной не было, но меня по-своему любила».

В 1987 году Нида Григорьевна еще купила сад. Но в саду работа уже была другой, больше в удовольствие. Как сама Маслова говорила: «Сад не покос, тут торопиться не надо, пришли – поработаем потихоньку».

Любили ходить всей семьей по грибы. Дочь Татьяна вспоминает: «Принесем, наполним старую ванну на улице, сидим и моем грибы». Были, конечно, и шумные и веселые застолья с родственниками, с задушевными русскими песнями под гармошку, играл дядя Гриша, с задорным переплясом. Запевать не бралась («нет у меня голоса»), но подпевать другим любила, изливая в песне извечную женскую тоску, а, затем, заглушая ее задорной и удалой песней. И еще Нида Маслова любила стряпать, особенно ей удавались пироги с рыбой, блины, вареники, пельмени. Всегда любила принимать гостей.

Что еще ее интересовало в жизни? Дочь Татьяна рассказывает: «У телевизора время много не проводила, смотрела новости. Читала книги, особенно много про войну. Как относилась к изменениям в стране? К перестройке не очень положительно, и к Ельцину тоже (здесь, как говорится, не убавить, и не прибавить).

Была ли верующей? Сама она была крещеной, и меня тоже крестили. Пасху, Рождество у нас дома отмечали, но, конечно, не выставляя напоказ, не было принято. Но в доме всегда были иконы. У бабушки Елены икона – старинная, еще доставшаяся с Тютняр. И был еще такой же старый тяжелый крест. Все это перешло от Лежневых, от родни моего деда. А у мамы в комнате были маленькие иконы. Бабушку Елену, конечно, хоронили по обряду, с отпеванием. В последние годы иногда мама ездила в Кыштымскую церковь ставить свечи и поминать усопших. Мне кажется, она и сейчас

нас охраняет. Мой сын Александр, когда ему однажды стало тяжело, поехал к ней на кладбище и долго там сидел, курил, словно с ней советовался, и возможно, ему что-то она и советовала».

Нида Григорьевна после рождения внука Александра, по своей крестьянской изначальности, особо любила внука («души в нем не чаяла»), обучала его всем премудростям крестьянского бытия, привила ему любовь к домашним животным. Летом внук пас поселковый табун в Новогорном. И очень бабушка хотела, чтобы Саша стал ветеринаром или зоотехником. Но не дождалась этого, а внук выбрал другую профессию. Дочь Татьяна, сейчас смеясь, говорит: «Если бы она была жива, она бы добилась того, чтобы Саша стал ветеринаром». Но у внука и сейчас осталась тяга к животным.

Да, упорство в достижении цели было в крови у Ниды Григорьевны. Всегда добивалась того, что начинала. Нида Маслова любила говорить: «Из ничего сделать что-то, вот это дело». Отличалась она и требовательностью, была жесткой, особенно к молодым своим девушкам. Понимала, что одна ошибка в молодости может всю жизнь поломать.

У многих существует представление: Герой – значит, ему все льготы. Да, льготы Нида Маслова имела и ими пользовалась. Какие были льготы? Каждый год ездила по бесплатной путевке в санаторий. Но работа штукатура-маляра уж явно не укрепляла здоровье. И для других строителей ЮУС также выделялись путевки в ведомственные санатории, а они у закрытого города были. Штукатур-маляр из бригады Масловой Мария Цокур рассказывает: «Кто хотел, тот ездил в санаторий. Я, например, каждый год ездила в санаторий, путевка стоила для нас 30 процентов, и еще возмещали стоимость проезда. Я была на Черном море в нашем санатории «Прогресс», в санатории в Донецке на Украине, в местных санаториях «Увильды», «Дальняя Дача». Съезжу – и на год я здоровая...»

В 1980 году комиссия стройуправления (а тогда во всех органи-

зациях были отдельные комиссии по распределению дефицитных дорогостоящих товаров или решала четверка: администрация, партком, профком и комитет комсомола) выделила Масловой для продажи легковую машину «ВАЗ-2013», она купила и отдала зятю Сергею, но теще легче стало ездить на покос. Дочь окончила индустриальный техникум и уехала в Тюмень, там и встретила своего будущего мужа и вместе вернулись на Урал. Пошли Ниде Григорьевне навстречу и когда решался вопрос с квартирой для дочери в Озёрске. Других льгот не было. Ну, были еще малые льготы в пору всеобщего товарного дефицита. Раз избрали Ниду делегатом на отраслевой профсоюзный съезд в Москву, а она возьми и да скажи начальнику: «А в чем ехать, шубу бы надо». А на базе УРСа (управление рабочего снабжения) взяла шубу под размер дочери. Словом, по своей женской хитрости дочь придела. Правда, в 1986 году Н.Масловой, когда исполнилось 55 лет, ей была установлена персональная пенсия союзного значения, но получала ее недолго: когда Советский Союз распался, льготная пенсия тоже была отменена. 13 февраля 1989 года Нида Григорьевна уволилась и полностью посвятила себя домашним делам. А тем временем в стране происходили кардинальные изменения. 1991 год принес распад СССР и ликвидацию коммунистической партии. Затем началась приватизация. В 1992 году ЮУС в результате приватизации приобрело статус ЗАО, формально 12 тысяч строителей-акционеров стали собственниками. Были акции и у Ниды Масловой. Но прошло некоторое время, и мощное, технически по-современному оснащенное управление удивительным образом обанкротилось, и большинство строителей, как это уже стало привычным в современной России, остались ни с чем. Как и Нида Маслова... Получила она еще и «чубайсовский» ваучер, отдала его внукам, они вложили в «Газпром» и какое-то время получали в год по пять тысяч рублей дивидендов, но за-

тем внуки, когда им деньги очень нужны были, эти акции продали.

Как мы уже отмечали, многое в ее биографии необычно: простая женщина с необычным именем и с трудной судьбой, с семиклассным образованием, в комсомоле не состояла, она единственная среди героев уральского атомграда под известным названием Озёрск, кто получил высокое звание, будучи рабочей-строителем, беспартийной, а остальные – директора химкомбината, начальники ЮУС, крупные ученые.

В советское время звание Героя Труда было высшим знаком отличия. В СССР 20 тысяч 605 человек были удостоены этого высокого звания. И действительно, имена многих этих достойных и уважаемых людей и сейчас на слуху, их именами названы улицы, стоят памятники этим людям. И были в Советском Союзе и дважды, и трижды, и даже четырежды, пятирежды (даже не выговоришь это слово – авт.) Герои. Золотая Звезда Ниды Масловой за номером 16 863 по весу, как и все подобные награды имеет 15,5 грамма золота. Но мне почему-то кажется, что награда Масловой явно перевешивает те звезды, которыми щедро и без меры одаряли некоторых и за «липовый хлопок», и за «выдающуюся партийно-государственную деятельность». И перевешивает, прежде всего, по Труду...

Маслова прожила жизнь, как и многие русские женщины: с радостями и невзгодами, большую часть в труде. Судьба Ниды Масловой, на мой взгляд, – это во многом типичная судьба простой русской женщины, жившей в прошлом веке. Кто-то возразит, разве Герой Труда типично? И все-таки, да. В разговоре со мной многие из людей, кто близко работал с Нидой Масловой, кто знал ее, говорили, что были и другие кандидатуры, не менее достойные на высокое звание (а тогда в ЮУС пришла разнарядка на представление на звание Героя именно на одного рядового-рабочего строителя). Не стоит скрывать, что в советское время награждение шло с соблюдением многих требований: процент рабочих, процент руко-

водителей, доля представленных по национальности, член партии, комсомолец, беспартийный, женщины, молодежь и т.д. Так, например, многие ветераны СМУ отмечают, что прекрасным бригадиром отделочников был Генрих Вильгельмович Салос. Но он был из Автономной Республики немцев Поволжья, депортированных в августе 1941 года, и, конечно, никак не подходил для высокого звания Героя. И Салос был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Не хуже бригады Масловой работали бригады Павла Ивановича Панина, Евгении Петровны Белокопытовой, Натальи Васильевны Левченко, Александра Ивановна Вишнякова, они были награждены орденами. ...Дали звезду Масловой. И звездной болезнью Нида Григорьевна не заболела, честно с наградой прошла по жизни. И если другие женщины не имели звания Героя: ну, так уж у них получилось, не могли же дать Звезду всем...

В последние годы Маслову, как и всех, кто работал на стройке, донимали болезни, часто поднималось давление. В санаторий напоследок съездила в сентябре 1987 года, и затем больше уже не выезжала. В год перед смертью тяжело болела, врачи признали онкологию. Скончалась Нида Григорьевна Маслова 4 января 1994 года, и была похоронена на своей малой родине, под белоствольными березами на тихом сельском кладбище вблизи своей родной деревни Селезни, где она когда-то и появилась на свет. На доме 17А по улице Октябрьская поселка Новогорный, где она проживала последние годы, в 1995 году была установлена памятная доска «Здесь с 1969 года жила Нида Григорьевна Маслова, Герой Социалистического Труда».

Но если даже не поставлен памятник простому бригадиру отделочников Ниде Масловой, объекты, которые были построены строителями ЮУС, и были отделаны руками девчат из бригады Н.Масловой, до сих пор служат людям: это городская библиотека и жилые дома в Озёрске (по словам Марии Цокур « всю набережную

отстроили, весь ДОК прошли»), это дома и школа в далекой и ставшей нам чужой Литве, бывший кинотеатр «Колос» в селе Аргаяш, средняя школа в селе Кулуево, детский сад в деревне Куйсарино Аргаяшского района Челябинской области. Нида Маслова часто еще выезжала в командировки: была в Новосибирске, ее бригада работала на отделке трех домов в Ленинграде. Все эти дома тоже еще хранят малую-малую частицу тепла рук Масловой, и они, наверно, являются лучшими памятниками ей и ее подругам.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Нида Григорьевна Маслова прожила без малого 63 года, Борис Николаевич Ельцин ушел из жизни 23 апреля 2007 года в возрасте 76 лет, был похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. А другой ровесник Ниды Масловой, Михаил Сергеевич Горбачев 2 марта 2020 года отметил 89 лет. Как говорится, здоровья ему и долгих лет жизни.

Что-то в биографиях и жизненных судьбах этих трех людей очень близкое, и одновременно, конечно, многое отличает. Объединяет их общее крестьянское происхождение (а Россия почти до середины XX века оставалась крестьянской страной), все вышли из самых низов, общее нелегкое детство, все трое испытали тяготы и лишения. Все трое родившихся в 1931 году, если можно употребить такое выражение, – продукт советского общества. И всех их коснулись эпохальные события советской истории: коллективизация, война, послевоенная трудная жизнь, оттепель, перестройка.

Удивительно, но у всех троих родились дочери: у Масловой и у Горбачева – по одной, у Ельцина – две дочери. Все три героя моего повествования только единожды состояли в браке. Два последних обстоятельства, конечно, из ряда случайностей. Но, возможно, из тех, о которых говорят, что они порой при множественности складываются в закономерность. Еще

великий Гегель заметил: «In allem Endlichen ist ein Element des Zufälligen», что значит «Во всем конечном есть элемент случайного».

Все три героя моего повествования сохранили свою индивидуальность, в том числе и речевую. У Горбачева проявлялся южнорусский говор с мягким «г», с неправильными ударениями «начать», «углубить» и до сих пор помнится его «ну вы меня понимаете». А Ельцин отличался уральским диалектом с выделением «о» и «а» или с его знаменитым «пАА-нимаешь». У Нида Масловой порой проскальзывали тюнярские словечки: «такой работяшший, проворный», «какая же баская ты, сегодня», или же «вытащи назем на грядку». Ельцин и Нида Маслова не чурались и крепкого словца, возможно, сказывалось, что оба работали на стройке, а там без него, как и без раствора и кирпича, не обойтись, говорят же, что это придает кладке крепость ...

Общими мне видятся и некоторые черты характера моих героев. Привычность и привязанность к труду, заложенная деревенским укладом, сила характера и жизнестойкость как следствие испытанных в детстве и отрочестве лишений и трудностей, открытость и непосредственность в поступках, хотя, конечно, у партийных руководителей и политиков Ельцина и Горбачева открытость и непосредственность в силу самой природы вхождения и нахождения во власти со временем все больше нивелировалась, законы политики таковы, что заставляют человека порой скрывать и мысли, и чувства, но все равно черты непосредственности оставались. Всегда и во всем оставались людьми. И сказанное Нидой Масловой в сердцах: «Да заберите вы свою Звезду», и Ельцин в большом подпитии, в порыве чувств, дирижирующий в августе 1994 года в Берлине немецким военным оркестром, или когда Горбачев – тогда еще секретарь ЦК по сельскому хозяйству – во время поездки в Башкирию в 1982 году на гороховом поле в большую охотку пробует только что поспевший зеленый горох, приговаривая: «...пока Раиса Максимовна не видит» (это мне рассказал местный журналист, сопровождавший тогда партийного гостя в его поездке по республике – авт.) – все это, на мой взгляд, явления одного порядка.

Но главное, что все трое работали на благо той страны, где они жили, каждый на своем месте, каждый по-своему хотел ей принести пользу, и так, как каждый из них себе это представлял. И жизнь всех троих – частица общей большой Истории страны...

Но есть и большое отличие. Если портрет Нида Масловой уже дописан, то портреты Бориса Ельцина и Михаила Горбачева беспристрастное Время еще продолжает писать, и будет еще дописывать. Пройдет время и отпадет временное, наносное и частное, останется истинное, главное и настоящее, то, с чем они войдут в историю и останутся там навсегда.

В

«Эта книга – результат многолетнего труда, направленного на изучение интереснейшего аспекта нашей великой истории. Родившись и прожив свои начальные годы в необычном городе Калининграде (Кенигсберге), я с детских лет сталкивался ежедневно с проявлениями и последствиями Великой Отечественной войны. Большую роль здесь сыграл мой отец, который приучал меня к вниманию и уважению к ветеранам этой войны и результатам ее для нашей страны и всего человечества. Это сыграло решающую роль в выборе мною военной специальности. Постепенно интерес к истории великой войны привел меня к рассмотрению вопроса о награждении бойцов и офицеров, который реализовался в кандидатской диссертации, успешно защищенной в стенах Института истории и археологии Уральского отделения РАН в 2019 г.

Впервые в научной литературе предпринята попытка осуществить комплексный анализ наградной системы, ее модернизации в условиях чрезвычайного периода в истории нашего государства, в приспособлении к новым потребностям в деле мобилизации всех граждан многонационального Советского Союза на борьбу с врагом.

В книге рассматриваются, наряду с правительственными (государственными) наградами, ведомственные знаки, наименования, вручение знамен, грамот, благодарностей командования и др., и осуществление премирования путем материального вознаграждения и денежного довольствия. Речь идет о создании именно системы, внесший существенный вклад в дело Великой Победы.

Дмитрий Шуняков.

В

ВЕРА. НАДЕЖДА. ЛЮБОВЬ

(цикл стихотворений)

Сергей Симонов

Член Союза писателей России.
Живет в
г. Каменске-Уральском.

Памяти Алексея Решетова

Мы суесловим бестолково,
но чтоб друг друга понимать,
нужны всего четыре слова:
Бог, верность, родина и мать...

Проверенное средство —
на веру и на слух:
серпом луны по сердцу
водить, как по стеклу;

процеживать до света
намоленную грусть,
стихотворенья Фета
читая наизусть;

вливаться нотой длинной
в божественный мотив,
ни словом ни единым
себе не изменив.

*Ирине Симоновой — автору
спектакля «Маленький принц»*

Так, когда он впервые увидел
мой самолет, он спросил:
— Что это за штука?
— Это не штука. Это самолет.
Мой самолет. Он летает.
И я с гордостью объяснил ему,
что умею летать...
Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»

Важен не итог, а работа,
главное — не цель, важен — принцип:
вдруг себя почувствует кто-то —
пусть на время — Маленьким принцем.

Переводов истинных нету:
что французский, русский, что идиш?
Тело без души — просто «нетто»,
главного, увы, не увидишь.

Будем же смеяться, как дети,
чуда ждать, как в сказке учили,
если все мы будем в ответе
за того, кого приручили,

жить не для себя, а для друга,
и взвовется правда святая...
— Это что, гляди, там за штука?
— Это самолет. Он летает!

Деревья то же, что и птицы:
в своей безудержной мечте
душой стремятся с небом слиться
в безумной тяге к высоте.

Взлететь, хотя бы мигом кратким
окинуть сирые поля,
но крепко держат мертвой хваткой
их предрассудки и земля.

Ведь у судьбы свои законы,
но деревья, отринув их,
протягивают птицам кроны,
признав сородичей своих.

И каждой осенью деревья,
почти крылатые на треть,
листву роняют, будто перья,
в попытках тщетных улететь...

Поплавок дрожит в колечках.
Лучше нет для рыбака —
облака ловить из речки
на простого червяка.
Нет ответственной задачи
посреди земных рутин,
чем вытягивать удачу
из заоблачных глубин.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

*На свете счастья нет, но есть покой
и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.
А.С.Пушкин.*

На земле — между адом и раем,
говорят, места счастью нет!
Не поэтому ль мы примеряем
жизнь свою на счастливый билет.

И когда, отправляясь в поездку,
на общественный транспорт билет
проверяем на «вшивость», мол, дескать,
сможет он подтвердить или нет

факт реальности счастья на свете?
Так и ездим по жизни вперед,
уповая: счастливый билетик
прямяком в благодать привезет.

И сегодня, пустившись от пункта
Альфа в пункт промежуточный Зет,
попросил я: «Товарищ кондуктор,
оторви мне счастливый билет!»

И мою обилетив дорогу,
улыбнулся кондуктор: «Смотри:
не хватает до счастья немного:
два — четыре — ноль — ноль —
двадцать три!»

Так и быть нам несчастными что ли?
Значит, прав был великий поэт:
в тех местах, где покой есть и воля,
видно, места для счастья нет!

НАДЕЖДА

Надежде Ивановне Поплыгиной

Февраль. Россия. XXI век.
Всё верно: начинаются с надежды
Любовь, Отчизна, Вера, Человек
и всё, что будет, и что было прежде.

На обещанья тщательно щедры,
мы тщимся чтить, одолевая горки,
дай Бог, — не то, что Салтыков-Щедрин
нам напорочил, а — товарищ Горький:

«Наденьте крылья — и смелей в полет,
над бурей воспарите безмятежней.
Надейтесь — и дорога приведет,
поскольку все пути ведут к Надежде...»

И мы идем, ведомые мечтой,
ну а, точнее, аргументом веским —
спасаться, наслаждаясь Красотой,
как завещал великий Достоевский.

Кто волен восхищаться высотой,
надев на чресла белые одежды,
тот верит в мир, спасенный Красотой,
и в красоту, спасенную Надеждой!

Мы — от сохи, от печки, от реки,
от тополя-варяга на заимке
твоей родной деревни Мокряки,
откуда все истоки и тропинки.

Стремись туда открытою душой!
Ты помнишь, как — то круто, то отлого —
вела от малой родины к большой
проселочная, дальняя дорога?

Пусть будет так! Унынье — не у дел,
коль держится надеждою держава,
о чем нам тихо не однажды спел
великий и неспешный Окуджава.

Оставь... замри... молчи... не прекословь...
встань над... остановись... останься между,
ведь правят миром Вера и Любовь,
но и они всегда ведут к Надежде!

БАБЬЕ ЛЕТО

Пусть я домосед отпетый,
только денег подкоплю,
два билета в бабье лето
обязательно куплю.

Без ОВИРа, без таможни,
на денек или другой
в бабье лето, если можно,
ты возьми меня с собой.

Средь рябиновых салютов
буду жемчуг рос дарить
и березовой валютой
безнаказанно сорить.

Будет радостно и сладко,
и уютно до утра
в пятизвездочной палатке
возле нашего костра.

А когда, рассвет встречая,
ночь зардеет позади,
колокольчиками чая
буду я тебя будить.

Глядя, как под небом длинным
просыпается земля,
вдаль за клином журавлиным
полечу вдогонку я.

Заколов ромашку в челку,
побежишь за мною вслед.
Снова станешь ты девчонкой,
снова мне — семнадцать лет.

Буду тихо песни петь я,
в пруд забрасывать блесну...
В бабьем лете, в бабьем лете
я верну тебе весну.

А когда, увы, прощанья
время грустное придет,
брошу мелочь в ожиданье
возвратиться через год
в бабье лето...

ЗОНТИК

Поставь на пластинку зонта
Дождя водяную иглу.
Мы будем под шелест зонга
Кружиться в фокстроте луж.
Листвой дирижирует осень,
Деревья ударили в медь.
Под птичье многоголосье
Мы будем кружиться и петь.
От сердца и до горизонта
Заполним мелодией мглу...
Поставь на пластинку зонта
Дождя водяную иглу.

Совершеннолетние люди.
Совершеннозимняя стужа.

Осень дышит простуженной грудью
в застекленные холодом лужи.

Ты и я. Я и ты. А в полшага —
репетиция камерной вьюги,
снег охапками нотной бумаги
кружит в ветром очерченном круге.

Мы на этой заснеженной сцене
под мелодию белого джаза
постигаем навеки значенье
небесами подсказанной фразы,

что короче любых афоризмов
и великих романов огромней...
И протянута линия жизни
от твоей до моей ладони.

10 АПРЕЛЯ

Всё так: вначале было слово —
то Слово, что основа и
начало мира, жизни, крова,
надежды, веры и любви.

Начало зры, дня, мгновенья,
тропы, проложенной вдвоем...
Слова живут в стихотвореньи
и в теплом имени твоём,

в веселых высверках капельи,
в словах — несказанных, других, —
в тех, что 10 апреля
ты мне ответила на них,

в задорном щебетаньи дочек,
в еще несбывшейся мечте,
в пробившихся весною почках,
в упавшем осенью листе,

в мерцающей звезде, что снова
поет для нас полночный блюз...
Всё так: вначале было слово
и фраза: «Я тебя люблю!»

Вольф БУЛЬБА

МЫСЛИ

Я переехал в Израиль в 1990 году. Как и всю алию, приехавшую в 90-х, меня никто особенно не ждал. В Кишиневе я занимался серьезной книгой – иллюстрировал Шекспира, Достоевского... Здесь же, практически, этим никто не занимался. А специальной подготовки для работы с детской иллюстрацией у меня не было. Пришлось перестраиваться. Но, как сказал Корней Чуковский: «Иллюстрация для детской книги должна быть такой же, как и для взрослой, только еще лучше». Профессия художника-иллюстратора очень зависима от писателя, издателя. Как впрочем и все другие профессии – те, что кормят. Но друзья помогли мне сделать первые шаги. Эфраим Баух, мой близкий друг, писатель, помог мне открыть двери в издательские дома Израиля. И моим первым заказчиком было издательство «Змора Бэйтан», для которого я иллюстрировал Пруста, Достоевского, Ахматову, Андрея Белого. После этого последовали заказы от других крупных издательств.

Сейчас за плечами – множество книг с моими иллюстрациями, выставка, своя художественная студия, конкурсы, победы... За лучшую иллюстрацию произведений Ури-Цви Гринберга был выдвинут на первую премию сразу от двух городов – Ришон ле-Циона и Рамат-Гана. А в 2002 году получил премию Якова Фихмана за вклад в изобразительное искусство. У меня вышло более 140 детских книг, которые я проиллюстрировал. За эти годы у меня прошло более десяти персональных выставок. А выставка в библиотеке, относящейся к Музею изобразительных искусств, «Бейт Ариэла», является моей гордостью – нет

места более почетного в Израиле для художника-иллюстратора. Тем более что я был там первым русскоязычным первопроходцем. Дважды, в 1996 и в 2010 году меня приглашали туда выставлять свои работы.

Первый раз я приехал в Кишинев через 12 лет и не знал, какой будет встреча. Уезжал я тогда уже известным художником и если бы меня спросили: «Зачем?» – я бы не смог ответить ни тогда, ни сейчас. Недавно я сделал работу под названием «Вечная дорога» – работу с таким же названием я сделал и тогда, перед отъездом. Возможно, это и есть ответ на вопрос, что такое еврейское счастье. Исторический срок в 12 лет для столетия мал, а вот для человека – огромен. Когда возвращаешься в прошлое, не знаешь – а помнят ли? Моя выставка в Кишиневе была организована израильским посольством, и когда я вышел в зал, мне стало светло в глазах – зал был полон, ко мне подходили поседевшие, но такие близкие мне товарищи, говорили, что помнят, любят и гордятся. Я себя чувствовал там просто «национальным героем».

Наверное я романтик – все еще верю людям, хотя прошел много разочарований. Но для художника вера в человечество – необходима. Для того чтобы создать что-то – надо держать душу в чистоте, это ведь инструмент, который не должен сфальшивить в нужный момент.

В

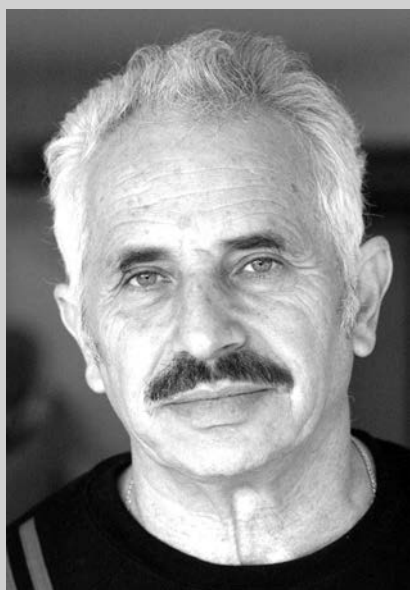
Иллюстрации В.Бульба к книге М.Лемстера «И я когда-то был богом»

МОЯ СУЛАМИФЬ

Моисей ЛЕМСТЕР

**Поэт, прозаик, журналист,
пишущий на идише,
доктор филологических наук
по еврейской литературе.
Автор нескольких поэтических
сборников на идише, а также в
переводах на русский
и румынский языках.
Стихи М.Лемстера
переводились также
на немецкий, французский,
румынский, английский, иврит,
на некоторые написаны песни,
романсы, симфоническая
поэма.
Лауреат ряда литературных
премий Израиля.**

Это моя Песнь песней. Песнь песней еврейского паренька. Паренька из молдавского села. Села, которое своими цветущими садами, виноградниками на холмах, пасущимися овечками на зеленых лугах, пастухом, играющим по вечерам на своем флуере грустной дойну, напоминало мне библейский пейзаж. Пейзаж, воспетый царем Соломоном в Песне Песней – гимне его любви к красавице Суламифь. Здесь – в этом молдавском селе жила и моя Суламифь. И разве важно, что была она, юная и красивая, местной молдаванкой? Ведь я был в нее влюблен! Влюблен в ее черные глаза, в ее волосы, собранные с плеч в толстую косу, в ее полные губы, в стройную, как виноградная лоза, фигуру, в каждую частичку ее смуглого, обжигающего тела. Их виноградник рос на холме за селом. В летние солнечные дни девушка приходила сюда. Сюда, к ней, приходил и я. Говорили мы с ней по-молдавски. В теплые вечера мы лежали у виноградных кустов и глядели в звездное небо. Я рассказывал ей о красных, желтых, голубых звездах, показывая созвездия и называя их имена, о дальних планетах, о будущих космических путешествиях. От будущего переходил и к прошлому, пересказывая некоторые библейские истории. Однажды, когда мы обнимались и целовались, я тихо назвал ее – «моя Суламифь». Она спросила: «А кто такая эта Суламифь?» И тогда я рассказал ей о Песне Песней царя Соломона. Известные мне оттуда слова шептал ей, переводя на молдавский: «Ты прекрасна, любимая моя, и нет в тебе изъянов... Мед источают губы твои...

Твои груди подобны кистям винограда...» Но не произнес я лишь двух слов из Песни Песней: «Невеста моя». Потому что знал, что никогда не быть мне ее женихом. Она ведь преданная дочь своего села. Такая же часть этого молдавского пейзажа, как цветущие здесь сады, виноградники с солнечными гроздьями, как душистые цветы, как чабанская дойна... А я здесь – чужак, иноверец, экзотический фрукт, перелетная птица, которая отдохнет и полетит дальше... Мы целовались, зная, что нам не суждено быть вместе, и поцелуи наши были еще горячее оттого, что пылкая страсть не желала смириться с очевидностью. Она, лукаво смеясь, спросила: «Если я твоя Суламифь, то значит ты – мой царь Соломон?» Я, тоже рассмеявшись, ответил, что у евреев мальчику при рождении дают двойное имя. И мое имя Мойша-Шлойма, то есть Моисей-Соломон. Так что она может называть меня Соломоном. И хоть у меня нет царства, я все же царь, потому что влюблен! Потому что все влюбленные – цари! Искренне убежденный в этом, я снова целовал ее и снова шептал: «Любимая, ты, как лилия среди терна... Ты красива, любимая, ты очень красива. Твои глаза подобны голубкам... Твои волосы, как стадо коз, что спускаются с холма...» И только двух слов из Песни Песней я так и не произнес «Невеста моя»... А она вдруг настойчиво попросила: «Царь Соломон, как ты мне рассказываешь, был очень мудрым. Так скажи же мне, мой царь, что такое любовь?» Ответил ей без заминки: «Я еще сам не знаю этого. Но слышу, что всё вокруг поет мелодии моей любви. Всё вокруг сияет лучами моей

любви. Все оттенки красок цветов вокруг нас – цвета моей любви...»

...Мы лежали на лугу среди полевых цветов. Вокруг нас танцевали разноцветные бабочки. Кузнечики играли на своих скрипочках, а в небе пели жаворонки. Я ей объяснил, что царь Соломон понимал язык птиц, зверей и даже растений. И мне кажется, говорил я ей, что сегодня и я, потому что влюблен, тоже понимаю, о чем всё вокруг нас говорит. Я целовал ее в припухшие губы и шептал в ушко, что все вокруг восхищаются ее красотой. И словно пояснял после каждого поцелуя: «Цветы показывают, что если бы ты была цветком, то была бы принцессой цветов», «Разноцветные бабочки шепчут, что если бы ты была одной из них, то была бы принцессой бабочек», «Жаворонки в небе поют, что если бы ты была птицей, то была бы самой красивой из них – принцессой всех птиц...» Девушка смеялась и ответно шептала: «Царь Соломон, ты мой»... Вблизи виноградника, на самой вершине холма стоял засохший дуб. Об этом дубе в селе бытовала легенда: «Рос на холме дуб. Он тянулся вверх, вырастая всё выше и выше, желая достичь небес. Увидел Бог, что ветви дуба скоро дотянутся до облаков. И тогда на село налетела гроза, и Всевышний несколькими молниями расколол ствол дуба на две части. Сельчане были очень напуганы грохотом грома и сверканием молний. Они прятались в домах, осеняя себя крестом...» Дуб, которого с тех пор в селе называли Громовое дерево, перестал расти и почти весь высох. Лишь несколько тонких веточек зеленели на его широком стволе.

Мы с моей девушкой, когда проходили мимо, всегда останавливались у этого дуба. Я смотрел на когда-то огромный ствол и думал о нашем Боге, который несколькими молниями, как плетьюми, хлестал по этому дерзкому дереву, разрубив его надвое. И еще я думал о том, что мы с моей возлюбленной, подобны этим расколотым частям дуба, которые не могут соединиться, чтобы быть вместе. А девушка, глядя на дерево, думала о своем грозном Боге, осеняя себя трое-

кратным крестным знаменем... Я бежал к винограднику, к моей Суламифь. Даже, можно сказать, летел, едва касаясь ногами узкой тропинки. И тут увидел, что у Громового дерева меня ждут трое ее братьев. Ничего хорошего выражение их лиц не предвещало. Я понял, что будут бить. Бить, потому что они не хотели, чтобы их любимая сестра встречалась с чужим, экзотическим фруктом, птицей залетной. И я их понимал – они ведь тоже преданные сыновья этого села, часть его молдавского пейзажа. Но, как оказалось, у них были иные намерения. Куда хуже...

Они схватили меня. Один за левую руку, другой за правую, третий за ноги и потащили к расколотому надвое дереву. Затем привязали веревками мою левую руку к одной части дуба, правую к другой и ноги к стволу. Старший брат зло спросил меня: «За что вы распяли нашего Христа?» Я, еще не осознав всю серьезность угрозы, ответил, что за давностью лет уж и не помню за что. Но он не понял и не принял шутки и грозно подытожил сказанное: «Повиси сам распятым и помучайся, как мучался и страдал наш Иисус». К счастью, мучатся мне пришлось недолго. Прибежала их сестра, и набросилась на братьев, как летняя гроза, ругая их и оправдывая меня. Они, любившие свою сестру, нехотя отступили и направились обратно в село. Девушка меня развязала, сняла с дерева и, целуя, горячо зашептала: «Иисусик, мой. Мой Иисусик». А я вдруг подумал: целуя меня, она полагает, что целует того далекого еврея, который стал когда-то их Богом? Позже мои друзья – христиане – мне объяснили, что Иисус – Сын человеческий, а не только еврейский. Соломонов суд мой был прост. Я ей сказал: «Жаль, что ты спасла меня. Твоя любовь не позволила стать мне сегодня сыном Божьим. Иисус страдал за всё человечество, а я чуть не пострадал за него...» И добавил с улыбкой: «Раз уж мне не суждено было стать Богом, то зови меня, как прежде, – Соломон».

Мы пошли в обнимку к винограднику. Завтра мне уезжать из

села навсегда. Наверно, мы уже никогда не увидимся. Наши поцелуи в этот вечер были особенно продолжительными. Я наговорил ей много ласковых и нежных слов, которых не найти даже в Песне Песней царя Соломона. Позже я их уже никому не говорил – просто не запомнил. Потому что они остались где-то там – в глубинах девичьей памяти, в висящих гроздьях винограда, а может быть, даже в вине, сделанном из этих гроздьев... Я шел домой. Остановился у Громового дерева. Обнял его прохладный ствол, и слезы мои текли по его морщинистой коре. Я шептал ему: «Прощай, мой друг, пусть в тебе навсегда останется моя любовь. Останется здесь, как часть этого села, здешнего пейзажа, как светлое облачко в небесах над тобой, сияющее еврейско-молдавскими лучами». Утром я ждал автобуса. Прибежала сюда, на остановку, и она – моя Суламифь. Я обнял ее со словами: «Любимая, сейчас я готов ответить на твой вопрос о том, что такое любовь». Показал на Громовое дерево и сказал, что мою любовь к ней я оставил вчера вечером в этом дубе. И она увидела, что за ночь дерево ожило и покрылось зелеными листьями. Дуб снова расцвел от основания до самой верхушки, как тогда, когда он пытался достичь небес. А сельчане, увидевшие это, стали осенять себя крестным знаменем, полагая, что произошло божественное чудо.

Лишь я знал, как зовут это чудо.

Любовь...

Я ВЛЮБЛЕН

Когда весна в цвету, я на траву ступаю –
И словно не иду, а над землей летаю,
Но мой волшебный сон вершится наяву:
Весною я влюблен – любовью я живу!

Душа полна любви и солнечного света,
И радость в ней звучит уже в разгаре лета.
Лишь звездный небосклон посеребрит
листву –
И снова я влюблен – любовью я живу!

А осенью, когда в густом тумане дали,
Нет на душе моей ни грусти, ни печали.
Роняет листья клен на жухлую траву,
Но я опять влюблен – любовью я живу!

И снова дни летят — вперед ведет дорога.
Назад возврата нет — зима уж у порога,
Но из-под снега я букет цветов нарву,
Ведь я всегда влюблен — и потому живу!

МНЕ ЭТО НУЖНО ЗНАТЬ

Всегда — осенним хмурим днем
И солнечной весной
Мне нужно только знать о том,
Что я любим тобой.

Когда пишу стихи пером,
За каждую строкой,
Мне нужно только знать о том,
Что я любим тобой.

Когда покину отчий дом,
Как суждено судьбой,
Мне нужно только знать о том,
Что я любим тобой.

Когда в просторе неземном
Зажгусь ночной звездой,
Узнает целый мир о том,
Что я любим тобой.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Как о небесном чуде,
Я помню столько лет
Ее девичьи груди,
Их нежный лунный свет.

К ним припадал так страстно
В далекой той ночи,
Что до сих пор не гаснут
Во мне любви лучи.

ЮНОСТЬ

Небо беспредельно голубое,
В поле мы — постель нам не нужна:
Я лежу на сене, и со мною
Тихо дышит рядышком она.

Я смотрю в лицо ей сонным взглядом —
Сколько в нем и света, и добра...
А пчела жужжит, летая рядом:
— Просыпайтесь, вам вставать пора!

Поутру сливались птички трели
С радостным биением сердец.
Будто бы будильник, зазвенели
Звонко колокольчики овец.

И откинув сена одеяло,
Дремоту стремится превозмочь
Девушка, что женщиною стала
В эту удивительную ночь.

И глаза с улыбкой открывает,
Улыбаясь — вот бы так всегда!
На ее ладони догорает
С высоты упавшая звезда.

Первый луч высвечивает ярко
Красоту распущенной косы...
А вокруг рассыпаны подарки —
Маленькие солнышки росы.

ШАТРОМ КУКУРУЗА СТОИТ

Соседская дочь так юна,
Как нежный цветочек, она.
Я парень — и молод, и лих,
Кровь в жилах играет моих.

Стоит кукуруза шатром,
Под ним мы укрылись вдвоем.
Под стебли нас страсть увлекла,
Сливаются наши тела.

А дочку, встревожившись, мать
С ног сбилась в деревне искать:
В саду, там, где зреют плоды,
Ее не отыщет следы,

За дочку у дальних стогов, —
Откликнется эхо на зов,
И там, где на выпасе скот,
Ее сарафан не мелькнет,

У речки, где солнце в воде
Не сыщется дочка нигде!
Наш рай для двоих лишь открыт —
Шатром кукуруза стоит.

МАНИТ МЕНЯ СОСЕДСКИЙ САД

Я оглядел соседский сад сквозь ветки,
Чтоб ночью выкрасть яблоки у них.
Но пара яблок дочери соседки
Гораздо аппетитней остальных.

Они сквозь платье светятся так сочно
И тем меня тревожат по-мужски:
Их вкус хочу отведать той же ночью...
Я знаю, где в заборе нет доски.

ПРОСТИТ ЛИ ВСЕВЫШНИЙ МЕНЯ?

По возрасту я — «заповеди сын»¹,
Зимою мне накладывать тфилин,
Но юная соседей наших дочь
Меня в забываемую ночь,

Чаруя, увлекла на сеновал,
И свет над нами летних звезд мерцал.
Но, не стесняясь этого ничуть,
Она внезапно обнажила грудь,

И яблок искушающий налив
Увидел я, как в жарких снах своих.
И крестик трепетал меж яблок тех,
Предупреждая, что впадаю в грех.

Но всё ж меня он не остановил,
Не поубавил первой страсти пыл:

¹ Заповеди сын — еврейский мальчик в 13 лет становится взрослым мужчиной и с этого дня несет личную ответственность за исполнение заповедей;

Колдунью, что свела меня с ума,
Напомнила пришедшая зима,

Тогда, когда настал бар-мицвы² день,
Ведь надо мною веры нашей сень.
Накладывать тфилин³ пора пришла —
В ответе я за все свои дела.

Молитву я читаю наизусть,
Но в трепетных сомнениях боюсь:
Простит ли мне всевидящий мой Бог,
Что я соблазна избежать не смог,
Что не готов признать вины своей
За крестик между девичьих грудей?

ЗОВ ЮНОСТИ ДАЛЕКОЙ

Жив юности далекий зов,
Во мне ее зеленый свет —
Мне светит первая любовь
Уж столько лет, уж столько лет!

Вокруг всё поменялось вновь.
Здесь дом стоял — его уж нет.
Лишь светит первая любовь
Уж столько лет, уж столько лет!

Твердят: «Как юн твой дух и нов!»
А у меня один ответ —
Мне светит первая любовь
Уж столько лет, уж столько лет!

ЕЕ СЛЕДЫ

Где ты блуждала столько лет,
Уплывших, словно дым?
От ожиданий стал я сед,
А был ведь молодым.

Ко мне пришла сегодня ты —
Так падает звезда.
Твоей небесной красоты
Не тронули года.

Пусть нет нигде твоих следов,
Растаявших в пути,
Но в каждом из моих стихов
Не трудно их найти...

НАЙДУ Я ТЕБЯ

Если ты притаишься цветком на лугу,
То тебя без труда отыскать я смогу.
И скажу, опьянев от твоей красоты:
— Так, любимая, можешь цвести только ты!

Если ты превратишься в ночную звезду,
То тебя в яркой россыпи звезд я найду.
И скажу: эта высь пред тобою бледна.
— Так, любимая, можешь сиять ты одна!

² Накладывать тфилин — тфилин, или филиakterии — элемент молитвенного облачения иудея;

³ Бар-мицвы день — день, когда совершается обряд, обозначающий достижение ребенком религиозного совершеннолетия.

НЕ ТАКИЕ, КАК ТЫ

Ворвалась ты в мой мир так нежданно весной,
Словно бурей разрушив привычный покой.
Ярких женщин встречал, что цвели — как цветы,
Только были они не такими, как ты.

«Для тебя я и горы сотру в порошок!»
Улыбалась в ответ: «Это слишком, дружок!..»
Женщин-звезд довелось видеть свет наготы,
Только были они не такими, как ты.

Не вином, а тобой беспробудно был пьян,
Но ушла от меня ты в осенний туман.
Многих женщин хранит моя память черты,
Только были они не такими, как ты.

ЛЮБИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Букетом красивых цветов из долины,
Где много широких цветущих полей,
Для тех, кто когда-то мной были любимы,
Стихи о любви моей в книге моей.

Кто в вечность ушли, будут ждать со мной встречи...
Как я их любил и был ими любим,
Расскажут стихов поминальные свечи —
Свет пламени чист, словно слезы по ним.

Пусть в пламени чувств меня страсти сжигали,
Но душу и сердце сумел я сберечь:
Любимые женщины жизнь освещали
Своею любовью — как пламенем свеч.

А Богу, что дал мне и сердце, и душу,
Все эти стихи, как венок из молитв,
За то, что предстать перед Ним я не струшу,
Ведь каждый мой день был с любовью прожит.

*Авторизованный перевод с идиша:
Фрэдди Зорин, Рудольф Ольшевский, Валерий Фокин*

«Моя мама перед войной очень хотела поехать в Италию. Ей не столько хотелось увидеть статуи Микеланджело и картины Леонардо да Винчи, сколько искупаться в теплом море. Это потому, что она родом из Држиня, что недалеко от Кладно, где был только жалкий Утиный пруд, покрытый ряской, и мама, будучи маленькой девочкой, не могла там купаться. Каждую весну она всегда спрашивала нашего папу: «Леушка, мы поедем этим летом в Италию?» Мой папа Лео, как правило, отвечал, что в этом году у нас недостаточно денег, и утверждал, что, по его мнению, на Бороунке, что у городка Кршивоклат, намного лучше.

У моего отца были совершенно другие заботы. На первом месте у него были торговля и рыбы. В обоих случаях он невероятно преуспел, однако предпочтение отдавал рыбалке, и это было вечное проклятие для нашей семьи, а также для шведской компании «Elektrolux», где он был коммивояжером...»

Ота Павел.

Если вы хотите познать загадочную и удивительную чешскую душу, то эта книга для вас. При этом, читая новеллы Оты Павела, вы будете одновременно и плакать, и смеяться...

Степан Гилар, консул.

НЕНОШЕНОЕ ПЛАТЬЕ

Валериан МАРКАРОВ

Живет в г. Тбилиси, Грузия.

Время от времени старуха покашливала, и влажная мокрота протяжно хрипела у нее в бронхах, превращаясь в сладковатый слизистый комочек во рту. Она сидела в черной косынке перед гробом мужа и неотрывно теребила в руках носовой платок, часто поднося его к лицу и протирая уголком то глаза, то подрагивающие кончики губ, которые, казалось, вот-вот коснутся выпирающего подбородка. А порой медленно покачивалась в такт негромким, певучим причитаниям: «Ваня, милый ты мой, кровинушка! На кого ж ты меня покинул?! За что наказал? Теперь одна... Как же жить-то теперь?», и тогда соленые слезы разъедали ей лицо, а мысли о трагической смерти мужа душили мучительно больно...

Чин отпевания подошел к концу, но хромоногий дьячок в белой обожженной рясе не ушел: уселся себе в дальнем углу, отложил в сторонку дымящееся кадило и тихим однообразным голосом читал псалтырь. Дверь, как положено в таких случаях, была нараспашку и народ все шел и шел: как-никак, а село у них большое. Одна толпа сменяла другую: одни шли, чтоб отдать последний поклон гробу, другие, чтобы поглазеть, как покоится в нем Иван. Крепкий мужчина, облаченный в новый темный пиджак, лежал, накрытый белой простыней, с ликом Спасителя на груди, безвольно зажав погребальный крест в восковых руках. Слабый мерцающий огонек свечи бросал косые лучи на его заострившийся нос и загорелый морщинистый лоб с насупленными бровями: он словно сердился на тех, кто уложил его в эту окропленную святой водой холодную некрашеную домовину, сколоченную из свежеструганных сосновых досок.

Сельские бабы, только ступив в дом, принимались голосить с са-

мого порога. Мужики же, которым ничего уже вроде не страшно, потому как они всякое повидали, поначалу копошились в сенах, топтали валенками, сбивая с них снег, затем украдкой заглядывали в горницу, где проходило прощание, жались по углам, больше удивленные и испуганные, чем огорченные. Входили бочком и, бросая несмелые взгляды на Ивана, торопливо скидывали шапки, крестились на иконы, обкладывали гроб мокрым, колючим еловым лапником и, оборачиваясь, сочувствие вдове выражали. Бабы рассаживались на лавках, что стояли полукругом перед гробом, пускали слезу, а потом удрученно головами в косыночках мотали и о чем-то шептались меж собой. Кто-то из них обронил, что, мол, рановато Иван отдал Богу душу, дюжий был мужик, мог бы еще жить да жить. Вдова не повернула головы: всё шевелила губами немые причитания да теребила платок.

Глядь, в дом вбежал полоумный Васька-заморыш, к гробу засеменил и раз – что-то сунул в ноги покойному.

– Эй, Васька, ты чё учудил, дуралей? – хмуро спросил сосед, наклонившись и дохнув табачищем с легким перегаром, когда тот приостыл рядом.

– Да Васька чё? Васька всё село обежал, нигде цветов нету. Непогодица. Все Ваську журят, а Васька Ивану шоколадку...

В какой-то момент ей показалось, что покойник тяжело вздохнул, и от неожиданности она вздрогнула всем телом, едва не лишившись чувств. Зашлась родимая затыжным кашлем, закрыв рот рукавом и так давясь горлом, будто ее рвало.

– Худо мне, Клава, – произнесла она, едва успокоившись.

– Дак это с непривычки, Люда, – закивала соседка, махнув

рукой. – Уж на что я привычная – ведь мужа, брата и сына схоронить успела – и то... Вот я тебе ща водицы подам, даст Бог полегчает. Изморилась ты, два дня не пимши, не емши, кишка кишке, поди, кукиш кажет. И глаза все вконец выплакала, горемычная... Ты того, ступай, поешь малость, а мне идти надоть, скотинка некормленная ждет.

Права была Клавдия – Люда с головой ушла в свое горе. Как прознала про мужа, так ноги и подкосились, опустилась на пол и забилась, завыла как собака. Клавка, которая прибежала на этот вой, смотрела на нее и, поди, думала, что Людка сошла с ума. Она не смыкала глаз вторые сутки кряду: пока покойник в доме, надобно держать всеношную. Иван работал дежурным электромонтером, спешил по вызову устранять всякие неполадки. Всё твердил, что без электрика в жизни – ни туды и ни сюды. Электрик, он ведь всё может: захочет – свет зажжет, захочет – погасит, короткое замыкание может удлинить, а длинное – укоротить. Выходит, без электрика миру хана придет. А тут током его и убило, пока был на халтурке у Валентины. У той всегда что-нибудь не так, как у людей. Живет, говорят, одна, без детей, без мужа. Дом старый, от бабки остался. В нем то уют заискрит, то розетка в стене задымится, то пробки к чертям вылетят, а то и проводка дотла сгорит. Вот Иван по доброте душевной и пособляет ей. А в этот раз Валькин телевизор чинить полез, безбашенный, так его на месте как шандарахнуло. На смерть! В морге сказали, что под градусом был да лыка не вязал, и умер без мучений – моргнуть не успел.

На приличные похороны денег не хватало. Но сельчане выручили, всячески пособляли Люде устроить мужу подобающее прощание, да такое, чтоб никто не осудил. И что б она делала без этих добрых людей? Бабы суетились на славу, прибирая в доме. Засучив рукава и попутно вытирая сопли, драили мылом полы, окна и двери, вытирали от пыли образа, завешивали сервант да зеркала. Лавочек вот натаскали – собирали с миру по нитке. Да ведь всё ж надо было сделать одним пыхом, пока в доме

не было тела усопшего: все хорошо помнили, что сор при покойнике вымести – всех из дому вынести. А мужики вот с машиной помогли, доставили Ивана из больничного морга, за гробом съездили, недорогим, правда, но очень добротным, священника местного пригласили. Свечи для погоста прикупили, лампадку разожгли, чтобы душа его, покинув тело, не испугалась темноты, а свет пламени ее успокоил.

Стыд да срам, что родной сын приехать не смог – дела у него да заботы. Говорит, Москва слезам не верит, тут в оба глядеть надо, иначе изнищаешь враз! Всё у него шито-крыто: с кем живет и как, что ест и пьет, где ляжку тянет – ничего ей толком не известно. Безалаберный, даже внука ей с Иваном не подарил. Господи! Образумь, ты его! Вернулся бы в село. Нашел бы себе девку здоровую, работающую. Детишек бы на свет Божий нарожали. Жили бы как люди... Хорошо хоть депешу прислал, короткую, в три слова: «Соболезную похороны оплачу»...

На освободившееся Клавкино место тихонько подседа Алевтина. Обняла, руку сжала и что-то шепнула на ухо, да только Люда не разобрала слов, сидела с каменным лицом. А та опять за свое, что-то ей там про Ивана на тихой ноте бубнит. Люда и прислушалась глухо, хоть и не повернула головы.

Не убивайся ты так, подруга, услышала она. Не стоит он того! Всю жизнь гулял от тебя, блудливый... Ни одну юбку мимо не пропускать. Вот те крест святой, не вру. Чего глядишь? Да неужто не ведала? А год назад с Валькой снюхался. Вальку-то Раскладушку все знают. Охомутала она его. В тот день твой квасил у нее во всю – дым коромыслом стоял. Я ведь там близехонько, по-соседству. Напились до поросычьего визгу. Ванька твой орать стал, что изменяет ему Валька. Да оно, похоже, так и было. Валька ведь баба видная: краснощекая, стройная, грудастая, наряжаться умеет. Вон воротилась из города – накувыркалась там, поди, с лихвой. Рыжие патлы свои распустила, наподадилась, хоть стой – хоть падай, огляделась, заметила себе мужика крепкого, работающего, раз в гости позвала – по хозяйству подсобить,

другой, третий, да и увела. Да чтоб мне сквозь землю провалиться, коль наговариваю! Хоть и ведаю, что негоже поминать покойного дурным словом – душа его на том свете умается, но как по мне, коли чего не так, то и молчать не стану, правду-матку всю выложу, как на ладонке...

Люда замерла, чувствуя, как бешено застучало ее сердце и кровь ударила в лицо. Руки ее задрожали, тело обмякло, а всё перед глазами, как в сильный ливень, поплыло. Верно в народе говорят: жена об изменах мужа узнает в последнюю очередь. Всё внутри взбунтовалось, вскипело... Получается, все знали! Да молчали, грех Ванькин покрывали...

Будь на твоём месте, продолжала Алевтина, извела бы ее на корню, змею подколодную, тварь поганую, зелья бы подсыпала или порчу навела. К слову сказать, я тут вот что вчерась надумала: покласть бы в Иванину домовину вещицу ее какую, трусики разноцветные али лифчик – всякий раз на бельевой веревке качаются туды-сюды, мужиков закликают. Покласть – и всего-то делов. Ахнуть не успеешь – вслед за твоим покандехают...

За окнами густыми хлопьями валил снег, и, едва долетев до земли, начинал таять, превращая ее в месиво из грязи и воды. Был слышен лай собак вдалеке и скрип сверчка где-то в углу. Погребальная свеча медленно догорала, сероватый воск таял, стекая на дощатый пол, а его запах смешивался с ароматом ладана, дымок рваными волокнами нависал над собравшимися вокруг гроба усопшего...

Зловещую тишину в горнице нарушило легкое шуршание ткани: упало покрывало с зеркала, обнажив леденящую душу картину. Что это – явь или сон? В горнице гроб стоит, входят и толпятся мужики и бабы, несут на валенках грязный снег, хлопчут, утешают и кручинятся. Но за спиной ее судачат да языки чешут, думая, что она этого не видит. Видит!

Знали все! И молчали. А теперь шастанут туда-сюда, козы бодатые, лишь бы кости Ванькины перемыть, и, может статься, кое-кто в душе даже радуется беде ее.

Темнота внутри зеркала кое-где рассеивалась дрожащим огоньком лампадки, пытаюсь заполнить звенящую пустоту отчаянья и злости, пробиравшую Люду до самого сердца...

Ясно представила, как Валька хитростью заманила Ивана, поила его холодной брагой, стакан за стаканом, а потом растрепанная, шальная, в сползшей с плеча кофте, устроилась подле него, телка захмелевшего, стала будить-тормозить пунцовыми губками: «Да не спи ты, соколик! Полюби меня сильно...» Иван, дурья башка, что-то мычал со сна, отталкивал ее, а Валька кофточку скинула, и сисечки свои напоказ – остренькие, как у козочки, в разные стороны глядящие тугими сосками...

Вздохнула прерывисто да на мужа глянула – лежит, не шевелится, непутовый. Вздрогнула, вспомнив про его частые отлучки: охоту на три дня и ночи, рыбалку, а то и «халтурку» на стороне, когда неделями ждала – не могла дожидаться. А возвращался домой пьяным, взгляд мутный – и не пикни, чуть что, вставал на дыбы, посылал крепко в Тьму-Таракань, так то и ладно, а то мог ведь и промеж глаз. Ох, и слепая ж была! Дура!

Лицо ее исказила судорога, глаза закатились, а грудь порывисто заколыхалась от кашля. И сызнова отдалась во власть воспоминаний, и замелькали пред ней картины прошлого, которые она в обычной жизни старалась не ворошить. Вот здесь ей восемнадцать годков. Хороша! Приударил за ней Иван, гармонист чубастый, первый парень на селе, девок щелчком пальца подзывал! Всё твердил: «Гуляй ты, Людка, пока молода да красива. Другие ж девки гуляют. Чего тебе-то порожнем ходить? Неужто хуже других?» А как-то баясами заморочил, затащил на сеновал, подальше от людских глаз, где сладко пахли недавно скошенные травы. Тьма там стояла – глаз выколи, только слабо светились щели в полу да кое-где сквозь дырявую кровлю пятнышки лунного света пробивались. Не обхаживал, не задабривал, не упрашивал. Огляделся вокруг, сплюнул, взял сзади за груди. Сдавил жадно, до боли. Кинул на ворох сухой травы. Прижал собой в темноте,

целовал лебединую шею, ласкал, рукой под белый сарафан забрался. Уступила она. Одна только мысль вертелась: скорей бы только всё кончилось. А он потом всю жизнь попрекал да и унижал, что не честной за него пошла, не блюла себя, как положено, отдалась до свадьбы...

До того жадным оказался – всяку копейку считал, ничем не делился, а даст кому рубль, так потом два требует. Да и жуть какой ревниучий был! Не позволил ей работу продолжить в больничке местной – где фельдшером трудилась, даром что ли техникум медицинский закончила. И с любым она общий язык найти умела – с малым и старым. Многие на селе одиноки были, приходили к ней душу изливать, им легче становилось – а у нее радость на сердце! Уважали ее там, другим в пример ставили, подработку частную подсовывали. А она и не отказывалась: кому укольчику поставить, кому массажика лечебного от радикулита, а кому и давлению помочь смерить да сбор травяной подсказать. А Иван всё допытывал: где была, куда пошла? – Куда-куда? На Кудыкины горы продавать помидоры. Раз как-то вздумала ерепениться, так люто разгневался, и раз! – наотмашь по щеке! А рука тяжеленная, ладонь лопатой. Промочила горькими слезами подушку, синяки хвойными примочками залечила, да и попривыкла потихоньку: не ты одна – все так живут.

Стала по хозяйству ишачить, свету белого не видала. А хозяйство-то большое, знай, поворачивайся. Пока дела бабские сделаешь, денек и прошел. В огороде раком над картошкой стояла, за скотинкой ходила. А сбудешь ее на базаре – радость мужу да убажнение. Тут еще и сынок родился – дитятко малое догляда требует. Любила его, души в нем не чаяла, баловала как могла. А он вырос – и тью-тью в город, будто там медом пчелиным помазано. Вот и не заметила, как сама переменилась с возрастом, на всю округу озлобилась, очерствела. Верно в народе говорят, не уйти от судьбушки своей – отыщет тебя повсюду и приведет туда, куда ей надобно.

Враз спохватилась: ой, батюшки, да хватит ли всем водки на поминках? Надо предостеречь, чтоб

много не наливали. По три рюмки и будет с них. Тут такие – им только подноси глаза заливать... И мясного не дождутся – постные дни пошли. Кутьей обойдутся. Ишь, губу раскатали на булдыжку. А сами то, сами чего? Ее глаза, холодные и бесчувственные, стали зорко следить за руками односельчан, подчас сующими деньги в карман ее шерстяной жакетки. Она уже жалела, что не поставила на табурет с погребальной свечой поднос для благотворений: на нем сразу видно, кто сколько дал. А тут – сиди себе да и гадай, кто поспешил.

Выносили Ивана головой вперед, да бережно – не приведи Господь задеть о дверной косяк. Зашлепали по рытвинам, по грязи, по неровным да скользким дорогам – мимо полинялых, давно не крашенных деревянных домов, крытых дранкой, покосившихся курятников да свинарников, заросших репейником, сквозь лай собак, ржание лошадей, кислый запах навоза, сена и талого снега. Ветер мягко в спины толкал, словно гнал – лишь ноги переставляй. Как взбирались на пригорок, откуда всё село как на ладони, так чуть не уронили Ивана: припал на колени первый несущий, но остальные сдюжили. Так и пришли на заснеженный погост, где вытянулся в одну линию ряд невысоких, поросших редкой травой холмов. За последним – зловещим прямоугольником чернела у ног свежесрытая могила, чернела и терпеливо ждала, готовая поглотить новое тело. Вокруг ямы – слякоть, глина вязкая: народ копошился, спотыкаясь на мокрых комьях взрытой земли, все валенки себе извазюкал.

Добродушный дьячок кропил покойного святой водицей, отпуская ему земные грехи: «Со Святými упокой, Христе, душу раба Твоего Ивана, где нет болезни, скорбей и страданий, но жизни вечно блаженная». Сельчане держали горящие свечи и по очереди крест батюшки целовали, чтоб всё худое из них повылазило. Бледное лицо Люды наблюдало за происходящим пустым, отрешенным взглядом. Соседушки с двух сторон шептали ей, приказывая плакать и причитать, но она осталась глуха к их мольбам. Она

полностью ушла в себя, ничего не видела и не слышала. Очнувшись, когда кто-то сильно подтолкнул в спину: надо прощаться с благоверным. Подошла и... отпрянула – совсем не похож на себя Иван. Лицо спокойное, восковое. Снег на него падает и не тает. До самых костей, должно быть, заледенел. Лежит себе мирно, руки сложив. А ведь всю жизнь на ногах был, покоя не знал. Наклонилась, поцеловала венчик на лбу, не касаясь губами. Да так и осталась стоять. Выждав для приличия маленько и не увидев больше желающих проститься с умершим, два здоровенных бугая, отбросив окурки, заколотили крышку гвоздями и торопливо опустили Ивана в могилу, головой на восток, ловко выдернув из-под ящика облезлые веревки. С каменным лицом бросила она три горсти земли на крышку гроба. Мужики стали быстро орудовать лопатами, закидывая яму землей. В ногах крест православный поставили, восьмиконечный, украсили свежий холмик еловыми ветками из небольшого букетиком подснежников, еще влажных, с упругими стеблями, хранящими тепло чьих-то рук. «Земля, природы мать, – ее же и могила: что породила, то и схоронила», задумчиво изрек «полоумный» Васька.

На поминки в столовую пришли всем селом – чтоб Ивана помянуть, самим поесть-попить, да вспомнить собственных покойников. За длинным столом подавали пироги, соленую рыбу, овощи, фрукты, конфеты и печенье. В центре красовались румяные блины и кутья с изюмом да густой патокой, с них и начали трапезу, не забыв помолиться за покойного и поставить ему полную рюмочку с хлебом. Пили и ели много – да всё ложкой, курили, тяготиною разводили. После трех стопок фестивалить стали: шутки травить с прибаутками, старухи дурными голосами песнь затянули. Пили за Людку-вдову стоя, за их с Иваном сынушку, что не доехал до батьки, за жизнь, за друзей и соседей, за здоровье, кажись, даже за Сталина. Пить-то сильно хотелось, а без тоста не принято. Наконец разбрелись по домам, видать, доктора тутошнего постыдились, Алексея Пальча, невысокого, голубоглазого мужчины

с жесткими щетинистыми волосами, такими светлыми, что они были светлее его лица. Когда-то они с Людой работали бок о бок: он – врачом, она – фельдшером. Оба были молоды, вели на дежурстве умные разговоры, нравился он ей тем, что ни на маковое зернышко похож не был на других парней – дюже культурный, добрый... Душа-человек. А потом... потом она пошла замуж за Ивана, забрюхатела, и всё рухнуло. Дальше был сон. Самый кошмарный и самый длинный сон в ее жизни. Он длился многие дни, недели, месяцы, годы... А Алексей вскорости уехал то ли в Сибирь, то ли на Дальний Восток. И вот, оказывается, вернулся лишь немногим более месяца назад. Бабы на селе чирикают, что вдовец он теперича. Завидев его на поминках, Люда удивилась до безумия. А как глянула в глаза да взгляды их встретились, он и покраснел, как юноша, да так, что лицо его белоснежное багровыми пятнами и покрылось. А она испуганно вдохнула и почувствовала, как всколыхнулось в ней что-то, как ожило прежнее чувство, которое вроде бы давно умерло, но было еще живо. И сердце ее гулко забило.

Придя во хмелю в одинокий дом, Люда первым делом выгребла из кармана деньги, дважды пересчитала – не густо, не окупились похороны, но, как говорится, и на том спасибо. Спрятала наличность в нижний ящик комода, встала, и тут взгляд ее упал на зеркало. Перед ней стояла поседевшая хмурая женщина с лицом, скрытым тенью вдовьего платка и по-зимнему быстро надвинувшихся сумерек. Точно старуха! Вся жизнь ее серая да бестолковая перед глазами пролетела, да и потухла вмиг, словно и не было ее вовсе.

Неспешно стянув с головы платок, она распустила волосы и долго их расчесывала. Потом вдруг кинулась к широкому, окованному железными полосами сундуку со всяким тряпьем, отворила его, громко звякнув навесным замком. На глаза попались заплесневелые и поеденные молью, оставшиеся от свадьбы рубашки-длиннорукавки с вышивкой, рушники из беленого льна, отделанные красным шелком и вышитые золотой

нитью, пояса тканые с узлами в бахроме. Обилие красного, цвета жизни и плодородия, взбодрило ее, взбудоражило. Засунув руку под свекровину пряжу, полотенчики-салфеточки, старую скатерть, расшитую гарусом, она нащупала на самом дне сверток. В нем было платье цвета спелого персика – давненько сынок из Москвы привозил, да всё негде было носить. Обидно. Берегла его на счастливый день, да не случилось такого. Знать бы, будет ли впору или к портнихе нести придется? Здесь же лежали аккуратно под стать платью бусы с крупными бусинами, и туфли с каблучком – обзавелась ими, когда техникум закончила. Про них то она и напрочь забыла! А нынче чудо как возрадовалась, так радуются при встрече со старыми знакомыми, с которыми с давних пор не делились и от которых думают услышать что-то новое и путное.

Напялила платье, влезла ногами в туфли. Попробовала окинуть себя взглядом со стороны и невольно залюбовалась: до того ладная да фигуристая бабенка. Наряд придавал ее бледным чертам смелости, вдохнул в нее жизни. Распущенные волосы легкомысленно с плеч спадали, да и ноги, пусть и натруженные, с мозолями, оказались всё еще ровнехонькие да стройные.

И совсем еще не старуха! – вырвалось из груди. – Полтинник в недавне разменяла, а ничего. Всю жизнь пахала, ломала хребтину как лошадь, так ужель себе право на счастье не заработала?

Сказала, и легкий испуг пробежал по ее телу...

Покойный Иван слов сих бестыжих не слышал, да и нарядов не видал. Он спал, крепко скрепив руки, глубоко под окоченелой землей, в тиши и покое. А жена его, Людка, осталась наверху, в заснеженном холодном мире. Да только, поди, недолго осталось ей тепла ждать: февраль уж в дорогу сбирался, и чувствовалось робкое, едва уловимое дыхание весны. Оно дурманило воздух и всё живое на земле, поднимало соки в деревьях, чьи почки сбрасывали окочевы льда, и несло с собой пьянящее ожидание перемен.

СПЛОШНАЯ ЛИНИЯ

Алексей ЖУКОВ

Живет в г. Риге, Латвия.

Машину тряхнуло.

Рита покосилась на мужа: тот недовольно скривился, но промолчал. Но тут колесо опять наскочило на яму, и Игорь не выдержал:

– Господи, Рита! Ты не видишь эти долбанные дыры? Это же не дорога, а чертово решето!

Рита прикусила язык, хотя «ответочка» уже лезла на язык. Умник, блин! Как их увидишь, когда сумерки такие, что даже сосны на обочине сливаются в сплошной серый частокол.

Она переключила на нейтралку, сбавляя скорость накатом. Когда стрелка спидометра показала девяносто, она снова воткнула передачу. Но педаль сцепления соскочила с тufельки, и «Тойоту» ощутимо тряхнуло.

– Ты издеваешься? – Игорь взмахнул руками. – Неделю назад только сцепление поменял!

Она снова промолчала, лишь костяшки пальцев побелели на руле. Ответное раздражение набирало силу. Добавляла еще и «Нива», тошнившая впереди со скоростью в семьдесят, хотя черта города осталась позади уже с десятком километров.

Выждав, она решила на обгон и вдавила акселератор. Однако водитель «Нивы» словно проснулся, а может и назло, но тотчас же втопил до сотни. Это еще больше раззадорило Риту, и вместо того, чтобы вернуться, она разогналась еще больше. Впереди уже маячил красный свет железнодорожного переезда, когда ей удалось вернуться на свою полосу.

– Тормози! – Игорь подавил желание схватиться за руль. Со всем сбрендил, что ли? Как школьница!

Но Рита и так уже тормозила.

«Тойота» остановилась перед опустившимся шлагбаумом. Хотя капот и влез немного под красно-белую деревяшку.

– Ты бы еще под поезд залезла...

– Ну не залезла же!

– Я уже молчу, про сплошную, которую ты проехала.

– А ты что – инструктор? – взорвалась она. – Что ты на меня насел? Недоперепил?

– Рита...

Игорь понял, что перегнул, но было поздно.

– Что – Рита? – В голосе жены звонко билось раздражение. – Чего ты сам за руль не сел? Ах, ну да! Тебе же надо было «намахать»!

– Не начинай... Я пропустил-то всего три пива. Мы с ребятами сто лет не виделись!

– И конечно сразу надо «накидаться»?!

– Да не напивались мы! – гаркнул Игорь и осекся.

– Не кричи на меня! – взвилась Рита. – На дружков своих алкашей ори, а меня не трожь!

– Ну, Рит...

– Убери руки! – Она откинула ладонь на плечо ладонь. – Пожалеть тебя, что ли? Иди к мамочке своей! Она-то сынку приласкает, не то, что злобная невестка.

– Маму не приплетай! – Игорь выдохнул, но остановиться не смог. – Твоя-то тоже хороша! В глаза – Игореша, Игорешенька! А за спиной? Лицемерная с...

– Ах ты! – Рита замахнулась, чтобы дать пощечину, но муж оттолкнул руку, и она больно ударилась о панель. Обручальное кольцо впилось в палец, и ей стоило огромных усилий не скинуть его на пол.

На глаза навернулись слезы. Она снова заговорила, что-то на-

рочито обидное. Тяжелые слова уже не искали истины, а просто били наотмашь. Игорь что-то отвечал, пытался перебить, звенела хлесткая ругань. Весь этот поток проносился над сознанием обоих, размываясь в неразборчивый шум. И лишь обида, как накипь, оседала в обоих крепким налетом.

Вскоре слова и вовсе потонули в грохоте приближавшегося состава. Товарные вагоны гремели так, что фразы рассыпались, едва слетев с губ.

Тогда супруги замолчали, уставившись в ползущие перед ними цистерны. В красных отсветах светофора те казались демонами из преисподней, выбравшимися поглумиться над ними. И ползущими нарочно неспешно, чтобы напиться разыгравшейся перепалкой.

Игорю хотелось выйти из машины и пойти прочь, не оглядываясь. Вдоль путей, вслед уходящему составу. Вслед грохоту, чтоб заглушил обиду и дурные мысли.

Рите же хотелось просто исчезнуть. Уйти, уехать на попутке или «ломануться» через лес. Просто взять и пропасть, но чтоб тяжелый груз слов остался здесь и не последовал за ней.

Но что-то держало обоих. Руки даже не потянулись к дверцам. И когда поезд ушел, а шлагбаум подняли, Рита просто включила передачу, и они поехали дальше.

Ехали молча. Урчал двигатель, шумел встречный ветер, скрипела на кочках подвеска. Но никто не нарушал тягостного молчания. Даже когда Рита перепутала передачу, и машину вновь ощутимо трянуло, Игорь просто отвел глаза.

Лесная дорога тянулась монотонно. Встречных машин не было, попутные разъехались по своим поворотам. Стемнело совсем, и мрак накатывал со всех сторон, превращая шоссе в подобие тоннеля.

Свет фар выхватывал лишь кусочки асфальта, но с неизменной разделительной полосой. Казалось даже, что кусочки эти, нанизанные на белый стержень, просто идут по кругу. А «Тойота», будто

белка в колесе, наворачивает по ним виток за витком.

Подогретая обидой, фантазия ложилась на разум сонной пеленой. Нет-нет, она не усыпляла. Но убаюкивала настолько, что мир за границей света попросту переставал существовать.

Потому она и не расслышала вскрика мужа:

– Осторожно!

На границе тьмы мелькнула фигура косули. Животное выскочило с обочины и замерло, ослепленное светом фар.

Рита резко вывернула руль и вдавила тормоз. Машину крутануло и понесло к противоположной обочине.

Дальнейшее происходило, будто в пелене.

Рита слышала дребезг, слышала хруст и звон. Защекотало лицо, будто прыснуло по коже ледяной крошкой. Она почувствовала, как внутри образовался тугой комок, а вместо ремней к груди прижались железные прутья. Да так, что выдохнуть получалось через раз. А по всем нервным окончаниям прокатился болезненный импульс, пропитанный диким страхом.

Спустя несколько секунд пелена спала. Отступила и боль со страхом, и Рита поняла, что это был просто приступ паники.

Машина стояла на противоположной обочине. Двигатель был заглушен, но особых повреждений заметно не было. Даже лобовое, хоть и поцарапанное накануне изношенными «дворниками», оказалось вполне целым.

– Рита... – Игорь положил ей руку на плечо. Странно, но сейчас ей совсем не хотелось ее скидывать. Даже наоборот. Она чувствовала исходящее из его пальцев тепло. Родное, любимое. – Ты прости меня. Я был не прав.

Рита посмотрела мужу в глаза. Грусть таилась в них, но любви было гораздо больше. И это были те самые глаза, в которых она всегда тонула без остатка.

– Я люблю тебя! Люблю! Знай это, несмотря ни на что.

– И я тебя... люблю, – произнесла Рита и выдохнула. Тягость уходила, вместе с ней улетучивалась и обида.

– Спасибо. Я счастлив. Действительно счастлив. Спасибо.

Он улыбнулся, но грусти в улыбке прибавилось. А потом замахнулся, и вlepил ей пощечину. Со всей силы.

– Ты с ума сошел?

Но Игорь замахнулся, и снова дал ей оплеуху:

– Не спи! Не спи, Рита! – повторял он. Яростно, но все с той же грустной улыбкой. – Не спи!

Она почувствовала, как на грудь вновь наваливается тяжесть. Рита хотела закрыться, но не могла. Хотела кричать, но язык не слушался. Лишь тяжесть продолжала сжимать ребра, подминая ее под собой, и закрывая странный взгляд Игоря.

– Не спи!

Женщина закашляла. Стекланная крошка посыпалась с ее щек, будто слезы.

– Она в сознании! – Крикнул врач. – Давайте, ребята, грузим! Только аккуратно, у нее серьезный перелом грудной клетки!

Санитары быстро, но без лишней суеты, затолкали носилки в салон «реанимации». Команда медиков работала слажено, как всегда.

Врач бросил последний взгляд на раскуроченную «Тойоту».

Перед машины будто обнял дерево. Лохмотья сработавших подушек свисали и лежали среди битого стекла, а на остатках капота блестели свежие пятна крови. Передняя панель свисала на вдавленном в салон двигателе.

К счастью, это была не кровь женщины. Хотя присказка: «к счастью» тут была излишня. Но все же, она выжила.

– Чудо... – Пробормотал врач, запрыгивая следом. – Просто чудо...

Захлопнулись створки, и, вспугнув окружающий массив сиреной и синими огнями, машина устремилась к городу.

Маневрируя с места ДТП, она чуть не зацепила другую «скорую». Такую же белую газель с красным крестом, только с панелями вместо салонных окон.

Санитары, возившиеся возле нее, не торопились. Один, пожилой, затягивал ремни на носилках, закрепляя их на темном полиэтилене. Второй, молодой, отошел на несколько шагов и ругался по телефону:

– Я тебе говорил, что купим? Значит, купим! Хватит капать мне на мозг! – Он отчаянно жестикулировал, будто собеседник мог его увидеть. – Никуда эта секция не денется! В этом магазине или другом, но не раньше зарплаты. Я на «труповозке» работаю, а не «Боинге»!

С полминуты санитар слушал эмоциональную речь на том конце провода, потом зарычал, и выключил телефон:

– Овца тупая!

Пожилый посмотрел на его с сочувствием и осуждением одновременно:

– Зря ты так, Петя. Наговорить можно много чего, да за всей шушерой главного не упустить.

– Петрович, да что там главное? – Молодой кинул телефон в карман спецовки. – Она же мне мозг съела! Пять лет женаты, а все по кругу!

– Ты, когда за рулем, сплошную часто пересекаешь?

– Чего? – Молодой моргнул непонимающе, но ответил:

– Я же не дурак! Мне права карман не тянут. Ну... Разве что случайно...

– Случайно, или пока «гайцы» не видят. Верно? – Тот нехотя кивнул. – Аккуратненько главное пересячь обратно, и снова все в ажуре. А вот эту сплошную, – Петрович застегнул молнию мешка. Темный материал лег на неподвижную грудь погибшего, скрывая страшные раны, – пересекаешь только раз. И никогда не узнаешь, когда это случится.

– Ты к чему это?

– А к тому, что тебе решать. Бытовая шелуха будет на этой линии, или все-таки главное. – Петрович на секунду опустил взгляд. – Вот ты сейчас смотришь на меня, и думаешь: что за чушь он несет, старый придурок. – Пожилой санитар вновь поднял глаза, и Петр вздрогнул от их пронзительного холода. – А ведь я так же, только двадцать лет назад, не успел сказать жене главного. Отругать успел, за то, что свет не выключила, и тот горел всю ночь. Про счетчик и безалаберность – тоже успел. А главного – нет. Так что...

Петрович тяжело вздохнул.

– Так что просто позвони ей. И скажи то, что у тебя в сердце, а не на языке.

В

Жил на свете Крокодил.
Крокодила звали Ил.

Неизвестно, отчего
Звали странно так его.
Может, оттого, что Ил
В иле прятаться любил?

Может, оттого, что был
Он похож на мощный «Ил»?
В чем отличие крокодила?
Нет у крокодила крыльев!
И хвосты у крокодилов
Не такие, как у «Илов».
И шасси, конечно, нет.
И другой немного цвет.

В остальном же крокодил –
Самый настоящий «Ил»!

Автор Александр Драт.
Художник Ирина Старцева.

В

ОНИ УХОДЯТ

Юрий ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург.

*«...Может, лучшей и нету на свете калитки в Ничто.
Человек мостовой, ты сказал бы, что лучшей не надо,
Вниз по темной реке уплывая в бесцветном пальто,
Чьи застежки одни и спасали тебя от распада.
Тщетно драхму во рту твоём ищет угрюмый Харон,
Тщетно некто трубит наверху в свою дудку протяжно.
Посылаю тебе безымянный прощальный поклон
С берегов неизвестно каких.
Да тебе и неважно».*

И.Бродский

Мы гости в этом мире. Как мы сюда пришли и куда уйдем – тайна, которую нам не дано знать, а может и Создатель не знает на-верняка.

Знойный полдень на лесной поляне под стрекот кузнечиков, серебряная луна смотрится в холодную реку в предутренний час, шепот любимой, шорох прибоя на морском берегу... Когда у тебя сердце сжимается от мгновения красоты, а красота это ведь всегда мгновение, даже когда ты стоишь у полотна Боттичелли, это видишь только ты и только сейчас...

А где-то, на другой стороне Земли, а может и рядом с тобой кто-то стоит с петлей на шее, и для него блеклый узор обоев или белая стена больничной палаты последнее, что он видит в эту секунду.

Предсмертный хрип, тело, пока еще тело... выгнулось дугой... Всё! Маска смерти... разум и душа покинули его.

Может быть в последнюю секунду, в последний неуловимый миг он понял... узнал все тайны жизни, но поделиться с нами уже не сможет никогда...

А может и не нужна эта тайна нам, ныне живущим? Может быть, узнав тайну мироздания, человечество уже не захочет жить? Кто знает...

Ведь не только мы, живущие сейчас, когда-нибудь уйдем, откуда нет возврата, но и человечество когда-нибудь тоже уйдет, а может, час этот близок. Ведь недаром провидцы всех мастей пугают нас концом света. Страшно умирать. Что там за незримой чертой? Вечная темнота, или какой-то всё же свет? А если уходить придется всему человечеству?!

Такой безысходный ужас для тех, кто будет уходить последним.

А ведь когда-то это случится...

12.03.

Все-таки Лена меня уговорила.

Как каждый мальчишка в детстве, конечно, мечтал о собаке, но двухкомнатная «хрущёба»... Два раза приносил домой щенков дворняжской породы, и оба раза отцу приходилось пристраивать теплые мохнатые комочки в «добрые руки». Мечтал, конечно, о большом и грозном друге.

Сейчас думал взять пса среднего роста. С годами начинаешь понимать, чем больше животное, тем больше проблем. Лене нравятся карманные собачки, сейчас модны шпицы, но я не хотел совсем уж маленькую пародию на собаку. Особенно раздражают мелкие пустилайки, которых развелось сейчас невероятное множество. Только у нас в подъезде живут три такие, с позволения сказать, собаки. Стоит такая пигалица на дрожащих лапках и лает мерзостным писклявым голосом, а то еще старается и за штанину ухватить, хотя сама боится собственной тени!

Вот так подумаешь, и пропадает всякое желание покупать кого-либо!

Но на этот раз я выступал в роли главы семейства, и уже Лене пришлось уговаривать меня купить щенка. С большой неохотой согласился, вырвав клятвенное обещание заботиться о будущем питомце вместе. Хотя по большому счету любая животинына в современной квартире добавляет только лишние хлопоты.

В «инете» не пришли к «консенсусу» и решили посмотреть, может быть, кто-нибудь понравится на «Птичке».

Здесь не был, наверное, лет десять. Оказывается, от птичьего рынка почти ничего не осталось! Длинные ряды завешаны китайским ширпотребом, гортанный говор вездесущих сынов гор, редкие бутики с хозяйственными товарами. Под ногами снег перемешан с грязью. Мы прошли добрую половину рынка, пока добрались до закутка, где теперь продают животных.

Это оказалось самое грязное место на всем рынке, даже не смотря на то, что санитарное состояние всей территории не блестяще чистой и порядком. Если в рядах хоть изредка проглядывает асфальт, то здесь огромная лужа снежной каши добралась почти до самых прилавков, прямо посередине брошены затоптанные поддоны. По ним с великими трудами с риском оступиться бродят потенциальные покупатели.

Оказывается, появился новый вид бизнеса на животных! Если у чьей-то собаки или кошки появляются нежелательные малыши, теперь можно не беспокоиться о судьбе потомства. Добрые тети за определенную таксу пристраивают мохнатых, видимо на эти поступления и живут. Судя по потрепанному виду, особо не процветают.

Мы медленно идем вдоль рядов. Кого здесь только нет! В клетках и переносках сидят, ползают или спят представители всех известных пород, а чаще дворняги с поддельными родословными. Рядом рекламируют свой товар коллеги незабвенного Швейка.

Лена остановилась у клетки со шпицами, а точнее, то, что здесь выдавали за оную породу, тоже решил взглянуть, и сразу же удар! То, что произошло, по-другому назвать нельзя! Как будто на голову обрушилась какая-то масса непередаваемых ощущений. Меня даже качнуло! Какая-то дикая смесь отчаяния, тоски по утраченной голубой гармонии и покоя. И вся мешанина тоски и печали навалилась как-то вдруг, без последовательности, одновременно, без связи с окружающей действительностью.

Безнадежная тоска и обреченность от серости и грязи бесприютного места и мира, в котором оказалось существо.

Мыслеобразы, а как по-другому это можно назвать, промелькнули мгновенно, и это были не слова, да и какими-то разрозненными картинками не назовешь такой резкий и яркий поток информации.

Всё заняло, может быть, какие-то доли секунды, я даже не представлял, что можно получить бездну ярких образов за неуловимый миг времени!

Тряхнул головой, посмотрел вверх, ничего кроме вспорхнувших голубей не увидел, оглянулся. Лена наклонилась к клетке со щенками.

Рядом с прилавками, но все же чуть поодаль стоит молодая бродяжка и пристально смотрит на меня. Как только мы встретились взглядами, я опять почувствовал удар, хотя на этот раз уже не такой сильный. Такая тоска и неустраиваемость во взгляде! Она безмолвно кричит о своем горе в чуждом месте и мире, куда судьба забросила ее. Невольно отвел глаза.

Щенка мы так и не выбрали.

Молча, веду машину, из головы не идет девушка-нищенка. Что это!? Телепатия? Она явно хотела что-то сказать, но рядом сотни людей, неужели никто не слышал, не чувствовал ее крик, или как еще можно назвать то, что ощутил я!

Рядом щебетала о собачьих проблемах Лена.

Невольно подумал, ведь знаю ее очень мало. Мы познакомились то каких-то месяца три назад. Может быть, и собака только предлог, чтобы создать хоть какую-то основу наших взаимоотношений.

Знаю, что у нее сын учится в «Нахимовском» в Питере. Муж пил, развелась с ним давно. Сказала, что только от общих знакомых узнала о его смерти уже после похорон.

Мы с Натальей расстались почти два года назад. Подумал и поморщился. Лучше не вспоминать тех, кто считает тебя виновником всех бед и даже поломанной жизни! Хотя истина где-то посередине, а может, действительно, виноват больше я?

Лена что-то почувствовала:

– Ты что такой?..

– Какой? – усмехнулся.

– Что-то случилось?

Мельком взглянул на нее, вдруг она показалась такой жалкой, в напрасных потугах остановить следы начинающего увядания.

Кто она мне и я ей? Ведь у нас нет сумасшедшей любви, да если она и бывает, да то, наверное, только в юности, если вообще бывает...

Нам хорошо вдвоем?.. Но вечером часто не о чем говорить... Разве можно прожить остаток жизни вот так глаза в глаза... Это сейчас, а дальше? Так ведь недалеко и до ненависти...

Что со мной? Так повлияла встреча с безвестной девчонкой? Или я всерьез не задумывался о жизни с Еленой... Плыл по течению, куда вынесет, а оказывается вот он поворот и, надо решать, может пора на берег?..

Не глядя на несостоявшуюся спутницу, сказал:

– Я сейчас тебя домой отвезу.

Встревоженные непонимающие глаза:

– У тебя что-то срочное? С работы звонили?

Онемевшими губами выдавил:

– Нам лучше расстаться!

– Так!.. – молча, осмысливает услышанное. – Косоголов разболтал все-таки!

Ни в чем не виноватый Серега оказался крайним. Интересно, о чем он умолчал?

Злые слезы в глазах:

– Останови машину!

– Я тебя домой отвезу...

Она жестким, с надрывом голосом:

– Остановись! На метро доеду!

Вышла из машины, бросила на сиденье ключи:

– Не смей мне звонить! За вещами Рита зайдет!

С неожиданной силой хлопнула дверцей.

Опять иду вдоль рядов. Что я ей скажу? Как подойти к абсолютно незнакомому человеку?

Она стоит там же около прилавка с разномастными котятками. В нерешительности остановился. Взглянула на меня, опять взрыв в голове последовательных ярких образов, как кадры кино, только

более ярких и объемных. Почувствовал даже музыкальный ритм, как будто меня спрашивают на незнакомом языке, только это язык образов, а не слов.

Нерешительно приблизился, она смотрит на меня, в глазах боль и смутение.

В наше время даже бомжи одеваются более прилично. Существует множество благотворительных фондов, церковь одевает и кормит неимущих, выдает только грязь на одежде, да специфическая внешность любителей горячительных напитков. То, что одето на девчонке, даже последний бомж вряд ли наденет! Беспорочная куртка, первоначальный цвет которой уже с трудом угадывается, на голых без колготок ногах сапоги со сломанной молнией явно больше ступни на несколько размеров, но на удивление чистое очень красивое лицо. На вид не больше восемнадцати-двадцати лет, но скорее всего еще меньше. В таких условиях человек раньше взрослеет и старится.

– Тебя как зовут?

Продавцы уставились на нас, она молчит, но я опять вижу разноцветные образы. Рынок, люди вокруг нас растворяются, краски становятся яснее и объемнее. Тряхнул головой, видения исчезли, остались только ждущие чего-то глаза.

– Немая она, милоч!

Старушка с котятками с состраданием смотрит на нее.

– С утра тут стоит, с места не сходит! – вздохнула. – Вроде как не в себе девка! Мы с Натальей Николаевной покормить ее хотели, так не берет. Животин лечит. Вон у меня котенок хроменький, она глянула, лапку ему как пластилиновую выправила, он даже не пикнул! Уже отдала людям, сто рублей дали! Божеский человек! Ее бы в церкву куда!

Опять тяжелый вздох. Подошла соседка, потрепанная женщина средних лет:

– Вы, наверное, на машине? В больницу бы ее... – вздохнула. – Я уже Васе-милиционеру, тьфу ты! Полицейскому говорила, да толку-то!..

Потянул ее за рукав, на миг брезгливость от прикосновения к грязной куртке. Она взглянула

вопросительно, в голове уже привычные картинки.

Неожиданно для себя попытался в голове изобразить собственный автомобиль, получилось!

Она легко пошла рядом со мной. Со стороны интересная образовалась пара, солидный дядя рядом с оборванной девичей. Она каким-то звериным чутьем почувствовала мое стеснение и отстала, я оглянулся, мягкий толчок, понял, странная девчонка пойдет за мной.

Открыл машину, на миг с сожалением взглянул на новые чехлы. Обернулся и у меня самопроизвольно открылся рот, девчонка сбросила свой балахон, а под ним нет ничего! Идеальная точеная фигура, очень красивая грудь... Она тем временем села в салон, я автоматически захлопнул дверь, но у меня нет даже тонировки передних стекол!

Поодаль два ошарашенных киргиза застыли истуканами, вдруг начали ожесточенно жестикулировать, показывая руками на машину, заговорили, один хлопнул другого по плечу, рассмеялись. Какой-то дедушка качает головой и с осуждением смотрит на нас.

Постарался сделать невозможным лицо, открыл багажник, там у меня старый плед. Хорошо хоть нет никого знакомых! Девушка правильно поняла меня, даже спряталась под плед с лицом. Я хмыкнул и убрал покрывало с головы, набросив край на сиденье, на миг коснулся теплой кожи на шее, желание мягкой волной толкнулось в груди, она мгновенно отозвалась легкими мягкими образами. Пристегнул ремень, стараясь не коснуться ее.

Куда ехать? В больницу? Но, судя по всему, она абсолютно здорова... В «психушку», но вспомнил давнее посещение знакомого в этом доме скорби, запах неправимой беды, серые халаты пациентов... Смогут ли понять, что с ней, ведь на рынке сотни людей, а почувствовал и увидел ее боль и неприкаянность только я! В церковь или в монастырь? Но что скажу служителям, да и примут ли ее там... не знаю, кто она, откуда... Может быть, в полицию? Но куда они ее денут? В «обезьянник», к бомжам?

Домой? Но в таком виде... немыслимо! А потом куда ее? И вообще, зачем я с ней связался! Мало своих проблем!

Она сразу почувствовала перемену моего настроения. Не хватало еще, чтобы незнакомая девчонка копалась в моей голове! Но я постарался, как мог, успокоить свою невольную спутницу, и опять получилось!

Ладно! Разберемся дома!

Только как ее доставить до квартиры? Около подъезда всегда бабушки на лавочке, тем более солнышко выглянуло...

Придется заехать в магазин, купить какое-нибудь платье или хотя бы халат.

Оказывается, ехать с экстрасенсом за рулем не безопасно. Моя спутница или задумалась, или еще по какой-либо причине, но вместо дороги у меня перед глазами неожиданно оказался невиданный сиренево-голубой мир...

Резко по тормозам! Сзади возмущенные гудки! Серая стена и без перехода – дорога!

Соседи по полосе наверняка решили, что за рулем сумасшедший. Машина двигается, постепенно прихожу в себя, осторожно перестраиваюсь в крайний правый ряд, притормаживаю. Руки дрожат, трясу головой.

Наконец посмотрел на спутницу, благожелательное внимательное лицо. Судя по всему, она даже не успела испугаться. Придется срочно объясниться, иначе не избежать аварии.

Осторожно двигаюсь до кармана, остановился, выдохнул. Дрожь отпустила, но спина мокрая. Прихожу в себя после пережитого страха.

Как ей объяснить, чтобы чудачка не от мира сего смогла меня понять? Попробовал представить свою машину, на этот раз получилось не очень, какой-то игрушечный автомобиль, но вот крутящиеся колеса – поехали! Представил ее сиреневый мир, получилась какая-то наивная картинка, сразу резко яркие объемные образы, серая стена! Значит, я могу ставить блок от ее видений, ведь такая же стена возникла передо мной и во время движения! Потряс головой, похоже, с ней это может превратиться в дурную привычку. Вздох-

нул. Нужно как-то по-другому. Вопросительный доброжелательный взгляд, явно хочет понять, что я хочу.

Попытался представить, что вижу во время движения, получилась картинка, как на регистраторе, еще раз сиреневый мир, перечеркнутый красным крестом, тут же в секторах креста разные образы сиреневого мира, серая стена, удержался от желания потрясти головой.

Еще раз! Опять картинка регистратора, внезапно сиреневый мир, торможение, серая стена, возмущенные сигналы, и опять движение, но уже медленное.

– Поняла? – спросил вслух, она даже не кивнула, но какое-то понимание во взгляде я прочитал. Вдруг впервые увидел янтарный цвет ее глаз. Может быть, поменялось освещение, или я не обращал внимания, попытался вспомнить, сразу увидел очень близко ее глаза. Цвет меняется с темного янтаря до бирюзового, а вот они уже карие, и наконец, черные и бездонные, как темнота, которая когда-то придет за нами, но нет, они уже нестерпимо яркие, может быть не тьма ждет нас, а вот такой яркий и манящий свет?..

Не удержался и опять потряс головой. От непривычных усилий пульсирующая боль в висках.

Кто она? Откуда? Не знает элементарных вещей, да что там вещей, даже жесты, которые человек узнает в самом раннем детстве, ей не знакомы. Захватило дух от предположений. Но как она оказалась в одежде бомжа в захламленном углу захудалого рынка? К сожалению, с ней трудно, даже пока невозможно объяснить. Если даже с превеликим трудом смог показать ей, чтобы она не отвлекала меня от вождения, и то не уверен, что она поняла, то, как смогу узнать, кто она и откуда!

Осторожно тронулся, еду медленно строго в правом ряду.

Только сейчас подумал, ведь можно на рынке купить ей недорогую одежду, но возвращаться не стал, припарковался на стоянке у большого супермаркета, однажды сюда ездили с Леной, она хвалила здешний бутик. Сфотографировал спутницу на телефон. Вспышка, и уже привычные мыслеобразы.

Стена! Поморщился, уже проще получилось показать ее в салоне, неожиданно она оказалась обнаженной! Стена! Еще раз, уже лучше! Представить себя со стороны оказалось сложнее, но вроде бы получилось.

– Поняла?

Она явно слышит, реагирует на звуки, правда не всегда адекватно. Опять увидел понимание, а может мне только показалось? На всякий случай поставил машину на «сигналку».

Тучной продавщице, наверняка работавшей еще в советской торговле, рассказал заготовленную легенду о молодой деревенской родственнице, показал фото, объяснил, что бумажку с размеров потерял. Та без лишнего вопросов, показала, где находятся подходящие вещи. После ее короткой консультации купил неброский брючный костюм.

Да! Лучше было бы вернуться на «птичку». Купил щеночка!

Уже на выходе увидел у молодой девушки комнатные тапочки, купил на глаз тридцать седьмой размер. Перехватил странно задумчивый взгляд ветерана советской торговли.

Возникла неожиданная проблема, где моя спутница будет переодеваться. Устроить бесплатный сеанс стриптиза на стоянке не входит в мои планы, надеюсь и в ее!

Также неспешно мы добрались до лесопарка. Она с удивленной улыбкой рассматривает обновки. Безо всякого стеснения вышла из машины уже без пледа и начала примерку. Хорошо хоть погода не располагает к прогулкам, да и я нашел укромное местечко, зрителей не оказалось, но все равно приходилось постоянно нервно оглядываться. Костюм пришелся в пору, спасибо опытной продавщице. Моя бродяжка преобразилась, только тапочки вносят некоторый диссонанс, ну да до квартиры теперь уже доберемся, не создавая ненужный ажиотаж.

Во дворе на удивление удалось поставить машину прямо под окнами, но бабушки на боевом посту. Любопытными взглядами проводили нас до подъезда, но, слава богу, обошлось без комментариев

и вопросов. С Софьей Леонтьев-ной мы с Леной здоровались, когда уезжали на рынок. Судя по ехидной, понимающей ухмылке, теперь есть тема для разговоров о падении нравственности современной молодежи.

С облегчением выдохнул, щелкнув замком.

Еще в машине решил, что мое рыночное приобретение первым делом должно принять ванну, мне не давала покоя помойная куртка, да и сапоги доверия не внушали. Она с любопытством осматривается, открыл воду в ванной и собрал в пакет вещи несостоявшейся жены. Позвал ее:

– Как те-бя зо-вут?

Непонимающие вопросительные глаза, на этот раз карие, или все-таки влияет освещение? Показал пальцем на себя:

– Я Антон! – показал на нее. – А ты?

Даже не успел опустить палец. Разноцветный kaleidoscope, какофония звуков, но с неуловимой гармонией. Фейерверк запахов, оказывается, они не только пахнут, они вещественны! Одни как бесформенные глыбы льда, другие – капли огненной лавы, мимо проплывает струя мелких шариков, строго симметричная невероятной трудноуловимой сложности. Свет волнами, чистые вымытые цвета, не смешиваясь, переливаются, они прозрачны, их пересекают другие, и так без конца... Звуки! Тоже волны! Огромными валами летят на меня, и проходят сквозь, заметно меняясь. Помехами звучат даже капли на пенных гребнях! Гладкие и беспорядочные, с еле уловимым ритмом, и вместе с ними накатывает необъяснимый ужас, как в ночном кошмаре...

Я здесь, в ванной, но вижу все вокруг себя, стены прозрачны, нет ни пола, ни потолка, подо мной, рядом, сверху размытые силуэты людей, но я могу увидеть их полностью, даже что каждый ел на обед... Вижу себя, я прозрачен! Вижу косточки пальцев, сложнейшая сеть капилляров, кровь и лимфа струятся по жилам...

Стена! Серое еле видимое пятно, но оно тает! Стена! Я снова пытаюсь поставить перед собой серую непрозрачную стену! Она проявляется, закрывая невыноси-

мую картину невидимого мира, но ее скрывает темнота чернее самой темной ночи, кружит и затягивает, оттуда нет возврата!..

Передо мной ласковые все понимающие глаза, на этот раз зеленые, как весенняя трава, звуки льющейся воды, это река, горная река, только в горах так летит вода, переворачивая камни.

С трудом поднял непослушные веки, глаза смотрят на меня, то же понимание и ласка. Это сон, или я сейчас сплю?

Лежу в собственной кровати, дома, но как я здесь оказался? Приглушенный звук льющейся воды...

Девочка-бродяжка! «Птичка!» Ванна...

Рывком сел в постели! Повело в сторону, перед глазами все плывет, комната кружится и качается рывками, оперся рукой о постель. Закрыв глаза и прижал веки пальцами, сидел. Качается медленнее и плавней. Осторожно встал, девушка с неожиданной силой поддержала. С неудовольствием покосился, наткнувшись на участливый взгляд. У нее идеально красивое лицо, теплые глаза, но кажется в ванной вода уже на полу!

Из крана толстенная струя бьет о дно, чуть прикрытое желтоватой водой. Сколько я был без сознания!? Ванна смещается вправо, пол плывет подо мной, оперся о край, на миг прикрыл глаза. Краем сознания почувствовал жесткую руку на плече, только она сейчас держит меня в привычном мире, который из-за нее сводит меня с ума.

Непослушными руками перекрыл воду, добрал до кровати и провалился в спасительный сон.

Голубой приветливый мир, здесь хорошо и покойно, нет никаких желаний, нет страданий и боли, только покой и ласковая тишина... Звук... надоедливый звук, сверлящей болью вторгается в сознание...

Телефон! На ощупь не открывая глаз, пытаюсь нащупать содовый. С трудом разлепил веки. Рита! Поморщился, но поднес к уху:

– Слушаю! – голос со сна хриплый.

– Что у вас там с Ленкой? – напористый голос.

– Здравствуй! Ты не можешь позже перезвонить?..

Краем глаза заметил, девочка стоит у кровати в том же костюме и тапочках, уже темнеет, в доме напротив светятся окна. Она, что так и стояла все это время?

– Ты что напился там с горя? На тебя вроде не похоже...

Сморщился, общая знакомая как всегда бесцеремонна и напориста:

– У меня голова трещит!..

Она опять перебила, констатируя:

– Точно наклюкался! – со злорадством, не стал разубеждать:

– Завтра тебе перезвоню!

– Завтра ты на дачу уезжаем!

У нас там сотовый не берет! Это ведь я вас познакомила...

Не дослушав, отключился.

Задумчиво рассматриваю гостью. Что же мне с тобой делать? То, что девушка не от мира сего – понятно, а дальше? Хорошо бы обратиться к хорошему психиатру или психологу...

Перебрал в уме друзей и знакомых. Слава Чернавский медицинский заканчивал, правда сейчас у него бизнес свой, но, наверное, связи какие-то остались, мужик хороший, но трепло, развонит знакомым, да еще прибавит от себя для пушшего эффекта...

Семеныч... Не такие отношения, да и въедливый, где, когда... Самое главное, никто ведь не видит ее мыслеобразы, кроме меня, а какие еще можно доказательства привести? Так можно самому в «психушку» угодить ненароком...

Наконец наполнил ванну, жестом позвал гостью.

С некоторым страхом посмотрел ей в глаза. Внимательный доброжелательный взгляд. С забытым уже юношеским румянцем представил ее обнаженной, показав рукой и, стараясь отогнать неуместные эротические фантазии, продолжил лекцию по практической гигиене. Представил ее под душем, она как-то очень внимательно смотрит на воду.

В центре ванны образовался огромный водный пузырь, неспешно поднимается вверх, вбирая в себя воду, отпрянул, уперся спиной в полотенца. Пузырь под-

нимается и превращается в прозрачный, приплюснутый с полюсов шар. Ошарашено наблюдаю, шар слегка колышет над ванной, с него и с бортов ванны осыпается какой-то серый порошок, закручивается спиралью и пропадает в сливе. Я зачем-то потрогал стенки ванной, под рукой абсолютно сухая гладкая, чуть теплая поверхность.

Шар опускается обратно, на пузыре, который снова заполняет ванну, видна даже линия натяжения. Вода растеклась по ванне без всякого всплеска, как будто ничего и не произошло... Но такой голубой я не видел воду в собственной ванне никогда!

Потрогал воду, мокрая, горячая.

Посмотрел на девушку, кто она!? И на какие чудеса еще способна?

Увидел доброжелательный взгляд янтарных глаз.

Почувствовал, как желудок поднимается к горлу, головокружение, попытался опереться на стену, но с тупым удивлением почувствовал, как ноги оторвались от пола.

Парализующий страх и тошнота! Мое тело не повинуется мне! Я без всякой опоры вишу в воздухе! Когда-то в детстве мечтал летать, но сам! А сейчас, хотя и понимаю, что мне ничего не грозит, но чувство беспомощности, когда кто-то другой по своему разумению руководит твоим телом... В панике взмахнул руками, пытаюсь сохранить равновесие. Тут же мягкий толчок, ноги коснулись пола. Пока я разбирался с ногами и руками, как будто мягкие ладони поддерживали меня. Вытер пот с лица подвернувшимся полотенцем.

Избегаю ее взгляда, хорошо же смотрелся в тот момент, когда болтался в воздухе, как нашкодливый котенок!

В ванной плеск воды, гостья на практике проходит ускоренный курс водных процедур.

Первое, что подумал, разъяснился вопрос, как я оказался в кровати. Но кто она? Откуда?

Такие фокусы можно показывать в цирке и иметь бешеный успех, но что если это не только фокусы, что же она может на самом деле?! Если она, шутя, под-

нимает в воздух девяностокилограммового мужика, то это может быть левитация, вроде бы что-то подобное показывают йоги, но ванна полная воды... в ней ведь литров двести. На такой трюк ни один йог не способен!

Теперь есть что предъявить сторонним наблюдателям. Но тут же закралась предательская мысль, ведь все можно объяснить обычными галлюцинациями, или того хуже – собственным сумасшествием...

А если это святая действительность и такие фокусы для нее ничего не стоят, то, что она может на пределе своих сил, и, самое главное, где он предел?

Волшебницу решил устроить на кухонном диване.

Когда заканчивал стелить белье, почувствовал появление госты. Обернулся. В тот же момент она на миг исчезла и тут же появилась рядом со мной. Инстинктивно попытался сделать шаг назад и рухнул на диван!

Встал, стараясь сохранить невозмутимое лицо, некстати вспомнилась собственная беспомощность во время вынужденной левитации.

Уже почти привычно показал ей девушку, лежащую горизонтально на диване, даже мысленно укрыл ее одеялом. С удивлением заметил, что намного легче удаётся с ней общаться. Или оказался способным учеником, а скорее всего она ненавязчиво помогает мне.

Но на сегодня мне чудес в собственной квартире достаточно.

13.03.

Лечу над ласковой землей.

Темное зеркало реки чуть морщится на перекатах, невесомая туманная дымка стелется над водой. Абрис покатых гор почти сливается с небом и только на востоке уже чуть видна на светлой полоске далекая щетка леса. От нагретой за день земли поднимается дурманящий запах горькой полыни и тонкой струйкой вплетается аромат ночных цветов.

Тускнеющие рассветные звезды медленно закрываются плывущими темными размытыми облаками.

Светаёт. Солнца еще нет, розовая полоса бледнеет и становится ярче. Светлеет вода в реке, проступает зелень деревьев и кустов.

Ранние птицы славят наступающее утро.

Телефонный звонок. С неудовольствием взглянул на часы, зеленые цифры бесстрастно показывают шесть тридцать одну. Посмотрел на экран и похолодел, Андрюха! Рыболов несчастный! Угораздило же меня согласиться! С внутренним стоном поднял трубку.

– Ну что готов послужить Отчизне? – бодрый жизнерадостный голос.

– Слушай, тебе ведь завтра в шесть на работу вставать, а еще и в воскресенье поднялся ни свет ни заря! К тому же безвинных мирно почивающих граждан поднимаешь!

Но друга, собравшегося на рыбалку, не остановить, как новый танк «Армада», а боезапас, в отличие от железной машины, у него бесконечен!

– Давай-давай поднимайся! Сам говорил, слово мужика закон!

– Мужик хозяин своего слова, – продолжаю отбреживаться: – Как дал, так и обратно забрал!

– Никто тебя за язык не тянул, – продолжает давить Андрей, – тем более с нами еще Петрович намылился!

– О Петровиче речи не было!

– Тебе что – место в машине жалко, он обещал деньгами бензин компенсировать!

– Еще чего не хватало!

– Все равно уже проснулся, собирайся, давай! В семь около дома жду, во двор не заезжай, там приткнуться некуда!

Кляня себя за опрометчивое обещание, данное не без давления со стороны заядлого рыбака, стал одеваться.

Несмотря на ранний подъем и принуждение к абсолютно не нужной поездке, настроение приподнятое. От вчерашней головной боли не осталось и следа. Может, повлиял удивительный сон, несомненно, навеянный сказочной гостью? Кстати, как она там?

Включил свет в коридоре, чтобы не мешать спящей, но на кухне меня встретила уже привычная

ласковая улыбка. Щелкнул выключателем, бездонные медовые глаза. Все-таки они не меняются от освещения, она сама меняет их цвет, или это зависит от настроения?

Уже привычно стараюсь объяснить, что нужно срочно уехать. Похоже, язык образов скоро будет у меня вторым.

Добрался даже быстрее, чем планировал, но медведеобразная фигура уже спешит к машине. С крихтением устраиваясь рядом, Андрей спросил:

– Что с Ленкой-то не поделили?

– Ты откуда знаешь?

– Королева Марго вчера моей Насте жаловалась

– Вот без кого наша жизнь бы замерла, но оказалась бы гораздо спокойней!

– Ты колись, давай! – толкнул меня в плечо, – новая пассия!?

– Где твой Петрович?

– Вон в тот проулок сверни, он на следующем перекрестке должен ждать! – и упрямо продолжил: – Елене что полный афронт? Женщина-то нормальная, да и моей Насте понравилась...

– Давай потом поговорим, не при чужих людях!

Еще одна необъятная фигура показалась под фонарем.

В воскресное утро машин в городе почти нет, и когда начало светать, мы уже ползли по убитой лесной дороге. Хорошо, что в лесу еще держится снег. Если развезет, проехать здесь можно только на тракторе.

Открылся унылый серый берег – цель рыбаков.

– Правее возьми, – Андрей показал рукой. – Вон там можно машину поставить!

Приятель выгружаются, я тоже вышел размять ноги.

Над головой хмурое серое небо.

Безжалостно вытоптанными мыш торчит жалкими полломанными островками, только дальше от берега жухлые двухметровые метелки. Прямо в озеро уходит глубокая неряшливая колея, в стороне валяются бранные останки трактора. Продавленная ржавая кабина со следами шелушащейся оранжевой краски погрузилась глубоко в землю. Вокруг разбро-

саны детали в окаменелой смазке, кругом припорошенные снегом черные круги костровищ.

Лед около берега уже подтаивает, да и на озере кое-где отдает весенней синевой. Оказывается, мы не первые, вдалеке еле различимы редкие точки рыбаков.

– Что не переодеваешься? – Андрей распутывает ремешок рыбацких санок.

– Я домой.

– А чего с нами такую даль ехал?

Хмыкнул:

– Мужик сказал, мужик сделал!

– Ну, вы даете! – Петрович удивленно качает головой, – хоть денег на бензин возьмите!

Махнул рукой:

– Не выдумывайте! Здесь соловый ловит?

Андрей ухмыльнулся:

– Местами, – видя мое недоумение, добавил, – вон там повыше – берет, а на самом озере – непонятно. Где-то слабая связь есть, а где вообще тишина.

– Вас отсюда забирать, или сами выберетесь?

– Придется! Ни тебя ведь обратно гонять, тем более деньги брать не хочешь!

– А как без машины-то?

– Тут километра три по тропинке, доберемся!

– Договоримся с мужиками, – махнул рукой Петрович. – Здесь местных-то практически нет, только городские рыбаки.

– Звоните если что. Приеду за вами.

Дом стоит на месте, никаких видимых разрушений.

Моя фея сидит на диване всё в том же брючном костюме. Вот, кстати, проблема! Придется купить какое-нибудь нижнее белье, да и найти смену этому злополучному костюму не помешает...

– Ты будешь Таня! – неожиданно даже для самого себя брякнул и показал на нее пальцем. Уже привычно(?) постарался показать ей ее же, слава богу, в брючном костюме, но почему-то в черном, и повторил: – Таня!

– Таня...

На какой-то момент опешил, наконец-то заговорила! У нее оказывается удивительно мело-

дичный голос, имя она произнесла без всякого акцента, как будто на родном языке. Хотя, что знаю о ней!

– Я Антон! – ткнул себя пальцем в грудь.

– Антон... – как будто попробовала имя на язык, но произнесла, как и «Таня» чисто.

Вот и договорились.

Привычными движениями заправил кофемашину. День начинается, казалось бы, как и всегда, за исключением «новокрещеной» Татьяны. Слава богу, сегодня воскресенье, и не нужно спешить на работу, но куда ее девать завтра, хотя и осталась она сегодня одна, мысленно махнул рукой, завтра и решу...

Привел как ребенка к умывальнику в ванной, выделил зубную щетку и показал, для чего она предназначена. Она смотрит на мои манипуляции с загадочной улыбкой Джоконды. Глядя на чистое свежее лицо без всякой сонливости, даже усомнился в собственных потугах в ликбезе по гигиене. Но пока сервировал стол, она вышла с явными следами воды на лице.

Телевизор переключил на «Культуру».

– Смотри и слушай, может, заговоришь связно. Слова и поугай повторять умеет.

Она внимательно смотрит на недавно купленный «Samsung», на экране рябь, потом бедный ящик задымил! Я успел только открыть рот, дымок исчез. «Культура» вернула нам упитанного депутата, который косноязычно вещает о проблемах русского языка и усилиях правящей партии и лично его персоны в сохранении и преобразении оного.

Вздыхнул. Поставил перед дамой чашку кофе, пододвинул тарелку с бутербродами. Вряд ли бабушки на рынке потчевали ее разносолами.

Внимательно рассматривает кофе, я насторожился, чашка чуть сдвинулась по столу, кофе даже не шелохнулось! Взглянула за ручку:

– Горячо!

Постарался справиться с изумлением и вернуть челюсть на место. Так! Значит, попугаем быть не желаем, говорим осмысленно и без всякого акцента!

Тем временем с кофе происходят чудесные метаморфозы. Чашка покрылась изморосью, и сразу же лед звонко лопнул, кофе бурлит, меняет цвет с янтарного на коричневый, и снова на черный. В воздухе странный тропический аромат. Подозреваю, что в чашке уже отнюдь не «Tchibo»!

Выдохнул, обошлось!

Тем временем Таня просто поднесла чашку к губам и отхлебнула. Вдруг улыбнулась чистой доверчивой улыбкой. Я впервые увидел ее зубы, торчащих клыков не обнаружил, и улыбнулся в ответ:

– Откуда ты свалилась на мою бедную голову! – пододвинул еще поближе к ней тарелку с бутербродами. – Как ты попала-то сюда.

С неудовольствием заметил, что говорю слишком громко, еще и пытаюсь жестикулировать. Она рассматривает бутерброд. Интересно, во что превратится масло и хлеб?

Она подняла глаза и заговорила!

– Бутерброд нет, не нужно, не надо, совсем... кофе хватит, достаточно. Таня кушать нет, не нужно... уже.

Прозвучавшая фраза уже не сет какую-то смысловую нагрузку. Понятно, что кофе девушка, тем более сотворила она явно не кофе, но не важно! Более пить не желает.

– Ты ведь не кушала ничего, попробуй, или из бутербродов сделай что-нибудь, – показал рукой. – Есть все равно нужно. Уже ведь сутки голодная.

Она перевела взгляд на бутерброды. Хотя я уже привык к ее фокусам, но все равно ощутил холодок в груди, когда увидел, как истончается хлеб, на коричневой корочке неестественный зеленый налет, на масле красный. Всё медленно превращается в серую тошнотворную массу со студенистыми прожилками, потянуло запахом гниющей плоти.

Легкое головокружение, тошнота. Резко встал, качнуло, меня поддержала рука, но Таня сидит напротив и участливо смотрит на меня. Досадливо дернул плечом и вышел.

Вот так и сходят с ума! А может я уже сумасшедший? Хмыкнул, но с настороженностью осмотрелся в комнате.

Все мы в детстве мечтали встретить волшебника, и добрый дедушка чудесным образом исполнит все мечты. Вот сейчас сидит на кухне волшебница, и что? Кто она? Откуда? Ни то, что-либо попросить, даже не знаешь, как ей помочь! А от мрачных чудес совсем можешь в скорбный дом угодить!

Может, она ведьма? Двадцать первый век и ведьма?!

Но почему она не знает самое обыденное?

Другая планета?.. Параллельный мир?..

Но как она оказалась на Птичьем рынке в таком затрапезном виде?

Но не будем торопить события. Если она заговорила, то, надеюсь, уже не за горами время, когда всё сможет объяснить сама.

Вечером позвонил Андрей. Попенял мне, что не остался на рыбалке. Как всякий фанат по истреблению несчастной рыбы хвалится уловом. По его словам Петрович выловил огромного сазана, а у него, как водится, сошел с крючка чуть ли не нильский крокодил! Добрались они удачно, почти до самого дома довез незнакомый рыбак.

– Как и ты от денег отказался! Даже договорились в следующие выходные опять туда же сгонять!

– Подъезжай завтра ко мне!

– Что, очередную даму сердца предъявишь? – ехидно осведомился.

– Мне не до шуток! Дело слишком серьезное! Придешь – сам увидишь!

Друг недоверчиво хмыкнул:

– Тайны Мадридского двора, но ты меня заинтриговал. Вот только Насте обещался полку на кухне приделать... ну да как другу отказать, если дело серьезное. В восемь устроит?

– Могу даже за тобой подъехать.

– Не надо! На трамвайчике доеду.

14.03.

С работы пришлось уехать пораньше.

Своей постоялице решил купить в подарок пару комплектов нижнего белья.

Никогда бы не подумал, что невесомые клочки шелковой ткани могут проделать такую брешь в бюджете! Дурят нашего брата! Ох, дурят!

Конечно, можно было уложиться и в меньшую сумму, но на этот раз я уже представился страстным влюбленным, «легенда» дальней родственницы не соответствовала обстоятельствам. А «любимой» не пристало покупать в подарок дешевый бюстгальтер.

На десерт, кутить так, кутить! Приобрел яркий красивый халат. Стоит подозрительно дешево, оказался нашей швейной фабрики. (По наивности полагал, что она давно почил в бозе). Не знаю, как будет смотреться на Тане, но огромные белые цветы с желтыми стеблями на синей скользящей ткани покорили мое сердце.

Кстати! Вернулся бы я на рынок, если бы феей оказалась беззубая старуха?.. Может быть, и вернулся, но вот везти домой...

Со мной ведь была Лена, она бы точно не дала какую-то опойку тащить домой! А расставаться с потенциальной женой ради странной старухи... Н-да-с! Вопросы все-ленского масштаба!

Таня встретила меня привычной улыбкой. Я уже понял, она улыбается, как американцы, ведь для них это привычная формальность, так, обычная вежливость, без каких-либо эмоций.

Без всяких комментариев, молча, выложил перед ней приобретение. Надеюсь, без моих образных подсказок разберется. Попыталась прямо в комнате начать примерку нижнего белья, но почувствовав мое неудобство, удалилась в ванную.

Звонок в дверь. Видимо Андрей пришел раньше, удивляясь, что не позвонил, распахнул дверь.

В квартиру уверенно шагнула Рита! От неожиданности отпрянул.

– Быстро же ты замену нашел!

В дверях ванной в моих приобретениях стоит Таня. Сзади хлюпающий вздох, обернулся и увидел лучшую подругу несостоявшейся жены выплывающей в горизонтальном положении на лестничную площадку! Беспорядочно машет руками, сумочка ударилась в потолок, судорожно дергая ногами, плавно и величаво движется к соседской двери. Неуклюжее сальто, слетает шапка из чернобурки, прическа дыбом, и несравненная Марго медленно, как в замедленном кино обширным задом приземляется на бетонный пол.

Смертельный ужас в глазах, широко, (так не бывает) открытый рот! С хрипом втянула воздух... и она закричала! Крик смертельно раненого зверя, вопль мужчины, когда без наркоза отрезают самое дорогое!

У меня заложило уши, у соседей потемнел глазок, внизу хлопнула дверь, еще одна, приглушенные голоса, по лестнице шаги.

Пытаюсь поднять и поставить Риту, но она не может стоять, ноги подгибаются. Волоком тяну ее к двери, но с нечеловеческой силой она вцепляется в притолоку и в мою рубашку! Ничего членораздельного произнести не может, только мычит и мотает головой.

У скандальной сцены появляются зрители.

– Что здесь происходит? – строгий начальственный голос соседа с нижнего этажа, шапочко знакомый отставной военный. Сзади две соседки, жена отставника и отчаянная сплетница Софья Леонидовна.

– Женщине плохо! – продолжаю поддерживать Риту за локоть. – У кого-нибудь есть что-нибудь успокаивающее?

У Софьи Леонидовны за показным сочувствием жгучее любопытство:

– У меня дома есть! – шустро засеменила к себе, оглядываясь.

– Вы ее знаете? – недоверчивый взгляд соседа.

– Это моя знакомая! – смотрю на Риту, из глаз уходит безумие, но лицо еще искажено гримасой ужаса.

Тяжело дышащая Софья Леонидовна подает стаканчик с остро пахнущим лекарством:

– Выпей, милая! – Рита вяло отталкивает руку. – Тебе успокоиться надо! Это валокордин! – она продолжает настойчиво совать лекарство.

– «Скорую» надо вызывать, – жена соседа с состраданием смо-

трет на Риту. – Она в себя прийти не может!

Марго, трясушимися руками пытается взять стаканчик, Леонидовна бережно поддерживает. Услышав о «скорой», Рита яростно мотает головой, брызги летят на нас.

– Вы его знаете? – кивок в мою сторону. Затравленный взгляд останавливается на моей персоне, еле слышный сиплый голос:

– Да... знаю!..

– Ее в квартиру надо, – выглядывает из двери соседка напротив. – Что ж на площадке-то...

Рита яростно мотает головой, сосед подозрительно косится на меня. Но тут вступает неожиданная заступница Софья Леонидовна:

– Мы с ней только что зашли, это я ее в подъезд запускала!

– Мне уже лучше, – Рита осматривает пол, жена отставника подает ей сумочку, соседка шапку. – Не держите меня!

Еще подрагивающими руками она роется в сумочке. Соседи неуверенно переминаются. Достает пудреницу с зеркалом и, покачиваясь, спускается вниз по лестнице к свету.

Пока накидывал куртку, Риты в подъезде уже не было, обнаружил ее на лавочке в нашем чухлом скверике.

– Давай я тебя домой отвезу!

– Не подходи ко мне! – в голосе истерика.

Поднял руки и медленно отступая, говорю:

– Я тебе всё объясню...

Она перебивает:

– Не надо мне ничего объяснять! – слезы на глазах. – Я домой, домой! – вскакивает и, нелепо размахивая руками, бежит от меня, затравленно, оглядываясь.

У соседнего подъезда насмешливо наблюдают молодые парни.

– Всё! Спектакль окончен, можно расходиться, – смотрю в глаза самому наглому, он опустил глаза, но пробормотал:

– Любовь растаяла, как прошлогодний снег!

Сплюнул им под ноги и пошел к своему подъезду.

Теперь начнутся дебаты на лавочке!

Из добропорядочного обывателя стараниями Софьи Леонидовны и сотоварищи мгновенно превращаюсь в злобного монстра, поедającego дам среднего возраста, а там уже и старушки – завсегда таи подъездных лавочек – начнут меня избегать. Мало ли! Может, на закуску и бабушками не брезгую!

Андрей как всегда точен. Десять пятнадцать пятьдесят пять – звонок домофона, ровно в двадцать встречаю.

Улыбаясь и протягивая руку, говорит:

– Ну что, рассказывай про дела свои «сурьезные», а то меня супружница только до десяти отпустила, полочку-то так и не прикрутил!

– Мадам! – поклон гусара на отдыхе, с интересом рассматривает Татьяну в новом халате. – Вы восхитительны, отдаю должное вкусу Антона! Я Андрей, ближайший друг этого оболтуса, позвольте узнать ваше имя?

– Не тужься понапрасну, она все равно тебя не понимает.

На пол оборота ниже:

– Иностранка? Ну, ты даешь!

Я усмехнулся:

– Всё не так просто, пошли на кухню.

Налил чай Андрею и себе, плотно закрыл дверь, он покосился, но промолчал.

Постарался спокойно без эмоций рассказать о Тане. Особенно трудно далось объяснение о «мыслеобразах», ведь кроме меня их никто не видел. Он внимательно слушает, несколько раз пытался перебить, но я жестом останавливал. Недоверчиво улыбается. На десерт в лицах поведал о визите Риты, но Андрей даже не улыбнулся.

Он выглядит ошеломленным, но сейчас молчит, задумчиво рассматривая меня. Вот попытался что-то спросить, но я уже встал:

– Теперь перейдем к наглядным экспериментам! – жестом показал и натужно улыбнулся. – Прошу!

– Подожди! Ты меня часом не разыгрываешь?

– Пойдем, сейчас сам увидишь.

Андрей прошел в комнату, с новым интересом посмотрел на сидящую с дежурной улыбкой пред-

полагаемую волшебницу, но тут же отвел глаза. Мне показалось, что в ее улыбке при всей безмятежности проглядывает ирония.

Привычно показал ей, как кресло отрывается от пола и тут же возвращается на место.

Но вдруг Андрей плавно взлетел, повернулся на спину, судорожно дернул руки назад, гостевые тапочки разлетаются в стороны, а владелец уже делает сальто! Широко открытый рот и распахнутые глаза, но ноги уже касаются линолеума. Заваливается на бок, невидимые руки поддерживали, покачнулся, но быстро совладал с телом.

Оказывается, вставшие дыбом волосы – не гипербола, а святая действительность! Как иголки у ёжика торчат во все стороны волосы аккуратной прически! Красное, как после бани, лицо, пот заливает глаза, он потянулся ко лбу, но нарочито медленно достал из кармана платок вытер пот и, молча, чуть покачиваясь, прошел в ванную.

В комнату вернулся сосредоточенный и настороженный.

– Она тебя понимает?

– Предполагаю, что обоих нас! Тебе же рассказывал, она говорит, только без падежей и предлогов, понять трудно.

Впервые увидел ее такой. Лицо превратилось в маску, неживое, как у куклы, только глаза смотрят давящим пугающим свинцом.

Продолжать опыты пропало всякое желание, и мы с Андреем удалились на кухню.

– Значит, не розыгрыш... – он вздыхает и смотрит в сторону. – Ты говорил еще с кофе и бутербродами метаморфозы всякие... еще с водой...

Молчу. Андрей взглянул на меня и опять опустил взгляд. После продолжительной паузы спросил.

– А дальше что думаешь?

Поразительно, как просто он воспринял чудеса, а иначе как называть то, что делает Таня. Конечно, бегать по кухне, хлопать себя по ляжкам и при этом кричать «не может быть» – моветон, но такое хладнокровие меня поразило.

– Что молчишь?

– В смысле?

– Мужчина ты, конечно, романтического склада... – он усмех-

нулся. – В душе! Но дальше как ты с ней? Еще один фокус с кем-нибудь – и тобой заинтересуется полиция, если Рита на тебя уже участковому не настучала! Хоть баба она взбалмошная, но органы реагировать обязаны. Но если даже всё будет тихо, и Рита решит самолюбие соблюсти, кто-нибудь где-нибудь обязательно пронюхает. Если думаешь, стукачей рядом нет, то очень ошибаешься!

Я хмыкнул:

– Мне кажется, ты сгущаешь краски. Можешь что-то конкретное предложить?

– Пока не предлагаю, а рисую дальнейшее развитие событий, исходя из житейского опыта и реалей нашего времени!

– Ну и каков дальнейший сценарий? – усмехнулся одними губами.

– Да ты и сам знаешь, просто гонишь прочь негатив, или не задумывался, не суть важно! – предостерегающе поднял палец, не давая мне возразить, продолжил. – Спецслужбы! Неважно, как они будут называться, но то, что они появятся, к бабке не ходи! Далее, не раз опробованный Голливудский сценарий: золотая клетка! И будешь до конца жизни до унитаза с парой охранников ходить!

– Почему с парой? – улыбнулся, представив ситуацию.

– Первый тебя охранять, а второй – первого! – устало ухмыльнулся.

– С чего ты взял, что спецслужбы нас обязательно вычислят? У них сейчас и других хлопот хватает, те же террористы...

– Ты знаешь, что существует отдел, который занимается именно подобными делами?..

– Скорее существовал, – перебил. – В веселые девяностые накрылся твой отдел медным тазом! Тогда даже на оборону деньги разворовывали, солдаты в армии голодали!

– На такую персону, обладающую явными способностями телекинеза, задатками экстрасенса...

– Почему задатками?

– Она ж только с тобой, таким образом, общается?

– Есть, должны быть люди, способные понимать и принимать ее язык, хотя так называть ее способ передачи информации...

– Нам сейчас еще только не хватает в филологические тонкости вдаваться!

– Положим, со спецслужбами убедил, хотя государство наше громоздко и неповоротливо и пока раскочерится, пройдет не один год. Если и существует твой пресловутый отдел, то в наше время сидят там два инвалида и мирно доживают до пенсии! Подожди, дай сказать! Вот какие-нибудь частные структуры...

– Имеешь в виду бандитов?

Я усмехнулся:

– У нас часто трудно понять...

– Пожалуй, ты прав! Они мобильнее и денег на такое дело не пожалеют!

Замолчали. Вот о таком повороте как-то не задумывался.

– Может, зря мы головы ломаем... Можно ведь всё проще объяснить...

– Что ты имеешь в виду?

– Галлюцинации! Проще глюки!

– По-твоему получается, Татьяна гипнотизер?

– Ее Таней зовут?

Улыбнулся:

– Да это я окрестил, надо к ней как-то обращаться!

– Робинзон ты наш! – ухмыльнулся. – По праву, так сказать, первооткрывателя! А что ж так просто Таня, мог бы как-нибудь Виолеттой или на худой конец Аэлитой!..

Я перебил:

– Об антропонимике поговорим в другой раз!

– Это еще что за зверь?

– Наука об именах!

Андрей покачал головой:

– Иногда ваши познания меня приводят в замешательство!

– А меня – ваше невежество!

Он хмыкнул:

– Один ноль!

– Ты начал о глюках!

– Всё очень просто, она гипнотизер необычайной силы! Тогда получается, что ничего не происходило!

– То есть?

– Тебя она загипнотизировала первого, потом Риту, последним – вашего покорного слугу! – он покровительственно с победной улыбкой смотрит на меня. – Ведь даже соседи саму сцену полета незабвенной Марго не наблюдали!

Подумал.

– Если принять твою гипотезу за рабочую, то всё, что мы видели, обычные галлюцинации?! Но с какой целью? Брать с тебя и меня нечего, какими-то тайнами мы не занимаемся...

– Но! Но! Меня в свою упряжку не приплетай! Ты это небесное создание на рынке подобрал!

– Следуя твоими рассуждениями, возможно, именно к тебе хотят подобраться! – парировал, – и меня наоборот приплели, скажем, потому, что легче загипнотизировать, через меня к тебе! Логично?

Андрей пожал плечами:

– С меня тоже брать нечего, квартира в ипотеке, за нее еще пахать и пахать... тайны логистики контейнеров, которыми я занимаюсь... даже не смешно!

– Богатая тетушка в Аргентине на смертной одре завещала тебе тонну золота и килограмм брильянтов, а злобные гангстеры таким хитрым способом сводят тебя с ума!

– Нужен эксперимент!

– Хочешь узнать, настоящая ли принцесса?

– Сейчас не до шуток! – Андрей скривился. – Дело-то может оказаться гораздо серьезнее, чем мы думаем!

– А какой эксперимент предлагаешь? Я даже не представляю, что можно придумать, и еще согласится ли она!

– Деньги просить чревато последствиями, да и банально...

– Наличные не бывают лишними, тем более банальными, – улыбнулись друг другу. – Тебе вон ту же ипотеку прикрыть!

Андрей мечтательно улыбнулся:

– Несбыточная мечта! – тяжело вздохнул. – Еще три года корячиться!.. Потом вполне может фальшивые подсунуть, и будете вы, молодой человек, рассказывать прокурору, как уговорили девушку на противозаконное деяние!

– Мне бабуля на рынке рассказывала, как Таня на рынке котенка вылечила. Можно с ней поговорить, чтобы вон у нас в доме у девчонки хроменькой ногу выправила. Здесь уже никакого гипноза, и результат налицо!

– Вроде бы видел у вас во дворе... лет пять, наверное, белобры-

сая такая? – я кивнул. – Ты об этом не рассказывал! Она еще и ветеринар в придачу! Малышку жаль, конечно, а бабуля не говорила, как твоя Таня лечила?

– Руками лапу выправила!

– Вот тогда-то точно влетишь со своим чудо-доктором! Представляешь, какие слухи пойдут!?

– Клад! Ничего криминального!

– Где его возьмешь...

– Поговорить с ней, если сможет найти, – выкопаем, а потом видно будет!

– Так тоже можно нарваться! – возразил, но уже вяло Андрей. – Ладно, пошел, с вами хорошо, а дома лучше. Мне еще многострадальную полочку прикручивать!

Вышел в прихожую и, избегая даже взглянуть на Таню, ушел.

– Он. Тебя. Предаст.

Ошарашено смотрю на Таню. Говорит, словно после каждого слова ставит микроскопическую точку. Меня поразило даже не то, что говорит правильно и осмысленно, но сама фраза. Отстраненная и холодная констатация факта. Равнодушный голос, как будто убеленный сединами мудрец объясняет карапузу очевидные истины.

– Ты кто?

Она как-то снисходительно улыбнулась. С новым интересом и с некоторой оторопью рассматриваю ее. Обычным лицом назвать нельзя. Очень красивые и правильные черты, но от бродяжки, которую увидел на рынке, не осталось ничего. Вспомнилась детская сказка о Снежной королеве. Вот такую монаршую особу сейчас вижу перед собой. Где-то далеко осталась дежурная улыбка. На меня и сквозь меня смотрит вечность мудрыми холодными глазами.

– Кто ты? Откуда? Как оказалась здесь?

И вдруг улыбка. Не дежурная, теплая человеческая.

– Не бойся меня. Без тебя я никто!

– Почему? Не понимаю!

– Мы. Уходим.

Опять в ее речи появились микроскопические паузы. Все-таки женскую логику во все времена мужчины не поймут никогда! Ни одна женщина, как, впрочем, и по-

литики, никогда прямо на вопрос не ответят! Вот и сейчас – куда уходят и кто – понять невозможно!

– Вас много у нас на земле? – непроизвольно топнул ногой, хотя внизу подо мной до земли еще шесть этажей.

– Я. Здесь. Ты.

– А такие, как ты, у нас еще есть?

– Только я и ты!

Какое-то время не знал, что сказать. Попробовал сменить тему разговора:

– Как ты оказалась на рынке, к тому же в таком... бедственном положении?

– Мы путешествовали. Произшел собой. Я оказалась у вас. Здесь.

– Значит, ты была не одна? С тобой еще кто-то... прибыл? Они здесь? – и спросил в третий раз: – Откуда вы?

На неуловимый миг на лице промелькнула гамма чувств. И жалостливая снисходительность, и сострадание, и невозможность объяснить...

– Сказать не смогу. Нет слов.

– Попробуй! Нет ничего, чтобы нельзя объяснить словами.

Она молчит, глядя сквозь меня, наконец, заговорила, и опять с почти неуловимыми паузами для подбора слов.

– Здесь очень медленная скорость передачи информации. Если попробовать объяснить нашим способом, ты все равно не сможешь понять, и произойдут необратимые изменения. Потом не сумеешь адекватно воспринимать окружающую действительность.

Впервые выдала такую длинную тираду и к тому же таким наукообразным языком. Глядя ей прямо в глаза, усмехнулся:

– Сойду с ума?

Она не приняла шутливый тон:

– Да, – последовал простой ответ.

Вспомнил, как потерял сознание, когда первый раз спросил ее имя и понял, так и будет!

– Но ты ведь человек? Почему же я не могу так же, как ты, воспринимать информацию, а может, просто не хочешь говорить или нельзя?

– Нет, не можешь, – снисходительно улыбнулась. – Мы ушли от вас даже не на тысячи ваших лет.

Двигались вперед совсем другим путем. У нас никогда не было технической цивилизации. Занимались развитием себя.

– Медитировали и рассматривали собственный пупок? – усмехнулся. – Разве возможна цивилизация не техническая? Ведь без техники невозможен прогресс!

– Двигаться вперед можно разными путями. С незапамятных времен мы выбрали этот. Или он выбрал нас.

– И как вы живете – в пещерах?

Моя ирония на нее никак не подействовала.

– Мы никогда не покоряли природу, просто с давних времен окружающий мир воспринимаем как данность и просто встраиваемся в него. Никого и никогда нельзя принудить делать то, что ему противоречит.

Микропаузы исчезли.

– Русский ведь для тебя не родной язык? Когда мы встретились, ты ведь вообще не говорила.

– Освоить ваш язык нам просто, даже не понадобился твой телевизор. Когда встретила тебя, сразу вошла в Интернет.

– Без компьютера?

– Мне он не нужен.

– И ты за три дня смогла освоить русский?! – в недоумении спросил. – Даже говоришь без акцента!

– Это для нас просто. Единственная сложность – очень медленная скорость и малая информативность словесной передачи информации.

– Но даже просто построить фразу на чужом языке – сложно, а так, как говоришь ты!.. Это просто невозможно! – яростно мотаю головой. – Сам пытался учить английский и знаю, как это тяжело!

Ее снисходительная улыбка начинает бесить. Смотрит как на малолетнего не понимающего очевидные истины. Но ее чувствительность и внимание как всегда на должной высоте. Улыбка исчезла, чуть задержалась с ответом:

– Не раздражайся, пойми со мной главное: мы намного старше и мудрее. Для вас мы – как боги.

– По библии Господь потопом наказал людей! – смотрю в строгие и мудрые глаза. Сейчас нет в них снисхождения и жалости.

– Мы не вправе решать!
Усмехнулся:
– Господь не уполномочил?
– Никто не имеет права уничтожить жизнь

– А возможность все-таки есть?!

– Вас нет нужды уничтожать, вы сами уничтожаете себя. Даже здесь у тебя тяжело дышать, а в городе только вы да крысы можете выжить.

Я усмехнулся:

– У нас кроме экологии куча проблем! Терроризм, ядерное противостояние, беженцы...

Она перебила:

– Вы не доверяете друг другу. Даже в семье у вас нет полного взаимопонимания. Тайны у мужа от жены и наоборот. О взаимном понимании и доверии государств нет даже речи!

Но даже это не главное! Вы, за редким исключением, в большей или меньшей мере эгоистичны. Собственное благополучие почти для каждого человека превыше всего остального...

Мне почудилось, что я оказался персонажем какого-то фантастического фильма. Снежная королева из неизвестного далека ледяным тоном излагает бедному Каю, что они вместе с Гердой и бабушкой живут совсем не правильно.

Ночью долго не мог заснуть.

Неужели у нас всё так плохо?!

Или высказывание «после нас хоть потоп» до сих пор актуально, и абсолютное большинство людей так и живет? А когда петух клюнет в соответствующее место, будет уже поздно!

Когда разные провидцы пугают концом света, то все их пророчества воспринимаются с известной долей скепсиса. Но когда слышишь такие высказывания от существа, которому сам наш мир, о существовании которого она вчера и не догадывалась, безразлична и в лучшем случае вызывает безразличную жалость, такой взгляд на нас невольно заставляет задуматься.

Понимаю, что наверняка она права, но такая прямолинейная и все-таки во многом однобокая оценка нашего общества вызывает протест.

Да! Современные ученые выяснили, что земные пустыни дело

рук человеческих. Да! Мы уничтожили и продолжаем уничтожать сотни видов живых организмов, начиная с мамонтов и букашек и заканчивая китами и водорослями.

Метастазами появляются все новые города и раковыми опухолями расползаются по планете!

Мы тратим на оружие денег в сотни раз больше, чем на экологию!

Да! Наш мир стоит на пороге уничтожения нашими же собственными руками!

Неужели мы не успеем осознать, что стоим у последней черты и не сможем договориться!

Ведь были и наверняка есть и будут гениальные полеты мысли! Шедевры живописи, архитектуры музыки!

Или наши достижения интересны только нам и вместе с нами и уйдут!?!..

15.03.

Я есть.

У меня нет рук, ног, тела, но я существую! Нет страха, хотя кругом абсолютная пустота. Вокруг меня еле видимыми огоньками проявляются, как на фотобумаге, звезды.

Вот уже вижу их яснее. Мир вокруг меня становится объемным. Я знаю, какие они огромные, представляю немыслимые расстояния между ними, и чудовищные реакции, происходящие вокруг и внутри них.

Вижу всё.

Слово «вижу» очень неточное, но по-другому не знаю, как объяснить мои ощущения.

Скопления звездной пыли правильной спиралью мгновенно пропададут в черной дыре, нестерпимо яркая голубая звезда чуть изменила свою орбиту и, знаю, через миллионы лет и она с головокружительным взрывом исчезнет, и от нее не останется ничего...

Передо мной яркая точка, похожая и не похожая на мириады подобных. Меня манит ее золотой с чуть заметной красной бахромой свет.

Мне не нужно лететь к ней, достаточно только пожелать – и я уже рядом.

А вон там, вокруг этой родной звезды вращается зеленоватый

шарик, главная часть мира, который мне нужен...

После работы снова пытался дозвониться до Андрея, но он не ответил. Когда набрал второй раз – телефон оказался недоступен.

Невольно на ум пришло Танино высказывание.

Вспомнились досадные мелочи еще студенческой жизни, казалось, уже покрытые слоями прожитых лет. Когда мы тогда молодые и безбашенные, устроили драку в женской половине общаги, и комендантша вызвала милицию. Попались все, даже Гоча, хотя его умудрилась спрятать верная Наташка. Андрюша же спокойно вышел в парадные двери мимо оторопевшего вахтера.

Конечно, мелкий эпизод из вешней студенческой жизни, хотя тому же Гоче грозило реальное отчисление. Он единственный принципиально не подавал руки Андрею до самого диплома. Виновный себя таковым не признавал и даже гордился своим талантом избегать неприятности, по его же выражению «вильнуть хвостом».

Тот же Гоча все-таки помирился с Андреем на всеобщей пьянке по случаю окончания «alma mater», но тогда же с пьяной ухмылкой сказал, что поворачиваться к Андрею спиной все-таки поостерегся бы!

А вот случай с Галкой Семеновой оказался гораздо серьезней!

История стара, как мир. Смазливая деревенская девчонка смогла поступить в институт. Грызть гранит науки – это про нее. Он пишет диплом, она на втором курсе. Может быть, Галя и строила какие-то планы, а он, как говорится, просто хотел приятно провести время. Залетела. По мнению Андрея, сегодня, когда есть масса препаратов, спасающих от таких неприятностей, оставила ребенка намеренно. Скорее всего, строила какие-то планы совместной жизни в городе. По словам Андрея, он предлагал ей деньги на аборт, но она решила рожать.

Галка кинулась бороться за свое счастье, но не добилась ничего. А когда добралась до декана, от нее отвернулись даже наши институтские кумушки.

Андрей повел себя по-свински. Наотрез отказался от предполагаемого отцовства. На разбирательстве предположил, без всякого на то основание, что ребенок не его. Слезы и сопли Галки не помогли. Руководство института решило не выносить сор из избы, и всё кончилось ничем. В суд будущая мама не пошла.

Конец предсказуем. Галя взяла академический, по слухам, родила и перевелась на заочное в соседний город.

Всяческие литераторы ломают копыя, рассуждая с жаром о верной мужской дружбе.

Надежный напарник в разведке – великое дело, но каждый день мы в разведку не ходим. Люди просто живут и общаются, и вот тогда и выходит на первый план – интересно ли тебе с таким напарником по разведке. Ведь если с другом не о чем говорить, то ни ты ему, ни он тебе в повседневном общении не интересен.

Все мы в юности бравуруем на носным цинизмом, но бывает, что человек уже не хочет и не может снять эту маску, она прирастает намертво, а обладатель незаметно для себя становится циником.

А мы продолжаем общаться и считать его своим другом, и вот сейчас с горечью понял, Андрей не просто предаст, он при должном раскладе продаст Таню и, не колеблясь, предаст, меня.

Дома меня ждал «бунт на корабле».

Таня вдруг заявила, что не хочет больше жить взаперти, не может больше существовать в этой каменной клетке, ей просто необходим относительно чистый воздух.

Проигнорировав ее шпильку о чистоте нашего воздуха, понимаю, что, давно пора вывести мою невольную гостью из заточения. Загвоздка в ее наряде. Еще не так тепло, чтобы ходить в ее единственном брючном костюме, и тем более в домашних тапочках. Но, оказывается, для Тани не существует такой проблемы.

– Закрой глаза и ничего не бойся!

Послушно зажмурился и... оказался в окружении плечиков жен-

ской одежды! От неожиданности открыл глаза, передо мной Таня, я у себя в квартире. Плюхнулся в кресло, в носу пропадает запах новой ткани.

Взорвался:

– Как меня достали твои чудеса! Не могла предупредить!? – передо мной растерянное лицо Татьяны. С досадой махнул рукой и пошел на кухню. Она идет следом:

– Извини, пожалуйста! Я ведь тебя предупреждала...

Впервые вижу растерянное и виноватое лицо обычной земной женщины.

– И вообще ты знаешь, что чужое брать нельзя! Это уголовно наказуемое деяние! – неведомо откуда у меня прорезался суконный юридический язык. – У нас за это в тюрьму можно угодить!

– Ты ведь там не был! – видя мое недоумение, продолжила: – Я просто переместила твой взгляд... – замолчала, явно подбирая слова. – Не могу объяснить! Но ни тебя, ни меня там не было! Хотела просто показать, какая одежда мне нужна. Ты ведь не хочешь снова стесняться меня, как тогда!..

– Ладно! – тяжело вздохнул. – Только я сяду.

– Можешь даже лечь, только глаза закрой.

Передо мной снова плечики с одеждой. Сейчас понял, это тот же бугик, где покупал костюм Татьяне. Только другой отдел с верхней одеждой. В голове голос Тани:

– Вот посмотри! – плечики раздвинулись, короткий темно-зеленый плащ с черной окантовкой приподнялся под углом на плечиках.

– Запомни, где висит, мне нужен именно этот!

За спиной тихий голос:

– Наташа! Смотри!

В проходе стоят две молоденькие продавщицы и круглыми глазами смотрят на наш ряд. Вторая почему-то шепотом:

– Наверное, бомж какой-то забрался...

Возбужденный шепот в ответ:

– Какой бомж! Там стена и даже ног не видно!

Выбранный плащ медленно, словно нехотя вернулся на место, ряд сдвинулся, как будто ничего и не было.

Продавщицы на цыпочках боксом с расширенными глазами

удаляются. В широком проходе уже бегом летят к выходу. Покупатели с недоумением смотрят на них.

В конце рядов мелкий охранник в черной униформе с дубинкой в руках спешит им навстречу.

– Володя, Володя! Там!

Открыл глаза, с некоторым злорадством вижу растерянность в глазах моей снежной королевы. Повисла неловкая пауза. Молча, рассматриваю Таню. Получается, и ей не желательна огласка собственных паранормальных способностей, или она поняла это из нашего с Андреем разговора?

– Тебе еще обувь какая-нибудь нужна.

Обыкновенный тяжелый человеческий вздох, такая она мне гораздо ближе. Сейчас в ней нет холодной снисходительности и высокомерия – обыкновенная земная дама, попавшая в неловкое положение, но все-таки назвать ее девушкой не поворачивается язык.

Изящные сапожки мы посмотрели уже без всяких ненужных эксцессов. Впервые смог обратиться к Тане напрямую, не произнося слов.

– Если на природу поедем, тебе нужны будут какие-нибудь кроссовки.

– Открой глаза!

Передо мной отсутствующий взгляд. Такое впечатление, что она о чем-то серьезно задумалась, где сейчас ее сознание, я даже не пытаюсь представить. Как понял, она серьезно проштудировала сайты с женскими модами и, все-таки страсть к нарядам даже у моей гостьи неведомо откуда прорезалась. Наверняка, даже ее способность переварить терабайты информации приходится нелегко в бесконечном разнообразии модных новинок одежды, обуви, сумочек и еще бог знает чего! А если она, как обычная женщина, испытывает удовольствие от созерцания модных новинок? Может быть, Таня незаметно для себя становится необычной, но землянкой, ведь не только мы приспосабливаем мир под себя, но и планета меняет нас.

Неожиданно для самого себя спросил:

– А вы там у себя одежду носите?

Татьяна вернулась из своего неизвестного далека, как-то озорно улыбнулась и стала медленно таять. Вот уже сквозь нее проглядывается акварель на стене, покрывается туманной дымкой, осталось только лицо. Дымка превращается в плотный белесый туман, формируется бесформенное одеяние. Цвета меняются непрерывно, глаз не успевает осознать краски. Вакханалия оттенков стихает. Проявляется длинное вычурное платье. Но метаморфозы продолжают продолжаться. Вычурность растворяется. Пурпурный цвет меняется на нестерпимо алый, голубой превращается в ярко-синий, волны радуги плывут снизу вверх. Только рукава сохраняют спокойный жемчужный цвет, или до них не дошла очередь?

Я ни в коей мере не поклонник модных показов, но то, что получилось у Тани, могло бы заставить скрежетать зубами все без исключения модные дома!

На строгом жемчужном платье, облегающим великолепную фигуру, глубокий вырез, усыпанный по краям разноцветными голубыми драгоценностями. Такие же камни на рукавах.

Подумал, что не хватает золотых сережек с такими же украшениями и золотой цепочки с ярким кулоном, и тут же всё появляется. Ажурного плетения цепочка и изящный кулон с голубым камнем. По платью наискосок волнами проходят радуги, но цвета приглушенные, к тому же последовательность цветов произвольная. Платье мерцает и меняет оттенки от яркого жемчуга до тусклого благородного серебра. Через ткань призрачно светится тело. Угадываются даже соски, чуть видны ноги и соблазнительные изгибы фигуры. Черные блестящие волосы тяжелой волной лежат на плечах.

Если бы она решила в таком наряде выйти куда-нибудь на оживленный перекресток — серии аварий не избежать. Ведь большинство водителей у нас все-таки мужчины, да и какая-нибудь «бизнес-леди» рассматривая сногшибательный наряд, обязательно въехала бы в бампер открывшему рот водителю.

Все-таки Господь на погибель мужскую создал нам Евиных до-

чек, но нет ничего слаще той гибели... и наши сыновья и все потомки обречены лететь, как мотыльки на огонь, к заветной цели и пропадать навсегда в сладостном и горьком счастье.

А Таня! Ведь она любит себя собой в отражении моих глаз.

Как озорная девчонка крутилась так, что подол платья пузырем поднялся вокруг стройных ножек. Только сейчас я заметил на ней серебряные туфельки на высокой шпильке.

— Как я тебе!? — с лучезарной улыбкой крутилась еще раз, но оказывается, на шпильках нужно уметь держаться и полетела на пол. Бросился навстречу, но она уже висит в воздухе, все равно инстинктивно схватил ее за плечи и обнял!

Нет на ней никакого платья! Нет ничего! Только восхитительное тело в моих руках! Но и на мне нет одежды!

Разжал руки, она обернулась, передо мной ждущие глаза и манящая улыбка...

Мир несется с нами и вокруг нас.

Пульсирует вселенная в такт ударов наших сердец.

Люблю в ней всё, каждый изгиб тела, ее улыбку, кончики пальцев, каждый локон ее странных волос. Сейчас они черные, но могут через секунды стать блестящей платиной, а через неуловимый момент времени отливать благородной бронзой. Сейчас вижу полуприкрытые зеленые глаза прекрасной моей ведьмы, но и черные манящие омуты люблю, хотя и не знаю, куда они меня уведут. Может быть, на собственную погребель. Неважно! Если умру прямо сейчас, все равно не разомкну объятий!

Каждой клеточкой своего тела знаю, что хочет она, и Таня исполняет все самые сокровенные мои желания. Мы открыты друг для друга не до дна, до бесконечности.

Мгновение совершенства, но время застыло. Сейчас мы властны даже над ним!

Мы познаем Бога, мы познаем себя.

Кошелек мой порядком опустел. Хотя и предполагал, что Танины покупки составят изрядную сумму, но действительность оказалась гораздо печальней. Но даже тихая грусть о новом ноутбуке отошла на третий план, когда увидел мою Таню в обновках.

Конечно, в том сказочном наряде, которого, оказывается, даже и не было, она сказочно прекрасна, но в обновках превратилась просто в очень красивую современную женщину, моего самого близкого человека.

Никто и никогда не сможет догадаться, что она только сегодня примерила эти вещи. Выглядит, как признанная особа королевских кровей. Вся одежда сидит идеально, всё подобрано в тон, нет кричащих красок, сразу заметен стиль и немалый достаток.

Жаль, что не сидели бабушки на скамейке, заранее предвкушал реакцию дворовой общественности на триумфальное прохождение Татьяны от подъезда до машины.

Но не срослось. Хотя погода как на заказ. Светит солнышко, подсох асфальт. От снега остались только грязные островки в тени на газонах. На солнцепеке пробиваются хилые ростки первой травы.

Все-таки некоторое моральное удовлетворение получил, когда шапочко знакомый сосед по дворовой стоянке чуть не въехал в столбики ограждения, засмотревшись на Таню. Она как истинная леди даже не посмотрела в его сторону, хотя, я полностью уверен, краем глаза наблюдала его неуклюжие эволюции.

Вчера успел выполнить заказы, прибыв за полчаса до закрытия магазина. Порядком удивил продавщицу, когда без примерок безошибочно взял выбранные Таней совсем не дешевые обновки.

Одна из продавщиц, видимо жалея недотепу покупателя, даже спросила, уверен ли я что мне нужны именно эти вещи? С каменным лицом кивнул и расплатился.

Сегодня отпросился пораньше, сказавшись больным. Мой вид — подтверждение сказанному, после бессонной-то ночи не мудрено!

Хотя до часа пик далеко, улицы забиты машинами. То здесь, то там перекрыты полосы движения. Дорожники занимаются своим любимым весенним спортом – латанием дыр на асфальте. При подъезде к «объездной» – провал на дороге. Из трех полос пропускают по одной. Потеряли около получаса.

Наконец, выбрались. Движение плотное, но можно спокойно идти под сто двадцать. Решил Таню свозить к Долгому озеру, там нормальная дорога, а ранней весной людей мало. Надеюсь, рыбаков тоже нет, лед уже должно отнести от берега.

Асфальт кончился. Вопреки опасениям грунтовка оказалась в более-менее приличном состоянии. Только в низине, уже ближе к озеру – огромная лужа. Вышел посмотреть, по пути подобрал палку. Глубина ниже колена! Дно топкое, сесть можно очень прилично! Сразу становится понятно, почему потоп. Сверху стекает ручеек, а на дороге наезженный, наверное, трактором еще осенью бугор. Он и не дает стекать воде. Конечно, ручей нашел себе путь, но лужа уже набралась изрядная. То-то смотрю ни одной встречной машины!

– Давай его на ту сторону перенесем.

Оглянулся на Таню:

– Кого его?

– Автомобиль!

– В этом случае русские говорят – машина, она! – вздохнул, – переноси!

Уже без особого волнения наблюдаю фантастическую картину, как сначала поднимается кузов, а потом и колеса отрываются от матушки земли. Все-таки зрелище странное. Грязное брюхо машины, отражаясь в воде, медленно проплывает через лужу, колеса касаются земли, амортизаторы принимают на себя вес, полет завершен, можно двигаться дальше традиционным способом.

К берегу подъезжать не стали, хотя при возможностях моей дамы мы могли бы без всякого напряжения превратить автомобиль в катер, но объясняться с инспекцией маломерных судов не входит в мои планы.

Остановился на пригорке.

Лед от берега в метрах ста пятидесяти. Под ярким солнцем сияет гладь воды. Зеленая темная

хвоя и золотые стволы корабельных сосен. Под деревьями остатки белого, но уже ноздреватого снега.

Вокруг захламленный пляж. Пыльные полиэтиленовые пакеты, вездесущие пластиковые бутылки, смятая грязная бумага, блестит битое стекло. Сиротливая бетонная урна доверху забита мусором.

– Давай всё. Уничтожим... убежим.

Заметил, иногда в Таниной речи проскальзывают мини-паузы, все-таки она еще иногда подбирает слова.

– Как ты уберешь всё это? – осмотрелся вокруг.

Подул легкий ветерок. Мусор со всего пляжа летит в середину, всё быстрее вращаясь по часовой стрелке. Серый вихрь уплотняется. В неуловимый миг исчезает. Ветер стихает. Вместо мусора среди пляжа крутится огромный туманный серый шар, уплотняется и одновременно сжимается до размера футбольного мяча. Песок под ним вскипает, шар сначала оплывает с полюсов, потом вытягивается вверх воронкой и, вращаясь с бешеной скоростью, ввинчивается в землю. И никаких следов. Даже сухой стебель ковыля неподвижно склоняет колосок на месте только что исчезнувшей воронки.

Оглядываюсь. Чего-то не хватает!..

– Урну верни!

– Попробуй сделать сам!

– Из чего я тебе здесь сделаю? – осматриваю девственно чистый пляж. Кроме остатков прошлогодней хвои и редких травинок ничего не осталось. Даже обгорелые палки, валявшиеся возле старых костровищ, и те исчезли, как и угли давно погасших костров.

– Просто представь урну, я помогу.

Хмыкнул и представил почему-то дворовый мусорный контейнер. Тут же устыдился, но кроме обычной бетонной ничего не припомнилось. Оказывается, не так просто вспомнить такую обыденную вещь! Плетеная или пластиковая для бумаг явно не годится!..

Какая грязь только не придет в голову, украдкой покосился на Таню.

Представил обычную жестяную. Только размером около метра в высоту.

Урна появилась вдруг. Никакого проявления, как с платьем. Ничего не было, и вот она нестерпимо блестит на солнце яркими самоварными боками.

– Она у тебя не золотая часом?!

– Это не у меня, ты ведь ее создал! – Таня улыбнулась. – Она из сплава металлов, но аналогов на Земле нет!

– Тогда точно какой-нибудь дачник «прихватизирует»!

Она покачала головой, обратил внимание, что и земные жесты моя фея уже усвоила.

– Урну невозможно убрать! Распилить, взорвать или еще как-то уничтожить!

Беспечно махнул рукой:

– Пусть стоит, нас здесь никто не видел. Только не надо такой яркой, ни к чему!

Сияние уходит, желтизна тускнеет, зато верхний бордюр украшается кокетливой волнистой полосой, а ниже яркие зеленые горошины.

Таня повела меня к скалам. За сосновым бором пологая гора. Почти к самому берегу выше самых высоких деревьев возвышается отвесный обрыв. Снизу здесь не подойти, на каменной осыпи можно ноги переломать.

Прекрасно понимая, что моя волшебница спокойно и безбоязненно может залететь наверх, сам предпочел подняться пешком по пологому склону. Да и с моей сидячей работой такая прогулка даже гораздо полезней. Таня с удовольствием идет рядом.

С вершины мир вырастает. Справа заходящее солнце слепит глаза. Над нами синее бездонное уже весеннее небо с редкими подсвеченными облаками. Наши пологие горы с ежиком сосен, окраины города многоэтажными башнями тянутся ввысь, но еще выше трубы завода курятся почти прозрачными разноцветными дымами. Над городом небо мутнеет. Лед, оказывается, отошел только от нашего берега. На той стороне ледяные торосы повалили даже несколько деревьев. За дальностью не видно какие, но не хвойные. Темная хвоя была бы видна на белом.

Вспомнил, что неделю назад сильный ветер валил даже в нашем районе рекламные щиты.

Можно представить, что творилось на открытом льду!

Отчаянные рыбаки все-таки есть на озере. Еле видимыми точками видны на том берегу, но гораздо левее нас почти на пределе видимости.

Таня тронула меня за плечо:
– Хочешь научиться летать?

Вопросительно смотрю на нее и непроизвольно вниз. Там острые камни осыпи с островками тающего снега. Дальше мохнатые вершины сосен. До камней метров тридцать, но мне при падении с лихвой хватит и половины!

– Смотри!

Она разбежалась, оттолкнулась от края и полетела вниз. У меня сердце дало сбой! Летит к земле почти вертикально, вот прямо под ней камни, но резко, как на качелях взлетает вверх. Изящный пируэт в воздухе, зависает рядом со мной, мягко приземляется, ноги пружинят в коленях. Раскраснелась, победная улыбка, голубые как небо глаза блестят!

Еще раз посмотрел вниз:

– И я так смогу?

– Конечно! – в глазах отражается небо. – Только нужна практика!

Мрачно усмехнулся:

– Главное – решиться!

– Я поддержу тебя! Тебе нужно... – она явно подбирает слова, но в то же время мне передается ее радость и восторг полета. – Конечно, страшно! Но не... поддаваться! Нельзя, чтобы смертельный ужас завладел твоим сознанием!.. Иначе... иначе ты не сможешь летать никогда!

Несмотря на ее слова, от взгляда в пропасть под ногами в животе всё сжимается.

– Попробуй повиснуть в воздухе!

Смотрю на кроссовки и пытаюсь подняться. Необычная легкость, меня тянет вверх, чувствую, как ноги отрываются от земли, сразу же теряю равновесие, лечу спиной вниз! Стараюсь развернуться, изворачиваюсь, выставляю руки, но не падаю, а мягко касаюсь травы руками! Пытаюсь не встать, а подняться в воздух вертикально, но слишком резко! Опять заваливаюсь на спину, но не падаю, а неловко, хоть и мягко валюсь боком на прошлогоднюю траву.

Поднимаюсь, отряхивая одежду, вытираю пот, не так просто оказалось летать. Помимо прочего довольно тяжело физически.

– Ты мне помогала?

Таня отрицательно качает головой:

– Нет! Но один ты не сможешь летать! – глядя на мое задумчивое лицо, продолжила: – Ни ты, ни я ничего не сможем сделать в одиночку. Всё наше общество построено на действиях в коллективе. Мы в отличие от вас открыты. У нас нет и не может быть тайн друг от друга...

Перебил ее:

– Есть ведь интимные дела, не предназначенные для всеобщего обозрения!..

– Никто и не вторгается в личное пространство другого! Просто стоят... ну можно сказать метки... всё прикрыто флером тайны... сложно объяснить! Но мы знаем, что определенные места закрыты, сразу видим, сюда нельзя!

– А ты говоришь, что у вас нет тайн друг от друга!

– Это не тайна, а просто личное пространство! Когда знаешь, всё просто, а объяснить... нет таких слов, чтобы объяснить! Плохие люди, даже личности с двойным дном у нас не выживают! Их сразу чувствуют, и с ними никто не будет общаться, а в одиночку невозможно выжить! – прервала сама себя.

– Сейчас попробуй зависнуть в воздухе неподвижно. Чтобы контролировать положение тела, держись горизонтально лицом к земле!

Хотел лечь на землю, но подумал, зачем! Мягко, завис в воздухе под углом, ноги еще касаются земли. Стараюсь не делать резких движений, поднимаю ноги. Подумал, увидел бы кто меня со стороны, тут же потянуло вниз. Сосредоточился на положении тела. Повис неподвижно, земля в метре подо мной.

– Теперь медленно выпрямляйся и постарайся зависнуть вертикально!

Выпрямиться сразу не получилось, опять начал заваливаться, качнулся телом вперед, стараюсь принять строго вертикальное положение. Болтает в воздухе, но разобрался и повис почти непод-

вижно над поляной. Еле ощутимый ветерок оказался для меня серьезной проблемой, как воздушный шарик меня тянет в сторону.

За всеми манипуляциями не следил за высотой, сердце ёкнуло, земля подо мной метрах в трех, сразу потянуло вниз.

Снизу голос наставницы:

– Сейчас просто спускайся! Только медленно, не торопись!

Спуститься получилось без проблем. Только не смог сразу встать неподвижно, опять потянуло на спину, пришлось сделать шаг назад.

Достал платок, хотя уже солнце садится и холодает, вспотел изрядно.

– Вы, наверное, детей так обучаете?

Таня печально качает головой:

– У нас уже давно нет детей.

– А как же воспроизводство населения...

Она грустно усмехнулась:

– Не пытайся проводить аналогий с вашим обществом... мы совсем другие, – сразу же сменила тему. – Теперь попробуй спуститься, – показала глазами на обрыв.

Что-то, наверное, отразилось в моих глазах.

– Боишься?

– Ты же сказала, что страх – естественная реакция организма!

Она улыбнулась моей любимой теплой улыбкой.

– Я говорила совсем не так, но смысл ты понял.

Остановился на краю обрыва, выдохнул и шагнул в пустоту.

В краткий миг, когда увидел камни внизу, парализующий страх сжал низ живота и удушливой волной пытается захлестнуть сознание, но усилием воли преодолел ужас и падение сразу замедлилось.

Пытаюсь плавно по дуге лететь к поляне. Меня дергает, ощутимо побалтывает, но стараюсь лететь строго горизонтально.

Приземлиться красиво не удалось, меня опять начало заваливать, стараюсь перевернуться, землю встретил на четвереньках. Задрал голову, Таня легко и изящно летит навстречу.

Встал. Понимаю, что для нее мой полет как первый шаг младенца, но для меня это победа, и глу-

пая улыбка невольно расцветает на лице. Смотрю вверх, пролетел метров семьдесят, по пологой дуге, скорее всего, даже больше.

Таня тоже улыбается. Вижу, она не смеется надо мной, а так же как и я, радуется моему первому самостоятельному полету.

Никогда бы не подумал, что летать тяжело просто физически! Болят мышцы спины, ног, особенно икры и почему то плечи. Утром, наверное, будет еще хуже. Но со временем организм привыкнет. Насколько заметил, Тане полет дается без всяких усилий и доставляет только радость.

Уже темнеет.

Меня подвела самоуверенность. Хуже нет, когда только начинаешь осваивать какое-то дело и крохами умения начинаешь бравировать!

Начал подниматься вверх вдоль скалы. Надо было лететь вдоль обрыва, но как здорово подняться резко вверх!

Непередаваемое ощущение полета! Когда весь мир под тобой, и ты властен над ним. Ты можешь всё, никто не может тебе помешать, высота – твой друг и не надо ее бояться!

Оказывается, если внизу ощущалось только легкое дуновение воздуха, то дальше за скалами наверху сильным порывом ветер несет меня назад в сторону озера. Стараюсь обернуться, сразу переворачивает на спину, успел только заметить сосновый ствол, попытался увернуться, ударился правым боком, боль! Всё тело содрогнулось! Пытаюсь схватиться за ствол левой рукой, но успел только коснуться, лечу вниз, обламывая сосновые лапы. Пытаюсь ухватиться, но ветка обломана!

Бьется мысль «я умею летать», но жду удара о землю, она уже рядом! Кажется, на какой-то миг падение замедлилось, с отчаянием со всей силы хватаюсь за ветку, она пружинит, рука соскальзывает, сдирая кожу с ладони, падаю!

Удар! Ногами коленями, пружинят руки, лоб...

Серая пелена уходит, превращается в черные точки. Темнота. Холодные капли на лоб... Кап!.. Кап!.. Дождь...

Сумрак. Головокружительный рваный калейдоскоп багровых отчаянных картинок... не могу разобрать... шмыганье носом, плачущий чужой и родной голос:

– Открой глаза!

Передо мной силуэт, только блеск глаз. Не вижу, совсем низкое небо над головой... это потолок... где я?..

Лежу на заднем сиденье машины, голова у Тани на коленях.

– Как же я не уследила за тобой! – совсем как деревенская баба причитает сквозь всхлипывания.

Вдруг в краткий миг понял ее, она не обо мне плачет, о себе!

Я, да и все мы люди маленькой планеты – не более чем муравьи в случайном лесу на захлавленной поляне. Скучающий путешественник скользнул взглядом по муравейнику и, может, где-то на краю сознания отметил примитивный разум, от которого нет ни угрозы, ни какой-либо пользы. Так, ничего не значащая мелкая деталь пейзажа...

Она оказалась здесь случайно, и я для нее даже не Пятница для Робинзона, а скорее ручная обезьянка, с которой интересно играть в краткий момент, и наверняка даже не маргитка, а лошадка, без которой она не сможет добраться до своего мира...

Что будет со случайным коником после путешествия, ее вряд ли интересует... Нет! Она будет меня кормить и ухаживать за моим телом, но сохранится ли моя личность после... большой вопрос, но только для меня!

Она не стала оправдываться, хотя мои мысли читает, как мы заголовки газет. Просто увидел тоску, именно увидел(!) об утраченной гармонии ее странного и благоустроенного мира.

И понял, сделаю всё, чтобы она добралась домой.

Буквально через несколько минут Таня меня починила. Даже не понял, был ли серьезно ранен. Когда очнулся, тупая тянущая боль во всем теле, сухость и тошнота. Таня не дала мне даже пошевелиться. На какое-то время ощутил головокружение, даже замутило, резкое самопроизвольное сокращение всех мышц, вибрация во всем теле, заныли зубы, но даже не успел

притерпеться к боли, как сразу же всё прошло. Появилась необычайная легкость, явно исходящая от Таниной инопланетной медицины, или как там у них это называется.

Пока добирались до дома, узнал любопытные подробности моего падения.

Оказывается, моя волшебница отнюдь не всемогуща. Она почувствовала только смутное беспокойство, когда я уже сорвался с дерева. Дальше, еще интересней. Таня меня не сразу нашла! Увидела мои, слава богу, не бранные останки, как обычный человек, то есть просто глазами! Как понял, более всего ее испугало, что она не смогла установить со мной потенциальный контакт, хотя до этого мы с ней были постоянно на «связи».

Веду машину на автомате. Как должное воспринял наш перелет вместе с машиной через лужу. Чуть повернул руль после мягкого касания колес дорогой.

Появилась пицца для размышлений.

Насколько помню полет, падение и панику, о своей волшебнице я даже не вспомнил, не до того было! Может быть, мои эмоции перехлестнули через край и отсекли всё постороннее, главное – выжить! Вот почему Таня ничего не почувствовала! Ведь по ее словам, она постоянно отслеживала меня, где бы ни находился!

Значит, могу при желании уходить от назойливой опеки и уходить из-под ее внимания!

А ведь мог элементарно на смерть разбиться! Наверное, уже не узнаю, серьезно ли был ранен во время падения, все-таки насколько помню, успел замедлиться перед приземлением, но если бы разбился, никто, даже Таня не смогла бы помочь.

Отсюда вывод: в случае серьезной опасности моя волшебница не сможет гарантировать безопасность. Но если хоть краешек сознания останется, она сможет вытащить меня хоть с того света.

И еще: Таня ведь начала лечение только тогда, когда пришел в себя. Значит, без моего, хотя бы косвенного участия, у нее не получится ничего!

17.03.

Подо мной буйство красок нового мира. Зеленое хрустальное небо. Золотые облака неспешно плывут к голубому шару неслепящего солнца. Огромное местное солнце угадывается именно шаром, звезда объемна.

Воздух с еле уловимой голубизной. От земли – дурманящие чужие запахи. Пахнет близкой водой, пряной живой и жухлой листвой, сладкий, но не противный запах разложения.

Бескрайняя бирюзовая равнина пологими холмами тянется за далекий горизонт. Россыпи изумрудных и малахитовых озер чуть морщатся и отражают червлёные облака. Мягкие овалы огромных деревьев с раскидистой кроной с разноцветными широкими листьями. У самой земли широченные темно синие, соседствуют с оранжевыми, чем выше, тем светлее. К небу тянутся мелкие уже почти прозрачные голубые листочки. Странно видеть рядом просвеченные насквозь голубым солнцем янтарные почти березовые сердечки.

Острые коричневые конусы тянутся вверх. К вершине конусообразные верхушки отливают нежной голубизной тонких иголок.

Кипит своя непонятная жизнь.

Режущие чужие голоса тысяч и тысяч птиц сливаются в какофонию, но в небе нет ни одной пичуги. По стволам в листве копошится много живности, птицы прыгают с ветки на ветку, быстро перелезают, ловко лавируя между деревьями, но на открытом пространстве нет ни одной.

Большая птица вылетела из-за прикрытия густой листвы, расправила чудесные почему-то четыре(!) разноцветных, как в калейдоскопе, крыла, резко затормозила, практически на месте развернулась, теперь понятно, зачем четыре крыла, а деревья передние и устремилась к ближайшим кустам. Несмотря, казалось, на лишние крылья, птица кажется созданной для полета. Все эволюции проделаны с изяществом и мастерством королевы воздуха. Ей не хватило совсем чуть-чуть до ближайших листьев.

Из ниоткуда, просто из воздуха, проявилось рваное, как

бесформенное одеяло, существо. Мгновение – и чудовище свернулось комком вокруг чудесной птицы. Еще секунды она темным пятном бьется внутри существа, тает вместе с ним, остается только тень тумана в небе, но вот пропала и она. Только разноцветные перья, переливаясь и блестя на солнце, праздничным конфетти опускаются на голубую траву.

Какое-то фиолетовое животное, с острой мордочкой и с иголками как у ежика, но с длинными как у цапли ногами, пробирается между гранатовыми стволами. Осторожно ставит ноги на пружинящую болотистую почву и что-то выискивает перед собой. Вдруг резко выбрасывает вперед и чуть в сторону длиннейший язык. Кончик языка оплетает оранжевая и мохнатая сороконожка.

Озеро живое! Ближайшие берега отступают, вода подбирается уже к когтям ничего не замечающего животного. С другой стороны – наоборот, берег поднимается. В центре озера возникает голубой голый остров. Вода даже не морщится. К ногам существа вырастают и тянутся удлиняющиеся бледные ресницы. Утонченные на концах, как паутина, всё ближе и ближе к когтям.

Вместо того, чтобы убежать и спастись, существо приседает, ноги не складываются, а исчезают где-то внутри тела, иголки распрямляются, всё животное покрывается нежным розовым туманом. Пелена уплотняется, одновременно меняя цвет на багровый. Стекает вниз к тянущейся паутине. По воде рябь, щупальца ресниц коробятся как от огня, озеро поспешно отступает, на поверхности радужные пятна.

Вдруг с небывалой ясностью понимаю этот мир.

Жизнь на планете проста и сложна. Здесь нет деревьев, это два живых существа, а деревья просто выходы на поверхность. Вижу чудовищно сложный организм, уходящий глубоко вниз. Огромная сложнейшая корневая, а может даже кровеносная система тянется под всей землей и на сотни километров вниз. Раскидистые деревья и конусообразные – это и есть два разных выхода живых существ на поверхность

планеты. Кустарник и трава, даже мох – тоже они. В зависимости от почвы и природных условий они могут превращаться, перетекать одно в другое. Деревьями в нашем понимании их назвать нельзя. Они конкурируют между собой и одновременно дополняют друг друга.

Озер нет. Есть невероятно сложный живой организм. То, что кажется озерами – такие же выходы на поверхность хищного существа. Они не просто получают животную пищу здесь на поверхности и глубоко внизу, но еще и питают влагой деревья и себя.

Они разумны! Но такой далекий и чужой разум. Он не холодный и машинный, но чужд нам так, что почти нет точек соприкосновения, но только почти!

Разумная планета? Нет! Это мозг еще не захватил всю поверхность, да и не хочет этого, хотя как можно узнать, какая цель у чуждого разума, если мы сами не видим цель собственного существования!

Не вижу и не чувствую разум, хотя знаю – он здесь есть.

Мною заинтересовались.

Мягкий неназойливый, даже где-то робкий интерес. Будто мягкой лапкой кто-то трогает мое сознание.

Сразу настораживаюсь. Сам экскурсант в чужом мире не хочу стать объектом чьих-то исследований.

Но меня здесь нет... или присутствует мое сознание?..

Мне ненавязчиво предлагают игру... в сознание вползают прозрачные геометрические фигуры. Квадраты, призмы, кубы... строятся более сложные разноцветные фигуры... Пытаются играть, как с младенцем!?

Такие же еще более призрачные фигуры вижу в небе над головой...

Схожу с ума... или я давно сумасшедший...

Встал с тяжелой головой. Болит, кажется, все мышцы, ноет каждая косточка. Даже зубы... у меня исчезла коронка на месте сломанного зуба, но сам зуб цел! Неприятно царапнуло, что моя невольная целительница без моего согласия хозяйничает в моем теле.

Таня спит. Спит под одеялом, как обычная земная девчонка. Или

притворяется? Нужно спросить, нужен ли ей сон? И как она сохраняет со мной связь, если ей сон не-обходим, как нам? А может, просто становится обычным человеком?..

На работе новых заказов нет, народ лениво заканчивал текучку и обсуждал предстоящие выходные.

Шеф с главбухом уехали, секретарша Жанночка, с ленцой крася коготки, сообщила о предстоящем большущем заказе. Общественность усомнилась. Ее осведомленность не вызывает сомнений, но часто такие громадные заказы остаются только в горячечном воображении хозяйки прелестной головки.

Уже ближе к обеду с кислой миной прошествовал босс, за ним на ходу что-то втолковывая, идет главбух, оба прошли в бухгалтерию.

Когда шеф с озабоченным видом прошел в свой кабинет, следом проскользнул и я.

Надел очки, внимательно прочитал мое заявление, вздохнул, барабанит пальцами по столу, не глядя на меня.

– За свой счет дать отпуск... может, очередной возьмешь? – поднял на меня глаза.

Задумался. Отпуск в марте... а понадобится ли мне вообще очередной отпуск! Шеф дожимает:

– Если летом перерыв с заказами будет, сможешь за свой счет взять, – протягивает мне чистый листок. – Пиши также с понедельника.

Переписываю заявление.

– С Семеновским проектом не тяни, закончишь, можешь махнуть куда-нибудь на Канары! – протянул мне подписанное заявление. – Какой-то ты смурной в последнее время... Ты своего приятеля Андрея давно видел?

Настороженно поднял глаза.

– С неделю назад.

– Странный разговор у нас с ним вчера был, какой-то скользкий. Про тебя расспрашивал. Советовал с гаденькой такой улыбочкой с твоей новой пассией познакомиться. Ты жениться собрался?

Неопределенно пожал плечами.

– На свадьбу пригласи!

Разговор оставил тягостное впечатление. Андрей не ответил на мои звонки, а потом, судя по всему, занес меня в черный список. Но, оказывается, интересуется, как у меня дела. То, что он якобы случайно встретился с шефом, не верится. Андрей тот человек, у которого случайности закономерны.

Уже сидел за рулем, звонок. Слава Чернавский на день рождения приглашает.

– ...Отказы не принимаются! У тебя, говорят, новая дама сердца? Общество ждет и от нетерпения сучит ножками!

– Даже не знаю, согласится ли она...

– Давай, давай, уговаривай! – в своей обычной жизнерадостной манере напирает Слава. – Или уже друзей по барабану, на тебя не положе!

Подумал, а почему бы и нет!

– Точно не обещаю, но поговорю! Андрея-то пригласил?

– Тот жук в кои-то веки в командировку укатил!

Еще одно совпадение, которое бывший друг вряд ли допустил бы, может, зря сам себя накручиваю! Мысленно махнул рукой. Будь что будет!

Перед тем, как ехать домой, осталась тягостная обязанность, отвести вещи Елене. Сейчас понятно, ни Марго, ни тем более Лена за вещами не придут. Уже прошла почти неделя, а ей многие вещи просто необходимы, к тому же у меня остался набор недешевой косметики. С моей стороны – свинство держать это всё у себя.

Еще утром до работы забросил в машину две большие сумки.

Трубку подняла на третьем гудке:

– Да! – такой знакомый голос, все-таки кусочек моей и ее жизни.

– Ты дома? Вещи хочу завести...

– Заходи, я дома, – холодный равнодушный ответ, что у нее на душе, попробуй, угадай!

Встреча прошла спокойно, истерики и обвинения во всех смертных грехах не последовало. Лена вышла ко мне в соблазнительной домашней футболке и бриджах, выгодно подчеркивающих ее неплохую фигуру. Но легкий и тща-

тельно продуманный макияж нанести успела.

Занес сумки.

– Покажи куда поставить!

– Поставь прямо здесь, все равно разбирать, – смотрит с неуловимой грустью в глазах.

– Она красивая?

Неожиданно для себя усмехнулся и сказал:

– Ты ее видела! Помнишь бродяжку на рынке?

У Лены удивленно поднялись брови.

– Какую бродяжку? На каком рынке, – наморщила лоб, – на «Птичке»?

Уже пожалел, что затеял ненужный разговор.

– Что она на рынке делала?

– Я ее тогда, как и ты, первый раз увидел, – улыбнулся.

– Рита пришла от тебя вся растрепанная, толком ничего не говорит, пришлось ей валосердина накапать! Я только и поняла, что у тебя какая-то... – не смогла подобрать слово. – Что у вас там произошло?

Неопределенно пожал плечами. Понял, что Лену интересует происшедшее с подружкой постольку поскольку.

– Знаешь, у нас все равно ничего бы не получилось!

– Почему? – вот сейчас отвечаю на животрепещущие незадаанные вопросы. Один взгляд мне сказал больше, чем весь разговор.

– Все равно мы бы расстались, только потом большее было бы...

Повисло нелегкое молчание. Что-то мешает мне просто уйти. Мы так и стоим в прихожей, между нами сумки, неловкость нарастает, повернулся к входной двери.

– У тебя с ней так серьезно?

Не удержался от грустной улыбки.

– Это совсем не то, что ты думаешь...

– Я все равно тебя ждать буду!

Молча качаю головой.

Не удержался, по дороге попался на глаза уже родной бутик, заехал и купил Тане светло голубой спортивный костюм в расчете на будущие отпускные. Присмотрел еще раньше, но зеленое земноводное не позволило транжирить деньги, прорехи в бюджете и так ощутимые, а сейчас пусть

будет подарок в честь моего отъезда.

К моему удивлению Татьяна довольно хладнокровно рассмотрела обновку, зато с энтузиазмом восприняла новость о приглашении на торжество.

— Где это будет, — сразу же поправилась. — Они, то есть мы, где отмечать праздник будем?

С улыбкой смотрю на нее.

— Ты у нас там будешь иностранкой, русской тебе быть не с руки, а госте с дальнего зарубежья у нас многое прощается, — задумался, пытаюсь прикинуть страну для Татьяны, — скажем, полькой... нет! Тогда тебя с политикой достанут. Лучше какой-нибудь чешкой!..

Она с лукавой улыбкой перебила:

— Byla jsem krasha v cestine!

— ...А отмечают Чернавские всегда дома!.. — растерянно договорил, фраза в ее исполнении получилась красивая и где-то даже понятная. — Это, надо полагать, чешский? — и вдруг неожиданно для себя спросил: — А ты могла бы остаться?

Тоскливый взгляд прямо в душу.

— Ты же знаешь ответ... — поневоле отвел взгляд.

Таня предложила съездить еще раз к Долгому. Второй раз ехать по тому же маршруту у меня нет никакого желания, выдвинул встречное предложение — поехать за город в лесопарк. Место красивое, в такую погоду гуляющих не должно быть. Единственный недостаток, ползти вечером через весь город.

Татьяна возразила, глядя в пространство.

— К твоим скалам только поздно вечером приедем!

Заглянул в Интернет, сплошная пробка! Интересно, где она информацию берет, но спрашивать не стал.

Выходим из дома, ветер с мокрым снегом в лицо. Поздоровался с соседками, они сплетничают под козырьком подъезда. Привычно пожалел Аришку, славная девочка с неправильно растущей ногой. Лена как-то разговаривала

с мамашей, оказывается, можно сделать операцию, но только когда подрастет до определенного возраста, да и то положительный результат врачи не гарантируют.

Ёкнуло сердце, Таня наклонилась к ребенку. Соседки продолжают что-то жарко обсуждать, они не видят малышку, мне тоже не видно, что делает моя фея, спиной закрывает от меня девочку. Вот распрямилась, помахала Аришке, та с улыбкой машет в ответ и сразу, как-то чересчур быстро бежит к маме.

— Ты что с ней сделала? — воровато оглянулся, но мы уже ушли за угол, машину удалось поставить только здесь.

— Ты же хотел, чтобы я ее вылечила! — озорная улыбка.

— Хотел-то хотел, но во что это хотение выльется!

Выезжаем из двора, около подъезда на корточках сидят обе товарки, заинтересованно трогают ножку девочки. Мамаша вдруг хватает ребенка и бежит к подъезду. Нервно, путаясь, ищет в сумочке, наконец, достает связку ключей, но не может электронной пластинкой коснуться домофона, ребенок не понимает, куда его так срочно тащат, и сучит ножками. Подруга что-то с жаром пытается ей втолковать, но та не слушает. Наконец электроника срабатывает и обе скрываются в подъезде.

Вздыхнул. За девчущку радостно, но представил ажиотаж, и стало страшно. Утешает только то, что они могли не заметить, кто выправил ножку.

Низкое небо пасмурно нахмурилось, но снег уже не летит стеной, в свете фар мелкая крупа поземкой завивается на дороге. Темнеет.

Удачно выезжаем на «объездную», пролетаем до развилки, сворачиваем на Долгое. Перед нами туда же сворачивает «Нива», оттуда на магистраль выезжает «Опель». Видимо лужа высохла, и народ махнул на озеро на рыбалку. Про себя удивляюсь, погода неважная, а желающих не убывает, но утешаю себя тем, что рядом отворот к дачному поселку.

Лужа осталась на месте, просто какие-то доброхоты прокопали канавку для слива воды. Колеи,

конечно, наездили изрядные, но проехать можно без проблем.

Пока спускались к озеру, из-за узкой дороги с трудом разъехались с четырьмя машинами, главное, что все они едут назад, надеюсь, больше на берегу никого не осталось.

В этот раз решил проехать дальше, Татьяна за всю дорогу не проронила ни слова, я тоже молчу. Прямо на самом берегу мужики укладывают в багажник рыбацкие санки, другой здесь же переодевается. Больше никого не видно.

— Здесь на Земле есть несчастные люди слепоглухонемые...

— Ты хочешь им помочь?

Она недовольно скривилась.

— Ты не дослушал меня! — остановил машину и повернулся к Тане. — Помочь я им не смогу, здесь нужен более высокий уровень, хочу сказать другое; вот ты спрашиваешь, могу ли я остаться, — горестно вздохнула. — Смогу! Но буду, как эти несчастные. Ты даже не можешь представить, чего я лишена здесь! У меня нет на твоей примитивной планете, не обижайся, — она положила руку мне на колено, — десятой доли того, с чем я родилась там у себя! Живу только надеждой, что когда-нибудь вернусь домой!

Мазнула фарами развернувшаяся машина рыбаков. Уже совсем стемнело. Небо подсвечено только неясным заревом оставшегося позади города.

— Ты правильно заметил, я не только теряю здесь свои... — передо мной промелькнули неясные образы, — навыки и возможности, но, самое страшное, незаметно для себя становлюсь такой же, как вы!

— Конечно, твой Мир и твои возможности я не могу представить, но ты ведь мне показывала...

— Когда тебя чуть с ума не свела! — она смотрит в темноту и грустно улыбается. Вижу только неясный профиль самого родного и бесконечно далекого мне человека.

— Ты со мной ведь снами делишься.

Удивленно поворачивается ко мне.

— Какими снами?

Пытаюсь путано объяснить.

— Лучше попробуй показать!

Сразу же, без всякого перехода оказываюсь под знакомым и чужим зеленым небом. Здесь тоже

вечер, только совсем иной. Голубое светило уже зашло, только краешек неба еще светится молодой зеленью. С противоположной стороны встает багровый мертвенный свет местной Луны. Светло-коричневые сумерки, темные зеркала озер, верхушки леса окрасились в цвет старого мутного янтаря. Долгий тонкий визг странного приземистого существа...

– Не знаю этот Мир! Когда-то видела нечто подобное, но не здесь!

Сажу в машине рядом с Таней. Сердце бухает в груди, на лбу испарина. Даже не понял, сказала она это, или подумала. Так недолго и вправду оказаться в скорбном доме! Бензинчика в костер сомнений подлила Татьяна.

– Ты смотри осторожнее с такими путешествиями! Как бы там навсегда не остался!

– Такое возможно? – холодок в груди.

– Да! Тело останется здесь, а ты там. Будешь болтаться между мирами без возможности вернуться! – она задумчиво смотрит в темноту за окном. – После встречи со мной, ты, скорее всего, такие способности получил! В тебе и до меня такое знание, точнее predisposed к получению знания была, а наша встреча как катализатор подействовала, – повернулась ко мне. – Ты особо не беспокойся! Пока я здесь, всегда выгашу, а пока постарайся научиться управлять такими путешествиями.

Веселая перспектива управлять собственными снами! Я там управляю, а здесь меня бульончиком прямо в пищевод кормят! Понял, с безнадежной обреченностью, придется смириться, мне с ней жить всегда.

Тем временем Таня выходит из машины.

– Нам нужно туда! – показывает рукой.

– Полетели!?

– Не боишься после падения?

Пожал плечами.

– Тебе темно, сейчас легко ошибиться в определении расстояния и высоты, держись рядом со мной, а лучше возьми меня за руку!

Плавно под углом взлетаем в пасмурное небо.

Подумал, что со стороны мы, наверное, похожи на Мальша и Карлсона, только Мальш в полтора раза крупнее мужчины в самом расцвете сил. Тут же потянуло вниз, Таня сильнее сжала мне руку. Отвлекаться нельзя, нужно постоянно быть сосредоточенным на полете!

Летим с пологим подъемом к скалам, громоздящимся беспорядочной каменной стеной прямо на берегу. Опасался, что после падения буду бояться высоты, но сейчас с любопытством и детским восторгом смотрю на темную землю под ногами.

Холодный воздух неподвижен и тих, только от нашего полета ветерок неласково холодит лицо. Если внизу тишина, то здесь вечер наполнен мягкими приглушенными звуками. Слышно несмолкающий шум трассы. Натужно ревет изношенный мотором фура на подъеме, фоновым шумом шуршат шинами легковые машины. Далекий гудок тепловоза, на пределе слышимости лязг трогаящегося состава.

Начал прислушиваться, сразу ощутимо потянуло вниз, Танина рука опять напряглась, но сам управляю полет.

Под нами уже вершина. Одновременно мягко касаемся ногами жухлой травы, только опять не смог встать без шага назад.

Таня проходит вперед, не могу удержаться, наклоняюсь слишком сильно, почти касаясь травы руками, чуть приподнимаюсь и лечу вслед за ней. Приземлился на четвереньки, но вовремя. Оказывается, Таня не зря приземлилась раньше, наверное, специально оберегая неопытного летуна, дальше каменная осыпь в темноте сливается с молодым сосновым подлеском перед ней.

Моя инструкторша не смогла скрыть ехидной улыбки, даже в вечернем сумраке вижу блеснувшие зубы, сразу отвернулась и прошла несколько шагов вперед.

– Посвети сюда! – показывает рукой.

Осветил телефоном ничем не примечательную расщелину между двумя огромными валунами. По центру растет тоненькая березка с двумя не слетевшими листочками.

Таня внимательно смотрит в расщелину, где валуны почти касаются друг друга.

Земля вспухает, как будто снизу в секунды вырастает огромный гриб. Тень от березки отклоняется, только сейчас замечаю, тоненький ствол медленно валится в сторону. Из-под земли, выворачивая дерн, вырастает грязный прямоугольный предмет.

Знаю, что она откопала, не зря с Андреем вспоминали о кладе. Почему то сразу представился сундук с золотыми пиастрами, хотя царские червонцы ничуть не хуже.

Действительность оказалась гораздо прозаичней, но намного практичней. Когда я снял плотный грязный полиэтилен, показался старый большой чемодан из синего кожзаменителя, таких уже давно нет. Впрочем, у кого-нибудь на антресолях наверняка лежит пропахший забытым уже нафталином. С широкими ремнями, застегнутыми двумя заржавевшими замками. При всем моем старании замки открываться не хотят категорически, снизу взглянул на Таню, двойной щелчок! Плавно вылезли ремни. Крышку пытаюсь открыть сам.

Почему-то хочется открыть именно самому, но края плотно прилипли друг к другу, и при всех моих стараниях открыть не могу. Напрягаюсь так, что, кажется, трещат кости, и крышка медленно отлипает, сдирая часть синей краски. Пахнуло запахом сырой макулатуры. В свете тускнеющего фонарика – старые газеты. Бросилась в глаза серая тусклая фотография на первой странице. Какие-то забытые политикижимают друг другу руки, фальшиво улыбаясь в камеру.

Стараясь скрыть нетерпение и убирая влажные и ломкие газеты, мимолетно подумал, зачем вообще открывать чемодан здесь. Сцена, как из низкосортного голливудского боевика, – злобный гангстер трясущимися пальцами пересчитывает пачки долларов. Рядом главный хороший герой, скрестив руки с кольтами, хладнокровно наблюдает за жалкими потугами. Поднял глаза на Таню. Выгляжу в ее глазах как жалкий туземец с восторгом и жадностью рассматривающий стеклянные бусы!

С усилием закрываю чемодан, теперь замки не закрываются! Двойной щелчок! Мельком посмо-

трел на Таню, спросил с выдавленной ухмылкой:

– Кто зарыл такие сокровища? – фраза получилась нарочитой.

Таня вздохнула и, как всякая женщина, прямо на вопрос ответила не сразу:

– Здесь триста шестьдесят тысяч долларов, семьдесят тысяч немецких марок, сто сорок две тысячи рублей, два килограмма сто сорок граммов золотых изделий, фальшивые документы, пистолет Макарова...

– И чье это всё?

– Ему уже ничего никогда не понадобится.

Выключил фонарик, телефон подсел, в темноте светлым пятном виднеется только костюм да белое лицо.

– Если не хочешь открывать, полетели к машине.

Ноша оказалась неожиданно тяжелой. Таня решила всё просто. По наивности полагал, что придется нести в руках, оказывается, чемодан может просто лететь рядом без нашего участия. Уже вроде бы пора привыкнуть к ее чудесам, но все равно обыденные вещи ставят если не в тупик, то часто заставляют смотреть на всё по-другому.

В машине тоже не стал заморачиваться с чемоданом, решил взять домой, только уложил в старую сумку.

По дороге впервые подумал, а жалею ли о появлении Тани? Хотел бы жить по старому, жизнью простого обывателя?

Ведь все мы по большому счету обыватели. Может быть, в юности мечтали о больших свершениях, а, получается, поступили в ВУЗ по географическому принципу, тот, что рядом с домом, или где конкурс поменьше. Женились не по большой любви, а потому что так принято. И пошла взрослая жизнь, вечная наша текучка, не давала задуматься, что там за горизонтом.

Так и катимся по наклонной до деревянного ящика. А жить-то по большому счету так и не начинали...

Может быть, сейчас судьба, или Господь, или какие-то там Горние силы дают мне средство и силы изменить не только мою жизнь, но и судьбу миллионов землян... может быть, это единственная возможность.

Усмехнулся своим мыслям, но ведь это не гордыня! Сейчас я свидетель и участник таких явлений, у которых нет аналогов в мире! Хотя кто знает, кто знает!..

Если существует Господь, так может, не случайна наша встреча.

Конечно! Она, не желая того, разрушила мой мирок, в котором тепло и удобно. Жизнь моя, какая бы ни была, устроена. А сейчас всё летит в тартарары...

Может быть, кто-то там в каком-нибудь Верхнем мире с усталой усмешкой наблюдает за моими наивными рассуждениями и планами по переустройству мира...

Пыхтя, с трудом, затащил сумку в квартиру, Таня почему-то не помогла. Только успел вытереть пот, звонок в дверь. Недоумевая, пошел открывать.

– Извините за поздний визит! – на пороге стоит сосед, худшие опасения сбылись, передо мной папа Ариши! Танино исцеление не прошло незамеченным! – Можно войти?

Молча, посторонился, пропустил незваного гостя в квартиру.

Мужчина явно смущен и не знает, как начать разговор. Попытался снять домашние тапочки, но я на ходу отрицательно покачал головой, от чего он еще больше смутился.

Также молча показал на кресло, сам сел напротив и выжидающе смотрю на него.

– Ваша жена... – осекся, поднял глаза на вошедшую Таню, вздохнул, посмотрел на меня, очередной вздох, на лбу выступили бисеринки пота. Полез в карман, я, было, решил, что за носовым платком, но неожиданно он вынул сверток. Развернул... и положил на журнальный столик пачку долларов, перетянутую резинкой! – В общем вот!..

Ошарашено взглянул на Таню, абсолютно ничего не выражающее лицо.

– Уберите! – сказал голосом киношного честного доктора, отрицающий жест рукой вышел несколько театральным.

– Я знаю... конечно, даже операция стоит дороже... а тут так сразу... без боли... – он суетливо пытается пододвинуть пачку ко мне, я отодвигаю от себя. – Мы до-

платим... Аришка вообще ничего не почувствовала...

За суетой безучастно наблюдает Таня, но тень иронии я заметил на ее лице.

– Уберите деньги! – рявкнул, сосед застыл с пачкой в руке, под моим сверлящим взглядом поспешно засовывает деньги в карман.

Секундное замешательство.

– Зачем вы так... – проговорил еле слышно.

– Не нужны нам ваши деньги! – сказал уже другим тоном.

– ...Оля договорилась назавтра с Владимиром Николаевичем, это доктор, самый лучший у нас детский травматолог...

– Никуда не нужно ходить, – тихо проникновенно сказала Таня, даже не подозревал такое участие в ее голосе.

– А посттравматический синдром...

– Она абсолютно здоровый ребенок, у нее всё теперь хорошо!

Внимает, а не слушает! Даже рот приоткрылся! Нет! Оказывается, хочет сказать:

– У нее к вечеру ножка заболела, – порывисто вынул из нагрудного кармана очки и бумажку, – У меня здесь записано, когда и где...

Таня смотрит сквозь него:

– Больше не будет болеть...

– Уверены? – поочередно смотрит на меня и Таню. – Вы ведь можете помочь тысячам больных! – порывисто вскочил. – Видели бы вы, сколько несчастных детей, убитых горем родителей! – всплеснул руками. – Вам бы памятник поставили!

С ненужным злорадством вижу растерянность в глазах новоявленной целительности, но сразу же представил подъезд, забитый больными детьми, скандал из-за очереди родителей...

– Ваша жена уже созванивалась с... такими же родителями?

Энергично закивал:

– Конечно! Со своим горем мы ведь все как одна семья! – со страхом спохватился. – А что, не надо было?

Значит, уже завтра жди наплыва посетителей!

Я встал:

– Уже поздно, вам и нам рано вставать...

Он молитвенно сложил руки:

– Ухожу, ухожу! Не знаю даже, как вас благодарить! – опять суетливо полез в карман куртки, видя мой отрицающий жест, проговорил, доставая из кармана бутылку. – Это не то, что вы подумали!

Припираться из-за коньяка не было ни сил, ни желания.

– Ты представляешь, что здесь завтра будет твориться? – безучастное лицо, пустые глаза:

– Нам нужно съехать отсюда.

– А дети! Ты о них подумала?!

– У каждого своя судьба.

Только раз видел у нее такое лицо, во время памятного визита Андрея.

Не спится.

Сейчас при наличии такого капитала сменить квартиру – не проблема... Можно ее понять, кому хочется остаток жизни провести на чужой планете, занимаясь медицинской благотворительностью! Еще вопрос – сколько она здесь сможет прожить?..

Надо мной проявилось легкое белесое облачко, голос внутри меня:

– Не помешаю?

Усмехнулся. Как можно помешать, если находишься внутри меня?

На плече проявляется голова и под одеялом уютно устраивается горячее обнаженное тело. Напрягся и сразу расслабился, давно уже пора привыкнуть!

– Ты зря ухмыляешься! – в голосе нешуточная обида. – Я никогда не вторгаюсь в твою приватность. Может быть, зря вылечила твой зуб, но не думала, что тебя это так заденет...

– Наоборот! Спасибо тебе, просто неприятно, что кто-то чужой ковыряется у тебя в организме! – под одеялом ладонь наполняется упругой грудью.

– Не надо сейчас! – милый голос с тонкой легкой укоризной. – Ближе нас с тобой сейчас нет людей на всей планете.

С удивлением почувствовал, желание уходит, остается мягкая нежность.

– Ты и этим можешь управлять?

– Если бы ваши женщины могли так, в вашем мире никогда не было бы насилия.

Осторожно обнимаю личную волшебницу, от поцелуя она не уклонила.

– Мы отвлеклись. Я уже тебе говорила, может быть, ты не до конца понял, или не такими словами сказала... Ваш язык допускает разные оттенки одних и тех же слов. У нас интуитивно не принято вторгаться в личное пространство другого человека.

– Ты сканировала население всей планеты в поисках подобных тебе, то есть нас, – поправился.

– Это не так сложно, как тебе кажется...

– Значит я один у нас такой?

– Нет.

– Кто еще?

– Не ревнуй! Самое глупое чувство у вас! – но вздохнула по-бабьи. – Нашла еще троих, но может быть, есть еще, я ведь не волшебница...

– ...Ты только учишься...

– Это из книги?

– Нет, из старого фильма.

Уснули мы все-таки только под утро...

18.03.

Уже допивал утренний кофе, звонок в дверь. На пороге стоит смутно знакомый respectable седовласый господин в дорогом пальто:

– Извините за ранний визит, но дело не терпит отлагательства, – шагнул в дверь, пришлось невольно отступить. – Еще раз извините, но я хотел бы поговорить с вашей женой.

В прихожую выглянула Таня.

– Слышал, что деньги вы не берете, но я бы мог...

Таня перебила:

– Завозите мальчика, а сами выйдите.

Из коридора истерический женский голос:

– Федор! Не оставляй Вадима, лучше я сама зайду! – из-за спины мужчины показалась голова измученной женщины. Он обернулся.

– Ира! Прекрати истерику! – повернулся к нам, в бархатном начальственном баритоне неожиданные просительные нотки. – Извините ее... у нас поздний брак, Вадик у нас единственный!

– Ирина Андреевна! Не переживайте, всё будет хорошо! – знакомый тон теплого участия в голосе Тани.

Незнакомец заметно дернулся, внимательно посмотрел на Таню, но ничего не сказал.

Завозит инвалидную коляску. Умное хорошенькое детское лицо, скрюченное тело, голова кажется непомерно большой для тонкой искривленной шеи.

Отец еще раз внимательно посмотрел на Таню и вышел, осторожно прикрыв дверь. Повернулась ручка, щелчок замка, я посмотрел на дверь и вздохнул, на работу теперь точно опоздаю, но оставить Таню в такой ситуации, конечно, не могу.

Внутри голос: «Это не долго, а тебе надо учиться». Следующий мой вздох получился гораздо искренней и продолжительней.

– Он спит и ему снятся красивые сны. – Таня с состраданием смотрит на маленького уродца. – Давай его переложим на тахту.

Попытался взять за плечи, но тельце уже плавно поднимается вверх. На моей тахте временный постоялец. Таня положила его боком, как он и сидел на коляске.

Она серьезно смотрит мне прямо в глаза и очень строгим менторским тоном говорит:

– Просто смотри и ничего не бойся! – только сейчас понял, что до этого она со мной общалась только мысленно. – Ты мне только можешь правильно смотреть, делать всё буду сама.

Сразу почувствовал легкое головокружение и увидел паренька полностью. Всё хитросплетение его сложного и совершенного, но изуродованного организма. Больные, криво не там и не так проходящие сухожилия, связки, нервные окончания горят неприятным багрянцем. Причина – искривленный позвоночник, он почти весь черный, идет отмирание клеток, верхние позвонки искривлены так, что третий еле поддерживается связками, только тонкий слой кожи и пораженные мышцы держат его в организме, а диск с внутренней стороны истончился до ниточки.

Даже не представляю, что здесь можно сделать!

Случайно взгляд скользнул по своей ноге и сразу же увидел ши-

рокую артерию с ответвлениями с пульсирующей алой кровью, большую берцовую кость, успел удивиться, какое всё у меня большое по сравнению с мальчиком, тут же мысленный окрик:

– Не отвлекайся! Ты мне нужен здесь!

В тело паренька к самым большим страшным местам тянется от Тани поток изумрудной чистой энергии. Черный со зловещим багрянцем окаем позвонка бледнеет, исчезает, тает коричневый осколок, внутренняя полоска утолщается, но до нормального дотянуться еще не может. Физически ощущаю волны доброй силы. Понимаю, такой мощный ток сделает для жизни ребенка всё и вытянет его сюда к свету и к радости бытия. Мальчик сам выпрямляется и висит над тахтой.

Таня поднимает глаза. Краски лица как будто обесцветились, обозначилась сеточка морщин в уголках запавших глазниц. Проступили кости черепа. В жестком усталом взгляде – нежность и нечеловеческая усталость.

– Ему сейчас нужно нарастить мышечную массу, иначе молодой костяк не сможет функционировать. Без тебя не смогу.

– Что нужно делать?

Она так тяжело вздохнула, что у меня от жалости сжалось сердце.

– Только смотри, – совершенно пустой мертвый взгляд. – А лучше наоборот закрой глаза, только не сопротивляйся.

На крошечный миг увидел какой-то хищный Танин взгляд, обращенный к больному. Закрыв глаза и увидел открывшимся чужим зрением Вадика. Тело его вижу размытым, как через толщу воды, даже скорее пелену тумана, но потоки энергии от Тани стали ярче, многоцветней. Оказывается, и к ней тянется от ребенка грязный серый поток чужих сущностей. Перед ее аурой они истончаются и пытаются пробиться сквозь защитный кокон, плющатся, в местах новых утолщений выползают сотни паутинок и уродливыми щупальцами пытаются найти лазейку в коконе.

Таню необходимо защитить!

Две паутинки уже нашли брешь, становятся еще тоньше, но наливаются грозной чернотой!

От меня исходит оранжевый диск и мгновенно бьет самую большую серую грязь, она разлетается черными кляксами.

– Не отвлекайся! Это всё потом!

От меня исходит широким потоком золотой теплый свет, Таня превращает его в лазоревый и впитывает в мальчика.

Пока воевал, чернота почти исчезла, только на верхних еще деформированных позвонках и искривленных дисках остается темный окаем. Но и он на глазах бледнеет.

Силуэт Вадика меняется, под кожей проявляются мышцы, пока тонкие, но со временем, знаю, нальются в настоящие и живые...

Внезапная тошнота, кружится голова, меня затягивает в мутный омут...

– Открой глаза! Открой глаза!.. Выходи... – теряется повелительный, но родной голос, остается только далекое эхо...

– Проснись! Пожалуйста, очнись! – понимаю вдруг, Таня трясет меня, как тряпичную куклу.

С усилием, как будто делаю непосильную работу, открываю глаза. Передо мной странный черно-белый мир качается и двоится. Краски выцвели, полиняли и подернулись туманной вуалью. Надо мной, но на краю сознания, где-то далеко моя Таня. Слова долетают с двойным накладывающимся друг на друга звуком. Пытаюсь сосредоточиться. С усилием начинаю улавливать отдельные слова.

– ...Не отдавай ему больше!.. Прекрати!.. Ты сам сейчас уйдешь... не смогу тебя вернуть!.. – повернуть голову не получается, но скосив глаза, с удивлением понимаю, от меня к лежащему Вадике тянется тоненький бледный поток. Вяло пытаюсь убрать его.

При втором включении в сознание обнаруживаю в комнате respectableного господина. С равнодушием понимаю, зовут его Федор Феликсович, имеет блокирующий пакет в солидном банке, доли в двух процветающих фирмах, очень приличные вклады в западных банках, нелепое сочетание собственного имени и отчества с молодости доставляет ему ощутимые неудобства...

– Как он? Почему без сознания? – с вялым удивлением отмечаю, голос его превратился в режущий слух дискант, но начальственные нотки сохранил.

– Выздоровеет! Сейчас спит!

Перед входной дверью какое-то беспокойство вот-вот превратится в панику.

Жесткий, на грани жестокости командный голос Тани:

– Успокойте жену и возвращайтесь!

Федор Феликсович подчиняется беспрекословно. Опять уйду из этого мира. Краем сознания с легким сожалением слышу Таню:

– Не спи! Тебе нельзя... – но уже кружит и затягивает знакомый серый омут.

Опять меня бесцеремонно вырывают из равнодушного небытия.

– Очнись! Не уходи! – холодные капли слез на лице. Истеричный Танин голос вытаскивает меня из невозвратного далека. Физически чувствую, каких невероятных усилий стоит ей вытащить и держать меня в этом мире.

– Подойдите ближе, – опять повелительные интонации в ее голосе. – Стойте рядом и ничего не бойтесь! Антон отдал слишком много вашему сыну, а сейчас вы вернете ему хотя бы малую часть.

На меня пульсацией наплывает и удаляется настороженное лицо.

– Вам кровь моя нужна? – за напускным спокойствием страх и недоумение, Таня усмехнулась одними губами.

– Нет, конечно! Всё гораздо проще, но вы все равно не поймете.

Моя Танюша применяет безотказный прием, максимальное участие и обаяние в голосе, и фирменную открытую улыбку.

– Не бойтесь! Заберу для него немного, больно не будет, но лучше сядьте!

Только сейчас осознал, лежу на ковре, под головой подушка. Рядом со мной в кресло осторожно садится Федор Феликсович. Он заметно успокоился, но настороженность остается.

Сразу же чувствую живительную чужую энергию, но поток резко обрывается. Федор Феликсович пытается вскочить, но ноги не держат, он падает, до пола не долетает, ноги взлетают выше головы, широко и неловко раскинув

руки, мягко опускается обратно в кресло.

Вытаращенные, до не может быть, глаза, широко до немыслимых пределов распахнутый рот, видны сношенные коронки коренных зубов, но воздух не может покинуть легкие, а рот закрыться.

Бисеринки пота на верхней губе, наконец, делает глотательные движения, шевельнулся кадык.

– К-к-как... эт-то!.. – с великим трудом выдавливает невнятные слова.

– Успокойтесь! – повелительная учительская интонация. – Возьму еще чуть-чуть...

Он энергично трясет головой, членораздельно говорить еще не может. На щеках и потном лбу яркие красные пятна.

Могу уже повернуть голову, прорезался голос:

– Отпусти его... – говорить получается с трудом, нужны значительные усилия, чтобы выговорить фразу.

– Ты сейчас даже встать не сможешь, нужно еще хотя бы немного!

Слушаю и не понимаю, говорит она словами или внутри меня, но самому мысленно общаться проще:

– Плесни ему коньяку, не дай Бог инфаркт... – в воображении появляется тяжелая хрустальная рюмка с масляным коричневым желанным напитком. Трудное рефлекторное глотательное движение.

– Сердце у него крепкое, а от спиртного еще хуже будет! Сейчас приведет себя в порядок, человек крепкий.

Действительно, приходит в себя. Пятна уходят, на лицо возвращается почти нормальный розовый цвет, впечатление такое, будто Федор Феликсович только что вышел из парной, только благость на физиономии отсутствует.

– Что с Вадиком? – клетчатый платком вытирает пот, на лбу и в уголках рта проявились глубокие морщины. – Он придет в себя?

– Папа! Мне такой сон снился!

– Таня! Подними меня, хочу посмотреть.

Она шагнула ко мне, имитирует подъем. Получилось не убедительно, поставила меня верти-

кально, даже ноги чуть оторвались от пола, посадила в кресло.

Отец с сыном ни на кого не обращают внимание, целиком занятые сами собой. Папа ощупывает сына и пытается осторожно поднять мальчика на ноги.

– Вадим, как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит?

– Он пока не сможет сам встать! Вам нужно будет обратиться к специалисту по лечебной гимнастике, нанять массажиста, с деньгами это не проблема.

Федор Феликсович не спускает глаз с сына, но внимательно слушает. Он полностью оправился от потрясения. Старается сохранить серьезное лицо, но предательская улыбка, блестящие глаза выдают его восторг и веру в свершившееся чудо. Вадик, по-моему, еще не осознал происшедшее, он просто рад, что не чувствует боли. Впрочем, попытался повернуть голову и ясная улыбка с ямочками на щеках расцветает на милой мордашке.

– Тетенька! Вы фея!?

Вот и еще для одного человека моя Таня получила этот почетный статус!

– Белоснежка! – озорно покосилась на меня и поправилась. – Меня зовут тетя Таня! А ты у меня будешь главным гномиком.

– Я для вас всегда буду ВАШИМ гномом! – серьезно совсем не по-детски ответил Вадим. – А когда вырасту, всё, что захотите для вас сделаю.

От такого заявления, сказанного серьезным и искренним тоном, у меня слезы навернулись, но может быть, виновата общая слабость...

– Можно, Ирину позову, она в машине извелась, наверное, совсем.

Таня усмехнулась.

– Она под дверью. Мы с вами еще не закончили, впрочем, вы везите Вадика с ней в машину, а сами возвращайтесь.

– Папа! Я не хочу на коляске! Можно я сам попробую...

Федор Феликсович вопросительно смотрит на представительницу волшебников.

– Ты, главный мой гномик, сам встать не сможешь, обещаю, месяца через два уже бегать начнешь, – Вадик серьезно слушает. – Только занимайся

с собой, не ленись! Сейчас папа тебя на ноги поставит, попробуй сам пойти!

– А поедемте к нам в гости, – вопросительно с немой просьбой смотрит на отца.

– Может, действительно, махнем к нам! – приглашает искренно, от всей души! С мечтательной улыбкой отчаянно машет рукой. – Какая сегодня работа!

Сейчас, глядя на него, вижу нормального кампанейского мужика. Наверняка, хлебосольный хозяин и надежный друг.

Вдруг понял, с удовольствием посидел бы с Таней в гостях у счастливых людей, которые не без моего участия избавились от главной беды, но только отрицательно покачал головой. Отказалась за нас общая для нас с Вадиком фея. Мне показалось, разочарованно развела руками.

– К сожалению, никак не получится. Рады бы...

Осторожно поднял сына, Вадик с закушенной губой пытается утвердиться на подгибающихся ногах, папа поддерживает его. Ступня не хочет отрываться от пола, обильный пот струйкой течет по щеке.

– Не торопись! Не сразу Москва строилась! – кажется, Федор Феликсович взглядом и всем существом помогает сыну сделать первый шаг. Нога, согнутая в колене, волоком по сантиметру движется вперед. Сквозь пыхтение придушенный тонкий голос.

– Папа! Пусть меня мама на ногах увидит!

Вадик с великим трудом все-таки смог пройти прихожую, конечно, при помощи отца, но перед матерью предстал с победной улыбкой.

Повернулась защелка замка, сама собой распахнулась входная дверь, Федор Феликсович резко обернулся, внимательный быстрый взгляд.

– Вадик! – возглас Ирины Андреевны гулким эхом отозвался в подъезде, рухнула на колени перед сыном. – Ты сам ходишь... ножками! – обняла сына, осторожно прижала к груди, обильные слезы и невнятные причитания.

– Ира, прекрати! – шагнул к лифту, нажал кнопку вызова. – Не устраивай балаган!

Моя квартира приобретает репутацию «нехорошей». Помимо потребления в пищу молодых женщин и бабушек пенсионного возраста, пойдет туманная слава о крови невинно убиенных младенцев.

На глаза попались часы, с удивлением отметил, всё заняло каких-то двадцать с небольшим минут! Если бы сейчас выехать, вполне успел бы на работу.

Попросил Таню подать телефон. Позвонить оказалось не так просто, потребовались немалые усилия, чтобы удерживать телефон в руке. Никогда не испытывал такой слабости, хотя ничего не болит, самочувствие нормальное, только сил нет.

С трудом выбрал рабочий номер, отозвался Сергей. Ворочая непослушным языком, сказал, что опоздаю.

– Ты что, с бодуна, заранее отпуск предстоящий отметил? У шефа вопросы по Семеновскому проекту, как бы с утра не приперся!

– Приеду – всё сделаю!

– Скажу, что ты в пробке стоишь, но всё равно не расслабляйся! – уже собрался отключаться, вспомнил: – Да! Кстати, ты за рулем поосторожней! На Веретеникова гаишники стоят...

Возвратился Федор Феликсович с широкой улыбкой.

– Ира от радости с ума сходит! Вадика затискала, он уже отбивается от нее, мужик растет!

– Садитесь! – Таня кивнула на кресло. Улыбка завяла, но безропотно устраивается в кресло.

– Вы не бойтесь...

– Я не боюсь, – перебил. – Просто в прошлый раз всё так неожиданно... жизнь, если бы надо, Вадиду отдал бы...

На этот раз перебила Таня:

– Расслабьтесь, а лучше закройте глаза, – милый Танин голос навеивает дрему. Живительный поток впитываю как губка...

– Всё, хватит!

Завозился на полу. Такое чувство, будто отсидел всё, что можно и нельзя, но с каждой секундой становится легче. Когда начал подниматься, легкое головокружение, чуть двоится в глазах. Встал на

ноги – всё прошло, осталась только слабость, как после гриппа.

В кресле откинувшись, безмятежно спит Федор Феликсович.

– Это ты его?..

– Очень нервно всё воспринимает!

Вдруг всем телом прижалась ко мне, с удовольствием обнял, спрятала лицо на моей груди, слезы на локте.

– Что ты! Всё хорошо!

– Я ведь тебя чуть не убила!

– Забудь! Уже всё кончилось!

– Может ты прав, лучше бы нам не встречаться!

Молча, обнимаю ее, глажу невозможные ее волосы, легкими поцелуями прикасаюсь к лицу. Ответить нечего. Да и что можно сказать, если она знает даже тени моих мыслей, желания, о которых сам не подозреваю...

Вон на журнальном столике стоит соседский коньяк и две тяжелые хрустальные рюмки, а ведь это желание искоркой мелькнуло где-то по краю моего сознания!

– Мне же за руль!

– Нас Федор отвезет.

– Нас?

– Я тебя одного не отпущу! Ты долго меня от всех знакомых прятать будешь? – с влажными глазами улыбается.

Улыбнулся в ответ, говорить не о чем, моя фальшивая чешка произведет фурор в любой компании.

Федор Феликсович сладко потянулся и с улыбкой повел плечами.

– Студенческие годы вспомнились, такое впечатление, будто вагон с солью разгрузил, – остро взглянул на Таню. – Меня обязательно усыплять надо было?

– Выпейте коньяку!

Он хотел еще что-то спросить, но вместо этого взглянул на меня.

– Если хозяин угостит?

Плеснул на два пальца коньяку, спросил Таню:

– А сама?

Она только покачала головой.

– Ну, на правах незваного гостя за вас!

Выпил залпом, бросил взгляд на стол, бегло, но внимательно посмотрел на Таню. Все-таки при должном внимании заметно, чело- век она не от мира сего.

Коньяк разлился во мне мягким теплом и легким туманом коснулся головы.

– Вот что я хочу сказать. Первое. Я вам безмерно благодарен. При любых проблемах смело можете рассчитывать на меня. Подчеркиваю! При любых! Второе. Хотел бы как-то отблагодарить. То, что деньги вы не берете, в курсе, но не всё измеряется деньгами! Не примите за бахвальство, но я многое могу сделать, – увидев мои отрицательные телодвижения, жестом остановил. – Сначала выслушайте! Третье. Если решите открыть какую-нибудь клинику, всегда рад помочь. Финансовая помощь, льготный кредит, подобрать помещение, аппаратуру, подбор персонала, если думаете, что это просто, то ошибаетесь!

Подбородком показал на бутылку, я кивнул. Также на два пальца налил мне и себе.

Да-с! Это не папа Аришки с жалкой пачкой долларов! Мужик деловой, в чем в чем, а в этом ему не откажешь. И удочку насчет кредита и помощи грамотно наживил. Совместно с нами клинику открыть! В результате мы пашем, а он купюры считает! Что-то нужно отвечать:

– Ни в какой помощи мы не нуждаемся, но спасибо на добром слове!

Положил на столик визитку.

– Здесь мои телефоны, а на той стороне, – перевернул карточку, – написал лично мой номер для самых близких друзей. Звоните в любое время!

– Довезете нас до работы Анто-на?

– Без проблем! Сейчас вызову Игоря...

– Не нужно!..

– Такая мелочь ничего не стоит! – в руке дорогой смартфон. – Водителя проинструктирую, это мой личный автомобиль, и он на весь день в вашем распоряжении. Даже приятно хоть что-то для вас сделать. Сейчас позвоню, минут через десять подъедет – поднялся. – Вы пока собирайтесь, машина у подъезда будет.

Водителем оказался представительный мужчина, седые волосы аккуратно подстрижены, чем-то неуловимо похож на босса.

Услужливо распахнул дверь. Когда устроились внутри роскошного джипа, подал мне «визитку». Конечно, поскромнее чем у шефа. Просто белая картонка с именем отчеством и фамилией. Ниже – номера телефонов.

– Сегодня я в полном вашем распоряжении по указанию Федора Феликсовича, – имя и отчество шефа было сказано с особым пиететом.

– А «визитка» зачем?

– Если вам куда-то нужно отойти, позвоните, подъеду.

Чуть слышно, как довольный кот, урчит двигатель. Мягкий в меру удобный диван, в салоне приятный ненавязчивый запах дезодоранта. Да! Пахнет очень и очень большими деньгами!

Не успела Таня выйти из машины, Игорь уже распахнул дверцу. Выхожу следом, с моей стороны дверь оказалась заблокированной. На тротуаре на своем законном месте стоит потрепанный «мерс» шефа, а он сам с открытым ртом смотрит на Таню. Солнце как раз выглянуло из-за тучи, и самая красивая женщина нашего мегаполиса, а, может быть и мира, не глядя по сторонам, прошла мимо него. Меня заметил только, когда я открыл дверь перед Таней.

Зачем только дал себя уговорить, чтобы она сопровождала меня на работу! Конечно, тут же влюбила в себя всех представителей сильного пола и вызвала негативную реакцию всех без исключения дам. Даже Ираида Николаевна поджала губы после любезной улыбки.

Делать ей у нас в офисе нечего, получилось, что Таню привел только похвастаться. Конечно, моя королева почувствовала отчуждение и с милой улыбкой сказала, что подождет меня в кафе. На невысказанный вопрос, проворковала, что моя карточка у нее. С трудом сообразил, что речь идет о моей банковской карте. Инстинктивно потянулся в карман, но тут же отдернул руку, но успел заметить ехидную ухмылку Ираиды.

Работа валится из рук, не покидает беспокойство. Как там моя подопечная? Понимаю, что ничего страшного не произойдет, но одна в чужом городе...

– У меня всё нормально, – голос с любимой улыбкой, и Таня,

как смайлик тает в моем сознании. Физиономия моя расплывается в ответ. Оглядываюсь, вроде бы никто не заметил, и тут же выдаю:

– Ты где?

Сослуживцы выглянули из-за мониторов, с выступившим румянцем утыкаюсь в бумаги.

– Зачем вслух, – опять улыбка.

– Думай, мы, как у вас говорят, на связи!

Где-то промелькнул тихий голос Ираиды:

– Странный он какой-то... еще эта фифа крашенная... вот здесь я не знаю... – перед глазами пропадает какой-то график на мониторе.

Резко вскочил, тут же сел. Чужие эмоции, картинки, образы заполняют сознание. Обхватил голову руками. Получается, читаю чужие мысли!.. неясный шепот, громкие неразборчивые слова, смешивается в непереносимый шум в сознании. Не обращая внимание на взгляды, натываясь на углы, бреду в туалет. Голоса продолжают сверлить мозг.

– Что это с ним... – Серега, промелькнул какой-то текст, наслаивается голос Люды в обрамлении журнала мод:

– Такая штучка кого угодно с ума сведет...

Мелькают неясные обрывки мыслей, ясно прорезается:

– По смете уже перебрали, если только у геодезистов подрезать... ну-ка глянем... – уже за дверью у главбуха...

Задеваю очередной угол, на этот раз капризный голос Жанночки:

– Везёт же некоторым... надрался перед отпуском, а меня Ремезов даже в ресторан приличный сводить не может!.. Когда же обед! – проплывает аппетитный эклер.

Всё перекрывает Таня:

– Сейчас буду рядом!

– Не надо...

Проступает темный силуэт, встревоженная Татьяна стоит передо мной.

– Уходим! Закрой глаза!

Из туалета выходит знакомый из соседнего офиса.

«Антоха!.. вот это лапонька...»

Послушно зажмуриваюсь и... оказываюсь дома!

От всех фантазмагорий, нет сил, даже удивляться!

Рухнул на тахту, в голове волнами морского прибое отголоски чужих картинок и голосов, у кого мультипликационные, дерганые, где-то четкие или туманные.

Со всей силы сжал голову руками, сверху ребенок выпрашивает игрушку, яркий праздничный наивный мир передо мной. Журнальный столик, кресло, обои прикрыты бесцветным туманом, наплаивается тоскливая боль утраты справа, нереально глянцевого силуэта парня, девчонку обидели...

Стена! Серая стена... Я могу поставить стену...

Танины нечеловеческие магические щупальца тянутся к моему сознанию, к моей бедной израненной голове... кровавая пелена...

Стена...

Океан.

Под ярким голубым небом – бескрайний синий простор. Слепящее солнце касается ниточки горизонта, слепит солнечная дорожка, как потерянное перо невиданной птицы одинокое облако застыло в вышине. Снизу по краю подсвечено алым, выше наливается лазурью, а к самому зениту грозной темнотой.

Ни ветерка. Штиль.

Огромное радужное пятно растеклось по безбрежной синеве. Удушливый запах мазута. Грязная пластиковая бутылка чуть касается поверхности масляной воды.

Открыл глаза! Пропадает нефтяной запах... Для полного комплекта не хватало только грезить наяву!

В ватной тишине только голос Татьяны. Голос и мимика не совпадают. Вижу, как шевелятся губы и только через мгновения – слова. Нормально слышу фразы, но что говорит, не разбираю, словно на неизвестном языке.

Медленно наплывают звуки, размеренно капает вода, за окном чирикают воробьи, с перекрестка тронулись машины, размеренная жизнь улицы. Шум большого города, давно уже проходящий мимо. Где-то далеко, на краю сознания чужие мысли и чувства. Проплывают образы и обрывки эмоций.

– Не слушай, не обращай внимания! – Таня на грани истерики. – Ты не сможешь контролировать! Если навалются, мне тебя не вытащить!

Чужие мысли, эмоции захлестывают, обывденные шумы уже не могут пробиться! Ребенок запнулся о ковер и с ужасом летит к близкому полу. Коленка, локоть, нестерпимая боль! Картина на стене оплывает, двоится, кружится...

Стена!.. Серая стена!

Танины глаза передо мной. Тишина. Только сердце стучит в груди, комната подрагивает в такт, тяжелое собственное дыхание. Вижу, как шевелятся губы, но не слышу ее.

– Подожди! – собственный голос со стороны, словно записанный на носитель. – Помолчи! Дай прийти в себя!

Тряхнул головой, исподволь, как воры в ночи возвращаются звуки. Кап! Кап! Метрономом капает вода на кухне. Таня расширенными глазами следит за мной.

Не хочу, но со страхом жду возвращение волны чужих мыслей. Тишина! Пока тишина!

Вздрагиваю от голоса:

– Ты отключился, даже от меня!

В ушах тают беруши. Всё яснее слышу улицу, стрекочет сорока на дереве за окном.

Стоп! Почему знаю, что на дереве!? Безошибочно поворачиваю голову... стены нет! На старом тополе сорока. Отпрянул назад!

– Что! – тревога в ее глазах.

Стена есть! Ясно различаю овальное пятнышко на обоях, но его закрывает кресло! Вижу, что делается за окном. Квартира внизу, краем глаза замечаю, как поднимается лифт! С силой зажмуриваюсь, но и с закрытыми глазами вижу всё! Волна паники пытается накрыть тошнотворным ужасом! Закрываю глаза и трясусь многоградальной головой.

Ведь всё уже видел, когда привез злосчастную волшебницу домой! Не хочу ее мрачных чудес! Устал! Хватит! Безумно устал!

Вдруг резко всё поплыло перед глазами, тошнота. Успел добежать до унитаза, вырвало. Сунул голову под кран, ледяная вода живительным потоком смывает

все злое кошмары. В зеркале собственная измученная дикая физиономия. Тот час за стеной вижу соседнюю квартиру, но не хочу видеть чужую жизнь, хватаю собственных проблем.

Передо мной зеркало.

Что паникую? Могу ведь сам управлять собственными чувствами! Захочу, увижу пустую соседскую, а сейчас вижу собственную ванную!

Тщательно вытираюсь и твердыми шагами направляюсь в комнату.

– Я тебя не вижу!

– Не понял! Перед тобой стою! – для верности ткнул себя пальцем в грудь.

– Не могу отследить тебя! Всегда знала, где ты, сейчас вижу всех, но тебя нет, – в глазах искреннее недоумение, с опасением смотрит на меня. – Сначала перестала чувствовать твои мысли, а сейчас исчез вообще!

– Не усердствуй! Не видишь, так не видишь! – посмотрел на часы, прошло всего около десяти минут. Уже перестал удивлять временной парадокс.

– Мне на работу надо вернуться, проект закончить!

– Может, не надо? Ты еще не отошел от всего, – неопределенно махнула рукой, в глазах – настояженность.

Все-таки она становится землянкой. Не только жесты, даже мысли выражает как мы. Хмыкнул:

– Ты меня еще на поводок прицепи! Сиди дома, как закончу – приеду!

Страх еще полностью не отпустил меня, но перебороть его должен сам, иначе незачем жить!

– Зачем ехать, можешь просто попасть, бери меня за руку.

Меня передернуло, и в глазах у Тани останаётся беспокойство.

– На такси доеду! – нежно коснулся рукой. – Не переживай, часа через четыре буду дома.

– Позови Игорю, доведет!

Взглянул на «сотовый» и вызвал такси, лучше ехать с индифферентным водителем, чем разговаривать ни о чем с малознакомым человеком.

Сосредоточился на бумагах, не давая себе отвлекаться, закончил

проект. На два раза проверил, всё верно. Никакого чтения мыслей, никакого потустороннего зренья!

Шеф принял проект, просмотрел все цифры, странным взглядом глянул на меня и благословил в отпуск.

Уже на пороге окликнул:

– Очень не хотелось бы тебя потерять!

С недоумением смотрю на него.

– Девушка, конечно, красавица, – молчу, жду продолжения. – Но ты как-то... – замаялся, не может подобрать слова.

– Сам разберусь!

– Конечно, конечно, – торопливо махнул рукой. – Счастливого вдохнуть!

Таня встретила меня настороженно, но обрадовалась, что вернулся даже раньше, чем обещал. Испытующе посмотрела и предложила съездить в наш «Дом моды» в связи со светским дебютом. Понимая, что фальшивая чешка желает поразить присутствующих не только обаянием, но и нарядами, с тяжелым вздохом согласился. Вспомнил бесконечные ряды женской одежды, возбужденно щебечущие толпы дам всех возрастов, редкие хмурые лица соплеменников. Настоящая обитель мужской скорби.

Поехали на такси, за руль садиться еще опасался. Дело не в утреннем коньяке, напиток давно переработан организмом, просто в собственной адекватности изрядно сомневаюсь. Вдруг вместо дороги увижу подземный мир города!

Моя фея удивила не только меня, но и у работников торговли она останаётся в народных сказаниях.

Как обычно к нам с милой улыбкой подошла молодая продавщица с традиционным вопросом: «Вам чем-нибудь помочь?» Удостоилась только отрицательным жестом и улыбкой Тани. Та уже безошибочно выбирает нужные размеры, подает мне. Прошли три ряда и под шушуканье продавцов рассчитались наличными.

Проследовали в обувной отдел. Также молча, Таня выбрала три коробки, одну достала из нижнего второго ряда. За нами уже следили во все глаза и не только продавщи-

цы. С привычным каменным лицом расплатился, и мы покинули магазин, оставив продавщиц судачить об увиденном.

– Остановите здесь!

С недоумением смотрю на Таню.

– Выходим! – уже открывает дверцу.

Мы в квартале от дома. Взяла меня под руку и на мой недоумевающий взгляд с тяжелым вздохом пояснила:

– Дома женщина с дочкой ждет, – очередной вздох. – Прогрессирующий церебральный паралич, сахарный диабет. Ребенку осталось в лучшем случае года два жизни, а скорее всего меньше. Муж запил, сейчас в разводе, алиментов копейки, сама работает уборщицей, девочка-то требует постоянного внимания!

– Ты не будешь помогать?

Она печально улыбнулась.

– Не я, а мы! С некоторыми смогу сама, а такие, как Вадик, или эта девчушка, только с тобой. Да и в любом случае ты должен присутствовать обязательно! – молчу. – Ты не думай, что мы черствые! Просто сегодня ни ты, ни я сделать ничего не сможем! Нет сил! Тебя сегодня вообще чуть не убила!

Отпустила руку и встала передо мной.

– Очень трудно с тобой разговаривать, когда не знаешь, о чем ты думаешь! – просительно заглянула мне в глаза, – давай на послезавтра договоримся!

Пожал плечами.

– Сейчас ей позвоню, дай телефон, – не включая, поднесла к уху.

Хотел сказать, чтобы включила набор, но куда она будет звонить, не зная номера абонента! Но Таня уже разговаривает.

– Здравствуйте, Лариса Андреевна! Это Татьяна... Вам рассказывала о нас мама Ариши... нет! Нет, ничего не надо... сегодня не получится, другие неотложные дела, – в голосе извинительные нотки. – Давайте мы вам послезавтра позвоним и договоримся!.. – долго слушала собеседницу, попрощалась и подала мне телефон, машинально поднес к уху, тишина!

– Тебе зачем телефон?

– Хочешь, чтобы меня прохожие за сумасшедшую приняли!

Тем временем вижу молодую измученную женщину. Растрепанные волосы, дешевые китайские джинсы, бесформенная футболка. Напротив сидит мать Ариши, сейчас спросит...

Со страхом тряхнул головой, видение исчезло. Театр Кафки продолжает представление!

Передо мной тротуар и участливый невысказанный Танин вопрос, но тут же отводит глаза.

Медленно отпускает испуг. Никаких мыслей и видений! Хватит! И все-таки затравленно оглянулся. Не знаю, видит ли меня Таня, но спрашиваю не об этом.

– Ты не думаешь, что дома нас ждет очередь страждущих исцеления?

Невесело усмехнулась.

– Они очередь установили. После того, как Николай Павлович, папу Ариши так зовут, вернулся от нас, они обзвонили всех знакомых и встретились. Аришу разве что только не обнюхали! – опять печальная улыбка. – Решили по одному к нам ходить. Первой большинством голосов решили Маргариту с Иришкой послать...

– Благородно! А как же Федор с Вадимом к нам без очереди попали?

– А они там не были!

Идет рядом со мной и рассказывает, рассеянно вглядывается в только ей видимое на ажурной тротуарной плитке. Подняла на меня глаза.

– Он послал на импровизированное собрание Игоря.

– Водителя?!

– Он не только личный водитель, преданный Федору человек! Прошел с ним всё, и обязан шефу всем. То, что дети учились за границей, дочка в Англии живет и в Россию уже не вернется, у сына престижная работа, да и сам не бедствует! Федор Феликсович тоже ему жизнью обязан... Вадика любит, как родного, переживает за него!

– Сам почему не пошел? Ведь судьба сына решается!

– Разуверился он, – коротко взглянула на меня и опять рассматривает тротуар. – У кого они только не были! Двух шарлатанов разоблачил, одного даже в тюрь-

му посадили, правда, там и криминальная подоплека, но Федор Феликсович – инициатор разбирательства был.

– А за рубежом...

– Только в России думают, что за границей волшебники. Конечно, в развитых странах за деньги многое можно сделать, но там и шарлатанов хватает, и не кудесники они, просто уровень медицины выше.

Конечно, пытались и там лечиться. В Германии сразу сказали, что помочь ничем не смогут, в Испании шарлатан чуть ребенка не погубил, да денег выкачал приличную сумму! – усмехнулась.

– Феликсович очень обиделся, пытался наказать фальшивого доктора, но чуть сам в тюрьму не угодил! Там не Россия, и деньги не всё могут!

Иглоукальвание в китайской клинике, в Японии пытались лечиться, на Алтае... но у вас его бы никто не вылечил!..

– Тут прилетела волшебница...

С улыбкой подняла на меня глаза.

– Без голубого вертолета общались!

– Все-таки ты становишься обычной земной женщиной!

– Это и страшно!

(Окончание следует)

В

